

СТЕНДАЛЬ

Сен-симон
Филиппович

ИЗД — МАЛАН СЕРИИ

Annotation

Личность Анри Бейля, известного миру как Стендаль, сложна и парадоксальна. Этот блистательный ум не был оценен при жизни; заслуженная им литературная слава тоже пришла к нему лишь после смерти. Антиклерикал с убийственной иронией, своим пером, словно острым скальпелем, вскрывающий человеческую душу, — Бейль-Стендаль посвятил свою жизнь смелым поискам самого себя. Этой жизни, поражающей многообразием, — от наполеоновских кампаний до перипетий консульской службы, перемежающихся любовными тревоблениями, — могут позавидовать даже герои его собственных романов. В предлагаемой книге она и предстает перед читателем во всей своей полноте.

- [С. Филлипетти Стендаль](#)
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [ГРЕНОБЛЬСКИЕ ГОДЫ. 1783–1799](#)
 - [Обременительная наследственность](#)
 - [«Я был влюблен в свою мать»](#)
 - [Тирания Райана](#)
 - [Математика как путь к свободе](#)
 - [ВОЕННЫЕ ГОДЫ. 1800–1814](#)
 - [«И это Париж?»](#)
 - [Переход через Альпы](#)
 - [Первый раз в Милане](#)
 - [Париж — столица больших возможностей](#)
 - [Марсельская интермедия](#)
 - [Охота на Дарю](#)
 - [На службе Империи](#)
 - [Австрийская компания](#)
 - [Аудитор Государственного совета](#)
 - [Италия — страна мечты](#)
 - [Русская кампания](#)
 - [Последний вираж наполеоновской эпохи](#)
 - [МИЛАНСКИЕ ГОДЫ. 1814–1821](#)
 - [Любовь умирает, но не сдается](#)

- [Первая книга, первый плагиат](#)
 - [Милан — мертвая равнина](#)
 - [От Гренобля до Лондона](#)
 - [Откуда взялся Стендаль](#)
 - [Счастливой любви не бывает](#)
 - [Конец партии — «горький уход»](#)
 - [ПАРИЖСКИЕ ГОДЫ. 1821–1830](#)
 - [Гнетущее однообразие](#)
 - [Что есть Лондон?.. Это великий Кин](#)
 - [Светский человек и литератор](#)
 - [Литературная перепалка](#)
 - [Дело «Менти»](#)
 - [Прощание навеки](#)
 - [От тоски — к возрождению](#)
 - [КОНСУЛЬСКИЕ ГОДЫ. 1830–1842](#)
 - [Изгнание из Триеста](#)
 - [Мрамор Рима — вместо папской гавани](#)
 - [Свобода, милая свобода](#)
 - [Когда любовь подает в отставку](#)
 - [Неоконченный роман](#)
 - [Вдогонку за утраченным временем](#)
 - [Последние годы в Италии](#)
 - [Умереть — значит вернуться в Париж](#)
 - [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
 - [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА СТЕНДАЛЯ](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

С. Филлипетти Стендаль

ПРЕДИСЛОВИЕ

Стендаль. Портрет работы Й. Содемарка. 1840 г.

В своих «Философских прогулках» Реми де Гурмон пишет: «Философский смысл того или иного периода времени следует искать не только у самих философов, для которых философия является профессией или предметом постоянных размышлений, но с не меньшим основанием у моралистов, поэтов и романистов. <...> В XIX веке несколько независимых и оригинальных умов выстроили, сами того не зная, целую философию. Среди них — Стендаль. В эту эпоху расцвета христианского романтизма вдруг появились особенные книги — они противоречили общему направлению умов. <...> Для Стендаля смысл жизни был в поисках любви. Такой жизненный принцип может показаться грубым или легкомысленным,

но именно он был бесконечно нов для общества, которое едва успело опомниться от ужасов военных кампаний и сразу очутилось в тенетах набожности и литературного сентиментализма».

Обладатель трудного характера, замешенного на противоречиях, Анри Бейль, известный как Стендаль, не был похож ни на кого. Его своеобразный жизненный путь — в непрестанном движении — пробивает изрядную брешь в том слишком серьезном имидже, который ему зачастую придают. Его рождение выпало на самое начало революции; в возрасте между восемнадцатью и тридцатью годами этот яростный антиклерикал принимал участие в наполеоновских кампаниях в Италии, Пруссии и Австрии, а затем — и в России. В годы зрелости он, вечно сомневающийся насмешник, оттачивал свой ум в самых просвещенных кругах Империи и Реставрации, а закончил свою жизнь во времена Июльской монархии — консулом в маленьком портовом городке Чивитавеккья, что было не слишком почетным изгнанием.

Наделенный острым умом и даром собеседника, в котором ему не было равных, он умел внимательно наблюдать за изменениями, происходившими с обществом. Среди жизненной мешанины из трагикомических любовных перипетий, бесконечных переездов и проблем со здоровьем он создавал удивительно разноплановые произведения; в его романах содержится много автобиографических моментов. Предпочитая предписаниям морали непреклонную правду жизни, он подарил французской литературе два своих бесценных шедевра — доказательства силы его гения: «Красное и черное» и «Пармскую обитель».

Питая отвращение к угодничеству, ненавидя лицемерие, будучи начисто лишенным предрассудков, он вплотную приблизился к пониманию страстей и познанию человеческой души. Испытывая потребность в признании светских салонов, обладая неизменным вкусом к литературным беседам, он тем не менее нередко страдал приступами тоски и неудовлетворенности.

Стендаль часто анализировал свои чувства с пером в руке, но не любил театрально выставлять себя напоказ в своей корреспонденции и автобиографических заметках, как это делают многие писатели: он не ставил перед собой цели непременно остаться в памяти людей и перешагнуть таким образом через века — ему просто нужно было непредвзято разобраться в самом себе. Разные псевдонимы, фразы на других языках, маленькие хитрости и закодированные слова лишний раз доказывают это.

Был ли этот оригинальный ум оценен по достоинству при жизни? Ни в

малой степени. Его произведения, не знавшие успеха, почти неизвестные его современникам, были достоянием лишь нескольких литераторов, которые высказывали о них самые противоречивые мнения. Как выразился позже об этих его собратях Эмиль Золя, «их суждения о нем, похоже, не проникали глубже поверхности кожи». Расхождение мнений было широким: от возмущенного осуждения Шарля Огюстена Сент-Бёва, на что явно повлияли его рационализм и приверженность классикам, — до восторженных похвал Оноре де Бальзака и Астольфа де Кюстина. Чтобы быть заново открытыми, произведениям Стендаля пришлось дожидаться достойной оценки, уже в конце века, от позитивиста Ипполита Тэна: «Я подыскиваю слова для определения стендалевского ума и нахожу, кажется, только одни: это высочайший ум».

Именно Тэну обязан Стендаль наименованием «самый великий психолог века», и именно Тэн стал посредником, благодаря которому влияние Стендаля распространилось на творчество таких писателей, как Морис Баррес, Поль Бурже, Эдмон и Жюль Гонкуры, Поль Валери...

Скруплезным сохранением всех бумаг Стендаля мы обязаны его кузену Ромену Коломбу. Благодаря его преданности, творчество Стендаля не только уцелело, но и смогло быть впоследствии полностью опубликовано. С того времени «бейлисты» и «стендалисты» не перестают плодиться, а те «happy few» («немногие счастливицы»), которым Анри Бейль адресовал свои книги, на сегодняшний день составили уже целый легион. Мало кто из писателей удостоился такой блистательной посмертной реабилитации.

Впрочем, надо признать, что в компании со Стендалем действительно никогда не бывает скучно.

ГРЕНОБЛЬСКИЕ ГОДЫ. 1783–1799

Обременительная наследственность

«Ничто не удивляло меня больше в моих путешествиях, чем слышать от знакомых офицеров, что Гренобль — очаровательный город, искрящийся умом, и что молодые женщины в нем просто незабываемы». Анри Бейль был, бесспорно, патриотом Дофине: ценя отважную натуру и закаленный характер его уроженцев, он при этом нисколько не был склонен к ностальгии по родному городу. Все в нем раздражало его: как внешний вид («сырость и грязь на стенах домов — позеленевших, почерневших»), так и умы («Все самое плоское, что есть в буржуазности, напоминает мне Гренобль; все напоминающее о Гренобле внушает мне ужас — нет, „ужас“ еще слишком благородное слово, — „тошноту“». Гренобль для меня как воспоминание об отвратительном несварении желудка: опасности нет — только страшное омерзение».)

Гренобль стоит на берегу Изера, соседствуя с Воклюзом, Тайфером и Шартрезом, опираясь на склон горы Бастиль, в обрамлении незавершенного земляного вала. К началу революции он представлял собой благоденствующий город со своим парламентом^[1], театром и светской жизнью. Светские нравы были настолько свободными, что Шодерло де Лакло, служивший в здешнем гарнизоне в качестве артиллерийского офицера с 1769 по 1775 год, здесь же, похоже, и почерпнул материал для своих «Опасных связей».

Ребенку, а затем юноше Бейлю даже в голову не могла прийти мысль о наличии чего-либо неблагопристойного в той жизни, что протекала за внушительными фасадами суровых домов его родного города. Провинциальное, живущее интригами, это внешне благовоспитанное общество казалось ему лишенным пороков, далеким от всякой свободы нравов, а мадам де Монмор, предполагаемый прототип маркизы де Мертёй, осталась в его памяти хромой старой дамой, которая угощала его засахаренными орехами, когда он бывал в гостях в ее поместье Шеваллон.

«24 января 1783 года крещен Мари Анри, рожденный вчера законный сын дворянина Шерубена Жозефа Бейля, адвоката в парламенте, и дамы Каролины Аделаиды Генриетты Ганьон. Крестным отцом был господин Анри Ганьон, врач в этом городе, с крестной матерью ребенка дамой Мари Раби, вдовой дворянина Жана Батиста Бейля, при жизни королевского

судьи этого города, — подписавшиеся с отцом и свидетелями». Новорожденный получил, таким образом, два наследия — во всем противоположных: он оказался одновременно Бейлем и Ганьоном, горцем и средиземноморцем. Замкнутым и прагматичным — с одной стороны, яростным и тоскующим — с другой. Всю жизнь ему суждено быть разрываемым между этим своим двойственным наследием: недостатком внешнего блеска, мелочной расчетливостью, одержимостью предрассудками, полученными от отцовского клана, к которому он причисляет и свою тетушку Серафи, и возвышенными чувствами и открытостью ума, свойственными противоположному клану.

Бейли были уроженцами Веркорского высокогорья; в их семействе передавалась по наследству должность прокурора парламента: прадед Анри, Жозеф Бейль (1649–1739), получил ее в 1696 году и передал ее в 1721-м своему сыну Пьеру (1699–1764). Королевский советник, он был также субститутотом и адъюнктом в окружном суде Грезиводана — эта должность принесла ему в качестве привилегии личное дворянство. Пьер Бейль и Жанна Дюперон в своем брачном союзе произвели на свет двух дочерей и сына, Жозефа Бейля, родившегося 29 марта 1747 года.

Жозеф Бейль, в свою очередь, стал сначала прокурором, а затем адвокатом в парламенте и получил свою часть наследства в Фюроньере. В клане Бейлей чрезвычайно ценилась эта наследственная должность: она приносила неплохой доход и давала право на благородное звание. Вполне естественно, что все предки Анри были и останутся душой и телом преданы «старому режиму» — королевскому. И только Анри Бейль впоследствии станет убежденным республиканцем.

Что касается Ганьонов, то они, будучи родом из Воклюза — «здесь апельсиновые деревья сами растут из земли», — поселились в Дофине лишь в конце XVII века, то есть были здесь «пришлыми». И все же Анри ошибался, когда приписывал себе итальянское происхождение по материнской линии. На самом деле это были мелкие собственники-земледельцы, жившие неподалеку от Карпентраса, а затем в Бедарриде до 1676 года: в этом году один из Ганьонов — Жан — отбыл в Авиньон. Его сын Антуан (1677–1749) прибыл на жительство в Гренобль в качестве штаб-лекаря арсенала и в 1718 году женился на Элизабет Сантер (1687–1755); в этом браке родилось шестеро детей. Среди них — Элизабет, родившаяся 30 октября 1721 года, и Анри, родившийся 6 октября 1728 года, — в этом же году ему был отписан в собственность дом на углу Гранд-рю и площади Гренет.

Упомянутый Анри Ганьон, дед будущего писателя, унаследовал

профессию своего отца. Окончив учебу на медицинском факультете в Монпелье — он получил звание доктора медицины в 24 года, — Ганьон вернулся практиковать в родной Гренобль. Обладатель любознательного ума, знаток литературы, последователь свободной мысли Бернара Ле Бовье де Фонтенеля и большой поклонник века Просвещения, — этот почтенный нотабль вполне усвоил тягу своего века к новизне. Будучи к тому же филантропом, он стал одним из учредителей Публичной библиотеки, литературного общества и исторического кабинета в своем городе. Обладая большим педагогическим талантом, он сумел впоследствии передать свою любовь к литературе внуку Анри. Тереза Фелиза Рей, с которой он сочетался браком 9 декабря 1756 года, родила ему троих детей: Анриетту Аделаиду Шарлотту — 2 октября 1757 года; Феликса Ромена — 17 декабря 1758 года; Марию Франсуазу Серафи — 21 сентября 1760 года.

Дом родителей будущего Стендаля, № 14, стоял на узкой и мрачной улице Старых Иезуитов — она была переименована в 1794 году в улицу Жана Жака Руссо в память о пребывании здесь знаменитого писателя тридцатью годами ранее. Семья Бейлей издавна занимала в этом доме третий этаж: еще Жозеф, дед Шерубена и прадед Анри, умер здесь, перед кончиной передав его в наследство сыну Пьеру. Когда родился Анри, его родителям Шерубену и Анриетте, вступившим в брак 20 февраля 1781 года, было одному — 36 лет, другой — 26. Жизнь Шерубена к этому времени ничем особенным не отличалась. Ранняя смерть отца вынудила его взять на себя заботы о близких; он получил льготные права, чтобы унаследовать часть семейного имущества, и уже с 17 лет работал без продыха. Благодаря своему упорству он сумел через несколько лет, продав свою часть наследства, сдать экзамен по праву и получить в июне 1780 года должность адвоката в парламенте Гренобля. Устроив финансовые дела и обеспечив будущее сестер, Шерубен мог теперь позаботиться о собственной карьере: добиться положения консисторского адвоката, получить персональное дворянство и заняться обеспечением достойного будущего своему наследнику.

Своего детства Анри почти не помнил. Так, он не помнил рождения 21 марта 1786 года Полины Элеоноры — любимой сестры, с которой в будущем у него сложатся самые доверительные отношения. Не помнил он и рождения двумя годами позже Зинаиды Каролины, с которой у него никогда не будет взаимопонимания. Все, что ему запомнилось из детства, — это несколько случаев, которые принесли ему репутацию «жестокоего мальчика»: как он «укусил в щеку или в лоб мадам Пизон дю Галлан» — это была его кузина; или как он нечаянно уронил из окна на улицу

кухонный нож — тот угодил прямо на некую мадам Шеневаз. Упреки в его адрес тетушки Серафи, «известной городской святоши», были однажды поддержаны даже любящими дедом и бабушкой Элизабет, — эти упреки впервые пробудили в Анри бунтарские настроения и отвращение к религии. «И почти тогда же родилась моя любовь к Республике — в то время доходившая до одержимости».

Надо сказать, что вся страна тогда была охвачена революционными идеями и революционным пылом; столица Дофине, Гренобль, не была исключением. В мае 1788 года Людовик XVI принял реформу, предложенную Ламуаньоном, хранителем печати, — речь шла об упразднении парламентов. Парижский парламент капитулировал перед королевской армией, но парламенты в провинциях оказали сопротивление. 7 июня в Гренобле, когда протестующие магистраты оказались под угрозой изгнания, весь город восстал против войска герцога Клермон-Тоннера, генерального наместника провинции: солдат забросали черепицей с крыш. Побитые черепицей вояки отступили, а магистраты возвратились во Дворец юстиции. Анри видел лишь один трагический эпизод этого восстания: рабочий-шляпник был тяжело ранен ударом штыка. «День черепиц» навсегда останется связанным в его памяти с историей, поведанной ему дедом, — о смерти Пирра, царя Эпира, который был убит черепицей, брошенной с крыши. Доктор Ганьон, как видно, не упускал ни единой возможности пополнить образование внука.

В 1789 году грянула революция, а с ней — реформа всех учреждений. Должности консistorских адвокатов были упразднены. Шерубен Бейль, который возлагал все свои финансовые надежды на эту должность, дававшую к тому же право на дворянское звание, понял, что эти надежды рассыпались в прах. И действительно: вместо предполагавшегося ранее роста его состояние быстро растаяло.

«Я был влюблен в свою мать»

Ключевым событием детства стала для Анри преждевременная смерть матери: Анриетта Ганьон умерла 23 ноября 1790 года в возрасте 33 лет в результате тяжелой шестой беременности; из пяти детей, произведенных ею на свет, выжили только трое. Анри страстно любил ее — он будет хранить воспоминание об этом чувстве даже сорок пять лет спустя: «Мне хотелось покрывать мать поцелуями всю — даже чтобы не мешала одежда. Она очень любила меня и часто целовала. Я отвечал ей с такой

горячностью, что этим даже вынуждал ее отстраняться. Я ненавидел отца, когда он своим приходом прерывал наши объятия». Несомненно, такое явное подтверждение «эдипова треугольника» порадовало бы, несколькими десятилетиями позже, знаменитого отца-основателя психоанализа Фрейда.

Уход матери из жизни стал для мальчика катастрофой. Поэтому воспоминание о недолгом времени, прожитом вместе с матерью, переросло у него в подлинный культ. Он потерял самое дорогое в мире, рано созрел и впоследствии с полной уверенностью напишет: «С этого момента началась сознательная жизнь моей души». Ему не было еще и восьми лет, когда он, в черном одеянии, присутствовал на похоронах матери. «Аббат Рей молча поцеловал моего отца. Мне отец казался уродливым, его глаза распухли, и он поминутно всхлипывал. Я держался неприметно в стороне, но все хорошо видел и слышал.

„Друг мой, все в руках Божьих“, — произнес аббат. Эти слова, сказанные человеком, которого я ненавидел, другому человеку — которого я не любил, — заставили меня глубоко задуматься». Свершилось: с этого момента Анри будет расти безбожником и антиклерикалом.

«Когда я вошел в зал и увидел гроб, покрытый черной тканью, в котором *была моя мать*, меня пронзило неистовое отчаяние. Я понял наконец, что такое смерть». Еще накануне непонимающий, с сухими глазами, названный за это бесчувственным — и явно несправедливо — сестрой покойницы, этот ребенок теперь возмущался поведением собравшихся здесь взрослых: в такой обстановке они могут спокойно беседовать! Назавтра, уже на кладбище Нотр-Дам, его боль вырвется наружу: «Я припоминаю, что не хотел, чтобы бросали землю на гроб матери — мне казалось, что ей будет больно». Он был безутешен.

Возможно, Анриетта как-то особенно нежно любила сына — ведь своего первенца она потеряла. Во всяком случае, ее уход лишь усилил отчуждение, которое Анри и без того испытывал по отношению к своему родителю. Мальчик лелеял в себе трагедию потери матери, но в своем детском эгоизме не понимал, что не он один переживал ее. Ослепленный своим горем, он не осознавал всю меру печали своего отца — ведь тот внезапно остался вдовцом с тремя маленькими детьми на руках. Конечно, Шерубен, из стыдливости или желая подбодрить детей, старался не обнаруживать свою боль. От этого несправедливость сына по отношению к нему лишь усиливалась — и так будет всю жизнь. «Вследствие сложной игры характеров в нашей семье случилось так, что с уходом матери ушла и вся радость моего детства».

Шерубен запер на ключ комнату покойной, рассчитал слуг. Семья

порвала все свои светские связи; ребенок теперь почти все время жил у дедушки — в двух шагах от печального дома на улице Старых Иезуитов. Воспоминания о матери, кругленькой, жизнерадостной, которая любила принимать гостей, читала Данте в оригинале — какой контраст составляли эти воспоминания угрюмым вечерам в семье, подавленной трауром! Шерубен был слишком озабочен будущим своего потомства, чтобы тратить время на всякие нежности, — теперь он возлагал все свои надежды на поместье Фюроньер, в Клэ, и погрузился в «агрикултуроманию». Только Зинаида, которой тогда было всего лишь два года, еще пользовалась отцовским вниманием — и это позже навлечет на нее нелюбовь ревнивого брата.

Доктор Ганьон, который раньше относился к религии «весьма легко», после смерти дочери стал «печальным и немного набожным», а тетушка Серафи, управлявшая течением домашней жизни, всячески старалась направить в надлежащее русло поведение беспокойного племянника — она считала его «ходячим бедствием». «Этот сезон, который, как все считают, был наполнен всевозможными жизненными удовольствиями, был для меня — благодаря моему отцу — лишь чередой горьких разочарований» — так Анри запишет позднее, несмотря на то, что его второе обиталище, дом Ганьонов, было вовсе не лишено привлекательности: расположено на самой красивой площади города, вид из него открывался просторный и светлый, а увитая цветами терраса нависала прямо над городским садом — излюбленным местом оживленных прогулок светского общества Гренобля. К тому же лето 1791 года Анри провел очень приятно — в деревне Дезешель, между Изером и Савойей, в поместье его дяди Ромена: он и его супруга Камиль Понсе пригласили мальчика отдохнуть у них. Веселое настроение и доброжелательность окружающих, которые делали все, чтобы развлечь мальчика, приводили его в восторг и заставляли забыть о своих горестях. Конечно, Анри не был тем «бедным истязаемым мальчуганом, которого бранили по любому поводу...», каким впоследствии он любил себя описывать. Не вызывает сомнения, однако, что он действительно очень тяжело переносил те драконовские методы воспитания, которые применялись к нему отцом, — уж очень хотелось тому видеть своего наследника возвращенным в чисто буржуазном духе. Анри всю жизнь будет винить отца в том, что тот любил его лишь «как продолжателя своей фамилии, но не как сына».

8 марта 1792 года умер Пьер Антуан Жубер — первый наставник Анри, «угрюмый педант-монтаньяр», который давал ему уроки латыни. Мальчик угодил в руки к новому наставнику — аббату Жану Франсуа Райану (1756–1840), который незадолго до этого закончил обучение другого мальчика, Казимира Перье — будущего министра Июльской монархии. Аббат «был уроженцем деревушки в Провансе. Это был маленький, худой, весь зажатый человек с зеленоватым цветом лица, лживым взглядом и отвратительной улыбкой». В довершение ко всему этот холодный и непреклонный иезуит оказался страстным любителем апельсиновых деревьев и канареек — он поместил зловонную клетку с птицами в темной и сырой комнате ребенка, в двух шагах от его кровати. Однажды дедушка возмутился тем, что аббат преподает ребенку Птолемею систему мироздания, утвержденную церковью, притом что она совершенно ошибочна, — и тогда Анри сделал вывод, что аббат «из лицемерия, или по роду своего образования, или по долгу священнослужителя был заклятым врагом всякой логики и здравого смысла». Его отвращение к этому суровому человеку и ко всему, что тот преподавал, еще более возросло. Мальчик нехотя переводил Вергилия — он считал, что красота его стиха сильно преувеличена наставником; с радостью хитрил, когда обнаружил переводы этого поэта в библиотеке отца; изучал «Современную географию» аббата Лакруа — и умирал от скуки. Он начал ожесточаться: «Я становился все более мрачным, злым, несчастным. Я ненавидел всех, и особенно — тетку Серафи». Любой пустяк стал оборачиваться в семье жуткими сценами. У мальчика даже зародился план побега. Храбрости ему было не занимать — но где взять деньги?..

Только любимый дедушка, двоюродная бабушка Элизабет и дядя Ромен Ганьон пользовались расположением Анри. Дедушка оказывал немалое влияние на образование внука — он формировал и совершенствовал его ум. Он разговаривал с мальчиком на самые разные темы без всякого превосходства — чаще всего в своем кабинете, где над всем царил бюст Вольтера. Бабушка Элизабет воспитывала душу ребенка: «...ей я обязан ужасающими вывертами благородства в старинном испанском духе, в которые я впадал в течение первых тридцати лет моей жизни...» Страстная поклонница Корнеля, бабушка обожала рыцарские поступки, вообще все героическое; когда она восторгалась чем-либо, то обязательно восклицала: «Это прекрасно, как „Сид“!» Что до дяди Романа, то он был полной противоположностью старшему поколению: читал только любовные романы и открыто позволял содержать себя своим любовницам. Именно этому донжуану, озабоченному исключительно своим туалетом,

был обязан ребенком открытием для себя театра. Вполне вероятно, что именно ему Анри будет впоследствии пытаться подражать и в любовных победах.

Самое большое несчастье мальчика заключалось в том замкнутом образе жизни, на который его обрекал наставник: «Г-н Райан, наподобие какой-нибудь сегодняшней министерской газеты, мог говорить с нами только об опасностях свободы. Стоило ему увидеть купающегося ребенка — и он тут же предсказывал, что тот утонет. Он угодливо воспитывал из нас трусов — и ему это прекрасно удалось: я так никогда и не научился плавать». Будучи объектом неусыпного наблюдения, Анри не имел права выходить из дома и общаться с другими детьми. Прогулки запрещались, приглашения отклонялись. Вид детей — таких же, как он, — свободно бегущих по площади Гренет, — был для него сущей пыткой: уже через много лет, в 1835 году, он выскажет сожаление, что ему не удалось в детстве поиграть в шары. Единственными компаньонами игр ему были назначены сестры. Младшую он терпеть не мог — и недрогнувшей рукой изображал графитом на штукатурке дома карикатуры на эту «доносчицу». Он живет в изоляции и дружит по-настоящему только с Марион — кухаркой, которая всегда прямо говорила, что думает, — и еще с Ламбером, дедушкиным лакеем. «Я страдал, хотя и не видел истинных причин этого. И все же отмечу справедливости ради: надо было видеть этих надутых от гордости буржуа, которые были озабочены лишь тем, чтобы дать их *единственному сыну* аристократическое воспитание».

Впрочем, для его родных, приверженцев Старого Режима, это было вполне естественным — воспитывать детей в страхе и уважении, а не в стремлении к свободе. Выходы были позволены мальчику только по четвергам — в семейное поместье Фюроньер; там же он проводил свои «*древнеримские феерии*» — август и сентябрь. Поместье состояло из хозяйского дома, служб, прекрасной липовой аллеи и обширных участков земли. С одной стороны, эти обязательные посещения тяготили его: здесь он вынужден был выслушивать сельскохозяйственные прожекты отца, до которых ему не было никакого дела; но, с другой стороны, он вскоре обнаружил здесь и серьезное преимущество: великолепный застекленный книжный шкаф вишневого дерева, нередко закрытый на ключ. В нем было много книг, и особенно тех, что считались «опасными», — они находились на самой верхней полке. Мальчик рылся в сорокатором издании Вольтера: «Я брал два из них и раздвигал немного остальные, чтобы их отсутствие не было заметно». Здесь же он нашел перевод «Дон Кихота» с картинками, над которыми смеялся до слез, а также Мольера, из которого понял только

«Скупого». Отец несколько раз грозился забрать у него роман Сервантеса, так что он вынужден был читать украдкой; дедушка же, с которым он поделился своим восторгом, был очень доволен. Он дал мальчику, втайне от всех, «Неистового Роланда» Ариосто. Это стало для впечатлительного ребенка открытием: «Ариосто сформировал мой характер; я безумно влюбился в Брадаманту — я представлял ее себе крупной девицей лет двадцати четырех с прелестями ослепительной белизны». Анри Ганьон, презиравший современную литературу в духе Мармонтеля, постепенно прививал мальчику любовь к Горацию, Софоклу, Еврипиду и «изящной литературе». Полный контраст вкусам отца — тот был погружен в чтение Бурдалу, Масийона и «Библии Саси» в двадцати двух томах! И все же к любимцу дедушки — Вольтеру — ребенок пока оставался равнодушен: он находил его слишком ребячливым.

1793 год ознаменовал собой новый этап в развитии отношений Анри с его родными — они значительно ухудшились. Все началось со свержения Людовика XVI — вся семья следила за судебным процессом над ним «как если бы он был им близким другом или родственником». Мальчик же жаждал казни «предателя» и с нетерпением ожидал вердикта. Голосование было формальным: непримиримые монтаньяры значительно перевешивали умеренных жирондистов, и 21 января монарх взошел на эшафот. Юный Анри был в восторге от того, что он считал великим актом национальной справедливости, и злорадствовал: «Я испытал тогда один из живейших моментов радости в моей жизни».

Ровно через три месяца в Гренобле появились народные представители Жан Батист Андре Амар и Жан Франсуа Мари Мерлино — депутаты Конвента от Изера и Эн. Уже 26 апреля они опубликовали два списка «подозрительных», то есть лиц, нелояльно настроенных к Новому Режиму — революционному. Первый список включал в себя «особо подозрительных» — в нем оказался Шерубен Бейль; во втором списке — «просто подозрительные» — фигурировал доктор Ганьон. В пику всем своим, которые были поражены как громом всем происходящим, Анри привел обезоруживающий своей рассудочностью довод: «Но, сказал я своему отцу, Амар поместил тебя в список „особо подозрительных“, потому что ты не любишь Республику. Так это же очевидно, что ты ее не любишь». Семейство в полном составе впало в ярость. В ответ Анри потерял всякую сдержанность: если отец открыто кичится тем, что презирает новый порядок, — так по какому праву они так реагируют? 17 ноября Клод Сантерр, внучатый племянник доктора Ганьона, начальник почтовой службы в Лионе, был казнен на гильотине. Анри, как убежденный

республиканец, не разделял всеобщего родственного возмущения.

После одиннадцати с половиной месяцев заключения в монастыре Святой Марии, превращенном в тюрьму (сейчас здесь находится музей Дофине), 24 июля 1794 года Шерубен Бейль был отпущен на свободу. Испытания, которым подвергся отец, ни в малой степени не изменили отношения мальчика к нему: «...Я ненавидел аббата, я ненавидел отца — источник власти надо мной аббата, — и еще больше я ненавидел религию, от имени которой они меня тиранили». Не преувеличивал ли Анри черноту души ужасного аббата? Его высказывания могут теперь показаться нам преувеличенными — они, главным образом, свидетельствуют о болезненной чувствительности мальчика, лишенного любви; тем не менее факт налицо: эти нравственные стигматы он будет носить в себе до конца жизни.

В августе 1794 года был выдан мандат на арест аббата Райана: непокорный кюре отказался принести присягу Конституции, — и это освободило наконец ребенка от тягостного наставничества. Нужно ли было вступаться за него? Священник пустился в бега — таким образом, вопрос счастливо разрешился сам собой.

Математика как путь к свободе

Никакой передышки от учебы Анри, конечно, не получил, и вскоре ему в присутствии своего дедушки пришлось продолжить изучение латыни уже с гражданином Жозефом Дюраном — грамматистом и частным учителем. «Метаморфозы» Овидия были заменены Ветхим Заветом, и ученик впервые в жизни почувствовал, какое наслаждение владеть этим языком, — ведь латынь столько лет была для него лишь пыткой. Его мучил лишь один вопрос: как вырваться из своего домашнего заточения?

Весной 1794 года Якобинское общество Гренобля сформировало «Батальон надежды» — военизированное объединение детей города, и Анри с завистью наблюдал за их маневрами из окна дома Ганьонов. Он решился на отчаянный шаг: самым старательным своим почерком изобразил якобы официальное письмо, предписывавшее его семье немедленно зачислить его в этот «полк». Подделка была раскрыта. Поддельщик имел очень неприятное объяснение с родными и решил, что последняя его карта бита, однако мыслей о побеге не оставил. На следующий год ему было позволено обучаться рисунку у художника Жозефа Ле Руа, и он стал использовать те несколько десятков метров, что

отделяли его дом от дома художника, чтобы насладиться, на свой страх и риск, этими мгновениями свободы: «Разве ложь — не единственное прибежище рабов?»

Все его существо восставало против насилия. Однажды — дело было уже к ночи — он отважился: ушел из дому и вошел в церковь Сент-Андре, закрытую для богослужений с 9 декабря 1790 года: там как раз проходило заседание Якобинского общества.

Его впечатления от народного собрания оказались неблагоприятными: «Одним словом, тогда со мной произошло то же, что потом будет всегда: я люблю народ, я ненавижу его угнетателей, но если бы мне пришлось жить среди народа — это было бы для меня ежеминутной пыткой». Ему еще не раз доведется впадать в подобные противоречия.

От домашних оков юного Анри освободил Конвент. 7 вандемьера Третьего года (28 сентября 1794 года) была учреждена Центральная школа общественных работ — годом позднее она стала Политехнической школой. Затем, по предложению Лаканалья и декретом от 7 вантоза Третьего года, такая Центральная школа была создана в каждом департаменте. Эти школы, несмотря на то что вполне оправдали себя, будут упразднены Бонапартом в 1802 году и заменены лицеями.

4 фруктидора Четвертого года (21 августа 1796 года) состоялось открытие Центральной школы в Гренобле — в старом здании коллежа иезуитов на улице Новой. Доктор Ганьон вошел в число членов комиссии, занимавшейся отбором преподавателей. Его внук Анри оказался в числе первых записанных в школу учеников и приступил к учебе 21 ноября — ему было тринадцать с половиной лет.

Воспитанный «под стеклянным колпаком родственниками, настроенность которых еще более сужала их ум», Анри в школе не пользуется симпатией товарищей и робеет перед учителями. Достаточно одного сдержанного замечания — и у него на глазах слезы. «Все мне было странно в этой столь желанной свободе, к которой я наконец пришел. То хорошее, что в ней было, оказалось совсем не там, где я ожидал его найти: тех веселых, милых и благородных товарищей, каких я себе представлял, — их не было; на их месте оказались хитрецы и эгоисты». Его неопытность в самых простых вещах тоже обрекает его на одиночество. К тому же оказалось, что он сам напыщен и презрителен. Укрываемый от мира своими родными, как он мог быть иным?

Центральные школы были предназначены для формирования кадров для Нового Государства; обучение в них велось в три этапа, предпочтение отдавалось точным наукам, родному языку и литературе. Преподавание

было осовременено, носило светский характер, значительное внимание было уделено исследованиям и популяризации — и все же оно не было бесплатным и оставалось привилегией меньшинства.

Приобретя горький опыт жизни в коллективе, Анри стал общаться здесь лишь со сливками местной буржуазии. Многие из его школьных товарищей останутся его верными друзьями на всю жизнь: Луи де Барраль, Франсуа Игнас Бижийон, Луи Крозе, Фортюне Мант, Феликс Фор и, конечно, его кузен Ромен Коломб. Их всех объединяет, в глазах Анри, общее качество — отсутствие лицемерия. Вместе с ними он изучает беллетристику (ее преподает Жан Гаспар Дюбуа-Фонтенель), химию (Этьен Труссе), рисунок (Луи Жозеф Же), историю (Пьер Винсент Шальве), математику (Анри Себастьян Дюпюи де Борд), общую грамматику (Клод Мари Гаттель), латынь (Жозеф Дюран).

К пьянящему чувству свободы прибавилось неожиданное событие в семье: 9 января 1797 года умерла тетушка Серафи — в возрасте 36 лет: «... я узнал о ее смерти, когда был на кухне, — и я бросился на колени, прямо у шкафа Марион, чтобы возблагодарить Бога за это великое избавление». «Черт в юбке» исчез, семейная опека ослабла. Поглощенный своими сельскохозяйственными делами, Шерубен проводил в Клэ три-четыре дня в неделю. Столкновения с отцом становятся реже, и постепенно Анри перестает «быть одержимым этим раздражающим чувством — бессильной ненавистью».

Ученик Бейль прилежен, старательно трудится, но к концу первого года обучения, несмотря на две достойные отметки — по рисунку и математике, — пока не проявил ни к чему выраженной склонности. Экзамен по математике — полное фиаско. Оробевший, бормочущий, он запутался в доказательствах. Дедушка бросил ему в упрек одну красноречивую фразу: «Ты весь год только и делал, что поворачивался к нам задницей».

Положение дел, однако, вскоре изменится. Мало сказать, что Центральная школа в конечном счете принесет пользу тщеславному ученику. Задетый за живое, он удваивает старания. И вопреки всякому ожиданию — по всем предметам. За три года учебы Анри сделает значительные успехи. Будучи знакомым, благодаря дедушке, с идейными веяниями века Просвещения, он быстро расцвел в школе. Свобода принесла свои первые плоды: он заинтересовался даже Саллюстом, к которому раньше был глух. Луи Жозеф Же открыл ему Италию и ее художников, Дюбуа-Фонтенель — новые течения в литературе и ближе познакомил с Шекспиром; Гаттель укрепил его интерес к логике, а Дюпюи,

хотя Анри и не признавал за ним никакого таланта, побудил, к его же великой пользе, к изучению Кондиллака.

Второй школьный год ознаменовался для юного Анри и первой его дуэлью — ее причиной стало разногласие с другим учеником, возникшее на занятиях рисунком. Впрочем, истинный мотив ссоры не был столь важен. Контраст между ничтожностью повода и тем риском, которому противники себя подвергали, не доходил до их сознания — они должны были обязательно драться на пистолетах. Обычай «требовать удовлетворения» с помощью оружия, хотя и отмененный революцией, еще не стал анахронизмом среди молодых людей: молодости свойственна жажда острых ощущений. Этот ритуал «долга чести» с его риском и верой в свою удачу казался им вполне справедливым. Когда Анри и его противник Марк Антуан Одрю направились за город, в сторону оврагов, за ними последовал весь коллеж — в конце концов они вынуждены были отправить обратно этот обременительный кортеж, чтобы он не нарушал серьезности момента.

Вот, наконец, дистанция отмерена и дуэлянты становятся на позиции. Удовольствуются ли они одним выстрелом? В ту минуту, когда противник берет его на мушку, Анри отводит свой взгляд на дальнюю скалу. Великий момент наступил... но ничего не происходит, выстрела нет: вероятно, секунданты забыли зарядить пистолеты. Уязвленный в своем юном мужестве, а также тем, что он упустил блестящую роль, которую ему было совсем нетрудно сыграть, Анри почувствовал себя уничтоженным: «Это перечеркнуло все мои испанские амбиции. Как можно восхищаться Сидом, так и не сразившись? И какие уж тут мечты о героях Ариосто?» Эта плачевная неудавшаяся дуэль будет будоражить его воображение еще долгие годы спустя: «...Ею было сильно омрачено начало моей юности».

Несостоявшийся герой взял реванш немного позже, осенью 1798 года, — стал во главе настоящего заговора. Среди десятка заговорщиков — его кузен Ромен, Мант, Феликс Фор и два его брата. Кому принадлежала эта идея — выстрелить из пистолета в «Дерево свободы» — не ему ли? Это дерево было посажено на площади Гренет в 1794 году, а через четыре года к нему была прикреплена табличка «Смерть монархии. Конституция Третьего года». Было ли это протестом юных бунтарей против государственного переворота 18 фруктидора Пятого года (4 сентября 1797 года) и чрезвычайных мер, последовавших за ним? Может быть, это была реакция юного Бейля на устранение его дедушки из образовательной комиссии Центральной школы? Как бы то ни было, однажды в восемь часов вечера тишину на площади Гренет разорвал выстрел. Гвардейцы

бросились в погоню за заговорщиками, а те пустились в беспорядочное бегство. Анри обеспечил себе алиби, укрывшись в модной лавке на втором этаже дома Ганьонов. Заговорщиков не нашли, но дело вышло громким: мемориальная табличка была вся изрешечена пулями.

Между своими боевыми подвигами, учебой и друзьями юный Бейль зачастил на спектакли; он смотрел их, стоя в партере. Чтобы довершить свой театральный опыт, он влюбился в Виржини Кюбли, молодую женщину с меланхоличным лицом, — актрису труппы, гастролировавшей в Гренобле. Она блистала в «Клодине де Флориан», трехактной комедии в прозе Пиго-Лебрена. Подросток познал все ужасы страсти: «Я не осмеливался произнести вслух имя м-ль Кюбли; если кто-то произносил его при мне — чувствовал, как у меня сжимается сердце, я мог упасть; кровь бушевала во мне. Если кто-то называл ее „эта Кюбли“ вместо „мадемуазель Кюбли“ — я испытывал к нему ненависть, которую с трудом сдерживал». По всей вероятности, он слышал также, как поет избранница его сердца ариетки в пьесе Пьера Гаво «Пустячный договор» — «такой пляшущей, приправленной уксусом, *такой французской*». *Заодно юноша обнаружил в себе и безумную любовь к музыке* — и безуспешно пробует силы в игре на скрипке, кларнете, пытается даже заняться вокалом.

Легкие комедии в исполнении посредственной маленькой труппы пробудили, однако, в Анри целую гамму высоких чувств. В его глазах весь мир сосредоточился в одной мадемуазель Кюбли; его навязчиво преследует лишь один вопрос: что она играет сегодня вечером? Иногда, когда он чувствует себя особенно смелым, то даже отваживается пройти, с сильно бьющимся сердцем, по улице, на которой она живет. Однажды он увидел ее в городском саду, но, не смея подойти, пустился в бегство. Когда гастроль закончилась, мадемуазель Кюбли покинула Гренобль, даже не подозревая, что оставила там безутешного страстного поклонника. Так Анри пережил свою первую безответную любовь. Он возвратился к нормальной жизни поумневшим: «...Душевная буря, жертвой которой я был в течение нескольких месяцев, сделала меня более зрелым. Я серьезно сказал себе: нужно быть решительным и выбираться из этой трясины».

Этот угар страстей не помешал ему успешно сдать экзамены. 30 фруктидора Шестого года (16 сентября 1798 года) он получил первую премию по беллетристике, и это не только обеспечило ему определенный статус в школе, но и придало уверенности в себе.

Смыслом жизни для него становится математика. С одной стороны, только она дает возможность подать на конкурс в Политехническую школу и таким образом выбраться из провинции в Париж. С другой стороны, он,

который так ненавидит лицемерие, ценит эту дисциплину за то, что она лишена двусмысленности: «Математика рассматривает лишь малую часть предмета (его количество), но в этой части она говорит о безусловных вещах — она говорит правду, и почти всю правду».

Ученик Бейль работает серьезно, просит уточнений, требует логических объяснений, а не голословных утверждений. Он жаждет осмысливать, а не заучивать наизусть: ему нужно понимать и продвигаться в поисках истины. Но его наставники не проявляют к нему большого интереса, и ему приходится искать других путей к знаниям. Он самостоятельно углубляется в «Энциклопедию» Д'Аламбера — и сразу упрекает его за самодовольный тон; принимается за «Статику» Луи Монжа — и называет ее неудачным катехизисом. Узнав о некоем молодом человеке, который знает математику лучше всех и дает частные уроки, хотя это не является его профессией, — Анри рассказал об этом тете Элизабет. Та великодушно дала ему денег. Под большим секретом, то есть тайком от отца, он стал ходить заниматься в маленькую комнатку геометра Луи Габриэля Гро на улицу Сен-Лоран, в самом старом и бедном квартале города. Общаясь с этим пылким якобинцем, членом директории департамента Изер, который очаровал его и педагогическим талантом, и революционным энтузиазмом одновременно, Анри начал делать серьезные успехи: «Я стал наконец понимать суть вещей — это уже не были готовые, упавшие с неба аптечные рецепты для „изготовления“ уравнений. Я получал живейшее удовольствие, сравнимое с чтением увлекательного романа».

Новая страсть настолько захватила его, что он уже не обращал внимания на замечания родных. 15 сентября 1799 года на экзамене по математике некогда запуганный ученик проявил себя в полном блеске.

Анри без труда получил первую премию Центральной школы по математике. Он разделил ее с другими товарищами, среди которых был Феликс Фор, но в протокол экзаменов была внесена следующая запись: «... Точность ответов гражданина Бейля, легкость, с которой он производил вычисления, побудили комиссию, не прибегая к жеребьевке, наградить его книгой Эйлера „Введение в анализ бесконечных величин“ в латинском издании». Это был полный триумф. Оставалось лишь одно препятствие: как добиться позволения отца на отъезд в Париж? «Поехать в этот современный Вавилон, в город разврата, — и это в шестнадцать с половиной лет!» На семейном совете вопрос о его отъезде, к счастью, был решен положительно.

Подходил к концу XVIII век; для Анри наступил долгожданный день

отъезда. 30 октября он сел в дилижанс. «Перед моим отъездом, в ожидании дилижанса, мы попрощались с отцом в городском саду, под окнами, выходящими на улицу Монкорж. Он даже всплакнул. Единственное впечатление, произведенное на меня его слезами, было то, что он показался мне уродливым».

Юный Бейль въехал в столицу на следующий день после государственного переворота 18 брюмера Седьмого года (9 ноября 1799 года). Разрыв с Греноблем, и особенно — с отцом, станет для него окончательным.

ВОЕННЫЕ ГОДЫ. 1800–1814

«И это Париж?»

Государственный переворот, произведенный Бонапартом, знаменовал собой конец эпохи революции. Республика нотаблей, национальное представительство, свобода прессы и институты народовластия сменились военной диктатурой и установлением деспотического режима, в котором все решалось волеизъявлением одного лица. К концу 1799 года Бонапарт окончательно утвердил свою власть, назначив себя Первым Консулом. Час республики пробил. Впрочем, юный Анри Бейль нимало не был обеспокоен этим грандиозным историческим событием. Главой полиции был поставлен Фуше, министром иностранных дел — Талейран, но все это проходило мимо сознания свободолюбца — настолько он был поглощен новизной собственного тогдашнего состояния.

Сразу по приезде он поселился в гостинице неподалеку от Политехнической школы, которая находилась в подсобных помещениях бывшего Пале-Бурбон, ставшего Домом Революции, — на Университетской улице. И тут же оказалось, что всё в Париже ему противно до тошноты: отсутствие привычного вида гор, грязь, сырость, шум, вид множества занятых людей, сады с стриженными деревьями. Исторические памятники его не интересуют, а пищу он находит несъедобной. В общем, ничего похожего на то, чего он ожидал. Резко выпав из семейного кокона, предоставленный самому себе, кандидат в политехники растерялся: «В сущности, мне хотелось в Париж из отвращения к Греноблю. Что же до математики, то она была лишь средством к этому побегу».

Наконец Анри пришел к твердому решению: не подавать на конкурс в Политехническую школу. Никто из родных, начиная с самого Шерубена, и не думал принуждать его к этому. Похоже, ему решили слепо доверять во всем. Теперь из всех его прежних страстных увлечений оставалось только одно — писать комедии. Из соображений экономии он переехал в мансарду на пересечении улиц Бак и Сен-Доминик. Свой первый визит он нанес Ноэлю Дарю — двоюродному брату доктора Ганьона, который жил в маленьком особняке на улице Лилль, принадлежавшем ранее Кондорсе. Перед этим родственником — высоким, красивым, импозантным стариком, внушавшим трепет всем окружающим, — он почувствовал себя неловким и даже каким-то неуместным.

Резкие перемены в жизни лишили Анри душевного равновесия. Его преследует постоянный страх быть принужденным, так или иначе, к поступлению в Политехническую школу. Он намеренно запаздывает с подачей бумаг: «Я ждал с нетерпением известия о том, что учеба уже началась. Потому что на отделении точных наук нельзя было начинать обучение с третьего занятия».

В своем недовольстве Парижем он обвиняет главным образом себя самого: неужели он не в состоянии увидеть этот город по-настоящему? Что же тогда ему любить, если он не любит Париж? Но правда жизни оказалась слишком суровой для юного провинциала с экзальтированной душой. Никого не зная в городе, не имея никакого дела, Анри заболел. Из-за болезни — грудной водянки — он быстро теряет волосы (он даже будет вынужден некоторое время носить парик); в горячке и бреде, одинокий, заброшенный, он прикован к постели. Тогда за юного родственника взялся Дарю-отец. Он прислал к Анри хорошего врача вместо того бессовестного шарлатана, который консультировал его ранее, нанял ему сиделку и, когда больной поправился, организовал его переезд в свой дом на улице Лилль — в комнату на третьем этаже с видом на сады. Анри раздобыл себе экземпляр «Искусства комедии» — весьма популярного тогда творения Жана Франсуа Келава — и, вооружившись тетрадью, решил серьезно засесть за это занятие (ведь только оно его по-настоящему интересовало), но на пути от теории к практике одного шага оказалось мало. Тогда начинающий писатель с сомнением стал вопрошать себя: должен ли он писать комедии или лучше стать оперным композитором — ведь ноты он знает. Чего ему больше хочется? «Я чувствовал, правда достаточно смутно, что не знаю толком ни жизни, ни себя самого, и потому не могу определиться».

Впрочем, хуже всего было не это. Анри жил с семейством Дарю, а значит, должен был также с ними обедать, и это обернулось для него мучением. «В их столовой и в их салоне я жестоко страдал, получая *от других* те уроки этикета, от которых меня избавляли, и, похоже, напрасно, мои родители. Церемонное обхождение с тщательным соблюдением всех приличий до сих пор делает меня таким замороженным, что я не могу произнести ни слова. Если же в него привносится еще и оттенок религиозности или рассуждения о высоких принципах морали — я погиб». Его «голгофа» начинается каждый вечер в половине шестого, когда ему нужно спуститься в салон. Он совершенно задавлен «хорошими манерами»: он должен подавать руку женщине — иногда даже хозяйке дома! — чтобы пройти к столу. Моральное самопринуждение его гнетет.

Он, который всегда мечтал нравиться людям и представлял себе светское общество по книгам «Секретные мемуары царствования Людовика XIV, регентства и царствования Людовика XV» Шарля Дюкло и «Мемуары» Сен-Симона, — здесь превратился в некий немой персонаж. Он умирает от разочарования, от недовольства собой — и не может открыть рта: «Я был загадкой для семьи Дарю. Ответ на нее мог варьироваться у них между „это сумасшедший“ и „это глупец“».

Через несколько месяцев эта его «загадочность» истощила терпение Ноэля Дарю. Два его сына, Пьер (родился 12 января 1767 года) и Марсиаль (родился 18 июля 1784 года), занимали солидные должности: один — начальника первого отдела Военного министерства, второй — военного комиссара. И у всех Дарю не принято было тратить время на мечтания и отсрочки — они действовали. Не собирается ли Анри и далее мирно существовать под крылышком кузена своего дедушки — в ожидании вдохновения свыше? Патриарх Дарю твердо вознамерился извлечь его из мечтательных эмпирей: «Суровый старик дал мне понять — очень вежливо и сдержанно, — что нам необходимо объясниться на этот счет. Эта вежливость и эта сдержанность были новы для меня: первый раз в моей жизни родственник обращался ко мне „месье“, — все это разбудило во мне робость и болезненную мнительность».

Поставленный перед необходимостью принять решение относительно своего будущего, юноша слабо возражал, что его родители «предоставляют ему право самому принимать решения». На первый раз Анри удалось отразить дипломатичную атаку старого деспота успокаивающей фразой: «Я и сам все отлично понимаю». Но затем последовала новая атака. Через несколько дней Анри вновь был приглашен для разговора. Патриарх объявил: «Мой сын возьмет вас с собой на работу в военный отдел». Остолбнев от услышанного, Анри все же не посмел отказаться. Так наметилась его будущая карьера.

На следующее утро Анри уже сопровождал Пьера Дарю в министерство, располагавшееся на углу улиц Варенн и Хиллерен-Бертен — тогда это было продолжение улицы Бельшас. «Там месье Дарю усадил меня за стол и велел переписать какое-то письмо. Не говоря уж о моем почерке — вроде мушиных следов, — который тогда был еще хуже, чем сейчас, он еще и обнаружил, что я пишу слово „это“ через два „т“ — „этто“». Юный гений из Гренобля сразу потерял весь свой лоск. И это элита нации? И что же дала ему вся его учеба — возможность блеснуть своей неспособностью к переписыванию официальных бумаг? Анри давно видел, что его родственник часто приходит к обеду «с выражением замученного трудом

быка и с красными глазами», и потому сразу сообразил, что работа под его началом не будет увеселительной прогулкой. Теперь его страхи стали реальностью: «Все в министерстве дрожали, заходя в кабинет г-на Дарю; что до меня, так я дрожал, лишь посмотрев на его дверь».

Эта зараженность общим страхом все же не помогла Анри улучшить его письменные навыки; дело доходило даже до вовсе бездумной писанины под диктовку кузена Пьера: «...Он любил слишком часто повторять „в самом деле“, и я буквально наспиговывал его официальные письма этими словечками — „в самом деле“». Эта непрактичность и небрежность Анри обескураживали его сурового родственника. По отношению к нему Пьер Дарю не проявлял ничего, кроме гнева: он считал, что юноша абсолютно безнадежен как чиновник его министерства — «он глуп как пень». Этот властный человек с безупречной репутацией, столь же требовательный к другим, как и к себе самому, был резким к людям и не обременял себя — в отличие от своего отца — кучей дипломатических маневров. Надо признать, однако, что у начальника отдела в Военном министерстве голова действительно была занята более важными заботами, нежели обучение письмоводительству мелкого чиновника, являющегося семейным протеже. Так, например, он недавно получил известие о том, что Австрия отвоевала долину реки По, и был озадачен теми трудностями, которые испытывают войска генерала Массена в Генуе. Будучи лицом, приближенным к Первому Консулу, он был в курсе секретного формирования резервной армии в Дижоне и предстоящей ее отправки в Италию под личным руководством Бонапарта. В столь бурное время для него, военного человека такого ранга, заботы об образовании юного кузена, «свежеприбывшего» из своего Гренобля, никак не могли стоять на первом месте. Тем более что этот юный кузен выделялся из семи или восьми сотен чиновников Военного министерства лишь явным отсутствием честолюбия: для Анри было гораздо важнее обсудить достоинства трагедий Расина со своим коллегой Фредериком Мазуайе, чем стараться войти в милость к «разъяренному быку». Но при всем отсутствии честолюбия юный чиновник был искренне удивлен тем, что его не назначили помощником военных комиссаров. Более того, он был этим раздосадован. Видя, что столь желанный красивый мундир с расшитым золотом воротником уходит от него, он начертил на своей конторке заглавными буквами в адрес кузена Пьера — «негодный родственник». Однако по-прежнему не может составить простейшего письма.

Назначенные инспектором и помощником инспектора на смотре войск, Пьер и Марсиаль Дарю покидают Париж и отправляются в Дижон. 7 мая

1800 года, без должности и мундира, Анри отправляется за ними вслед. Со дня на день должен был начаться Второй итальянский поход Бонапарта.

Переход через Альпы

Первый Консул был поставлен перед необходимостью как можно быстрее прийти на помощь к генералу Массена, который с огромным трудом старался воспрепятствовать армии генерала Меласа захватить юг Франции. С этой целью Бонапарт избрал кратчайший путь — через Швейцарию и перевал Гран-Сен-Бернар в долину По. Ни одна армия со времен Ганнибала не совершала такого опасного перехода через Альпы. (Автор упустил из виду переход суворовской армии через Альпы, имевший место незадолго до описываемых событий. — *Прим. пер.*) Юноша Бейль, не связанный никакими военными обязательствами, отнесся к этому как к захватывающему приключению. Вместо того чтобы заняться приготовлениями к тому, что его ожидает, он решил запастись библиотечкой из трех десятков книг. По прибытии в Женеву он, будучи горячим поклонником «Новой Элоизы», первым делом посетил дом, в котором родился Жан Жак Руссо. Дальнейшее его нисколько не беспокоило. Прикомандированный к военному комиссару, в обязанности которого входила организация перемещения войск, Анри получил в свое распоряжение большую лошадь, оставленную Пьером Дарю, и должен был ждать, пока она поправится.

Наконец наступил день, когда его тяжелый вещевой мешок был приторочен к выздоровевшей лошади. Анри уселся верхом — первый раз в жизни. Тут же выяснилось, что он не умеет держаться в седле, не понимает повадок животного, с трудом заставляет его слушаться: «Я умирал от страха, но жребий был брошен, и теперь самые страшные опасности не могли меня остановить. Я напряженно уставился на загибок лошади, и те три фута, что отделяли меня от земли, казались мне бездонной пропастью. И — что самое смешное — на мне, кажется, были даже шпоры». Лошадь пронесла его шагов двадцать, свернула с дороги, устремилась в поле, заросшее ивами, и принялась вовсю скакать там на приволье.

Начинающий кавалерист был избавлен от этого кошмара только вмешательством доброго человека: Франсуа Мари Бурельвилье, капитан Третьего кавалерийского полка, из милости взял его под свое покровительство. Он сделал поистине доброе дело: ведь юноша не только ничего не понимал в верховой езде — он вообще никогда не видел армии.

Позднее капитан обучит его азам кавалерийского дела, а также некоторым приемам фехтования — тому, что необходимо, чтобы выжить на войне. Они вместе совершили переход и вместе расположились на постой. В дороге время проходило у них в интересных разговорах попеременно с маленькими опасностями, которые только приводили Анри в восторг: ведь ему было всего лишь семнадцать с половиной лет. «По счастью, моя швейцарская лошадь была спокойна и рассудительна, как швейцарец. Если бы она была итальянкой, а значит, коварной, то она сто раз могла бы меня убить».

В Вевэ, услышав колокольный звон, он взобрался на церковную колокольню и оттуда любовался озером, раскинувшимся перед его глазами: «Там, кажется, я был ближе всего к совершенному счастью». Может быть, в его жизни наконец настали лучшие времена? В Лозанне он не сумел достать саблю из ножен, чтобы утрясти некий вопрос с квартирой, и признался своему ошеломленному наставнику, что вообще никогда не держал в руках оружия. И еще неожиданно оказалось, что он тонко чувствует красоту природы — это он, который всегда считал, что равнодушен к ней... Теперь он оценивал себя как «дилетанта, оказавшегося в армии, чтобы повидать мир, но имеющего призвание к написанию комедий — как Мольер».

Швейцарцы, с которыми они общались каждый день, не могли не рассказывать им об опасностях Гран-Сен-Бернара — но от этого ликование Анри только возрастало. Он не задумывался ни о риске перехода через перевал, ни вообще о его целях. Призма подобного воодушевления, конечно, прекрасно преломляет действительность для того, кто живет мечтами, но переход через перевал все же должен был произойти не в мечтах, а в реальности. Что стало бы с ним, если бы он шел один? «На определенной высоте холод стал совсем пронизывающим, зябкий туман окутывал нас; весь наш путь был завален снегом. Этот путь — узенькая тропинка между двух каменных стен — был покрыт слоем тающего снега толщиной в несколько сантиметров, а сверху на нас катились камни... Время от времени попадались трупы лошадей, и тогда моя начинала артачиться. Однако гораздо хуже стало, когда она уже прекратила артачиться. Что ж, в сущности, это была всего лишь кляча».

55 тысяч человек прошли через перевал на высоте 2472 метра, терзаемые холодом и сыростью. К тому же им нужно было тянуть с собой груз — лошадей, пушки, снаряженные ящики. Ледники были неприступны, тропы непроходимы, но резервная армия преодолела все препятствия. Анри добрался до вершины «совершенной мокрой курицей» и сетовал на изнеженность своего воспитания, которое сделало из него

«пятнадцатилетнюю девицу, попадавшую под дождь не более десятка раз в своей жизни».

После краткой остановки в приюте Гран-Сен-Бернара, где монахи дали измученным солдатам по полстакана вина и по куску хлеба и сыра, начался долгий спуск в долину. Анри продвигался осторожно, держа двумя пальцами свою лошадь под уздцы, — чтобы не сорваться в пустоту. В Аосто он, однако, не преминул полюбоваться древнеримской аркой. Кавалерия и артиллерия в обход горы Альбаредо продвигались через деревню Бард, под обстрелом батарей форта. Капитан Бурельвилье и его протеже расположились на бивуаке в полулье от неприятеля. Австрийские пушки стреляли картечью. Этот ужасный грохот привел Анри в состояние «безумного волнения». На войне, оказывается, и в самом деле опасно! И они находятся в пределах досягаемости!

Бравируя, он провел несколько минут на краю скалы на виду у неприятеля: «Так я в первый раз попал под обстрел. Это чувство было сродни ощущению девственности, и оно угнетало меня так же, как и сама девственность».

После Барда вся дорога была усеяна трупами лошадей и всякими отбросами — это сразу вызвало у Анри соответствующую физиологическую реакцию. Здесь же юный кавалерист в первый раз испытал это будоражащее чувство — находиться среди колонн героической наполеоновской армии на марше. Впрочем, в конце переходов, по вечерам, доблестная солдатня занималась грабежами и стычками из-за жилья. Местные жители были в ужасе...

Вот уже и Новара. Молодой человек решает сходить в театр, несмотря на предостережения Бурельвилье: наставника тревожат его неопытность и неумение обращаться с оружием, и он уже чуть ли не видит юношу убитым. Анри не сдается и оказывается прав: в опере дают «Тайный брак» Доменико Чимарозы. Впечатление от оперы превзошло все его ожидания: этот вечер навсегда сотрет из его памяти Париж и родной Дофине. «Жить в Италии и слушать ее музыку — вот что стало подоплекой всех последующих поступков в моей жизни».

10 июня 1800 года, через восемь дней после Первого Консула и его личной гвардии, юный Бейль вошел в Милан.

Первый раз в Милане

Не успев сойти с лошади, он встретил своего кузена Марсиаля. «А мы

думали, что вы погибли!» — воскликнул тот. По-доброму расположенный к младшему родственнику, он повел Анри в Каза д'Адда, что на Корсо ди Порта Нуова — ныне виа Манцони, — где он сам стоял на квартире. Анри едва успел попрощаться со своим благодетелем Бурельвилье, который помог ему добраться до столицы Ломбардии живым и невредимым. С ним он больше не встретится.

Дворец Каза д'Адда, несмотря на недостроенный фасад, произвел на Анри сильное впечатление. Слуги приняли у него лошадь и вещевой мешок; затем в великолепном салоне ему подали отбивные — он нашел их восхитительными. Так Милан сразу стал для него «самым прекрасным местом на земле» — и любовь к нему останется в его сердце навсегда.

Все вызывает его восхищение в этом городе — «в пять раз больше Гренобля и удобно построенном»: архитектура и музыка, многочисленные кафе и приятный образ жизни. Он не скупится на похвалы Ла Скала — «этому первому театру в мире»: здание роскошно декорировано, а по величине — «с половину площади Гренет». Но «здесь дают одну и ту же оперу в течение пятнадцати дней; музыка божественна, а актеры отвратительны».

Ла Скала занимает теперь главное место в жизни Анри. Этот театр был не только театром — он служил светским салоном всему городу, и этим салоном никто не решался пренебречь: здесь назначались встречи, завязывались интриги. Все ложи были заранее заказаны, и начинающему меломану оставалось довольствоваться той, которая была отведена для штаба, — по крайней мере, она находилась в партере. Впрочем, для него это не имело значения — ничто не могло умалить его восторг. Для довершения блаженства ему оставалось только выучить итальянский язык. Это не представляло бы никакой трудности, если бы он не был снова вынужден заниматься противной бумажной возней: заботливый родственник Пьер Дарю прикомандировал его к своему кабинету в Каза Кастельбарко. Зато Марсиаль, который относился к нему как к равному, старался его развлечь. Хотя Анри и находил его недостаточно романтичным — сам-то он доводил эту свою склонность до экстравагантности, — но именно этому развязному соблазнителю он был обязан открытием «очаровательной любезности женщин этой страны».

Его угнетает итальянская летняя жара, но если бы пришлось вернуться во Францию — он был бы в отчаянии. Причиной тому стало сущее наваждение, которое называлось Анжела Пьетрагруа, итальянская графиня, любовница военного комиссара Луи Жуанвиля, под началом которого Анри работает, — он и представил ей юношу. Эта высокая красивая женщина

была «наделена особым величием благодаря тому, каким образом расположены на ее лице глаза, нос и лоб». Молодой человек страстно влюбляется. Но он «горд, чрезвычайно чувствителен и безвестен», и никто рядом с ним не приходит ему на помощь советом. При этом все вокруг преуспевают: «...Я видел: то, что они делают, я мог бы сделать лучше; они были счастливы, имели любовниц. Я же бездействовал — я ждал какого-нибудь романтического случая вроде сломавшейся коляски и т. п., который помог бы некоей чувствительной душе узнать лучше мою душу». Но ему не хватает любезности в обхождении, и фортуна отворачивается от него. Кстати, товарищи почему-то дали ему прозвище «Китаец»... Он не решается открыться предмету своей страсти и продолжает обожать молча. «Как только мне представляется случай приобрести опыт и развлечься, — я сразу начинаю рассуждать о том, что сначала нужно приобрести знание жизни, чтобы уметь находить в ней удовольствие. Стоит ли после этого удивляться, что я неловок с женщинами и не имею у них успеха? Я могу блеснуть в обществе, только когда разговор строится на четких рассуждениях или касается в общем характеров и страстей, которые я постоянно изучаю».

14 июня произошла битва при Маренго, в которой, благодаря неожиданному повороту судьбы, армия Первого Консула одержала победу. На следующий день было заключено перемирие. Австрийцы ушли из Пьемонта, Лигурии и Ломбардии. Генерал Бертье подписал от имени Бонапарта Александрийское соглашение, в котором были указаны города и территории, поступавшие в распоряжение французов. Крепость Арона на озере Мажор входила в их число, и ее официальная передача должна была произойти под началом Пьера Дарю. Его сопровождал Анри. Он видел адмирала неприятельского флота, разговаривал с адъютантом генерала Меласа, посетил крепость и острова Борроме. Но для юного вздыхателя этот исторический момент был лишь прогулкой на природу, подальше от городского зноя, — эта прогулка помогла ему хоть на время забыть о своих страстных порывах.

По возвращении Анри покинул Каза д'Адца и рабочий кабинет в Кастельбарко. Его перевели в Каза Бовара, окруженную садами, на Корсо ди Порто Ориентале — ныне Корсо Венеция. Пьер Дарю предоставил это жилище своему другу Клоду Петие — министру французского правительства Цезальпинской республики в Милане; сам он через некоторое время станет главным интендантом армий. Здесь же новый начальник юноши отвел ему жилье. Анри запомнилось, что в его комнате над кроватью висела картина, на которой был изображен Ганимед.

Вскоре молодой человек сумел ближе познакомиться с миланским обществом. Он посещает балы и вечера, знакомится с графиней Герарди, любовницей Иоахима Мюрата, и любит — издали — самыми признанными красавицами Ломбардии. В этой стране, где любовь так естественна и никогда не выглядит смешной, ему было особенно тяжело оттого, что он не разделяет любовных успехов своих товарищей: «Если бы я был более удачлив, я мог бы даже очаровывать. Конечно, не лицом и не манерами, но сердцем я мог бы быть интересен женщине с чувствительной душой. Она нашла бы во мне твердость римлянина — конечно, только по отношению к вещам, далеким от любви. И ей могло бы доставить удовольствие образовывать манеры своего любовника...»

За неимением любви — и это было даже более важной причиной, чем нежелание обнаруживать свою неопытность в амурных делах, — он наконец потерял столь обременительную для себя девственность в одном из борделей. По крайней мере, он узнал, о каких наслаждениях идет речь. О том, что роднит его теперь с первым из семи сыновей Ниобеи, упомянутым Овидием в его «Метаморфозах», Анри пока не знает.

Затем произошло еще одно важное событие — дуэль между ним и одним из старших сыновей Клода Петие, Александром, — на сей раз настоящая. Секундантом Анри был Эдмон Кардон, адъютант военного министра Карно. Соперники сражались из-за прекрасных глаз некоей мадам Мартен, которая, однако, успела к этому времени одарить своей благосклонностью какого-то третьего бездельника. Анри был ранен ударом сабли в левую ногу. Из-за этой дуэли он не потерял дружбы с Александром — он потерял лишь возможность повеселиться на очередном балу, где вынужден был стоять в стороне, поскольку не мог танцевать.

Анри по-прежнему не имел никакой военной должности. Пьер Дарю вспомнил о своей роли влиятельного родственника и предпринял нужные шаги, чтобы добыть ему чин младшего лейтенанта. Он обратился к двум высокопоставленным чиновникам Военного министерства и стал хлопотать о продвижении юного кузена — в обход существующего порядка. Его должность, репутация и связи сыграли свою роль: 23 сентября 1800 года государственный советник и генерал-аншеф Луи Брюн возвел гражданина Бейля в чин «младшего лейтенанта в качестве признания его талантов и хорошего поведения» — предварительно. 23 октября Луи Даву, дивизионный генерал, главнокомандующий кавалерией армии, назначил его «пешим младшим лейтенантом в 6-м драгунском полку». Это служебное письмо, также имевшее силу предварительного, было завизировано Никола-Шарлем Удино, генерал-аншефом Итальянской

армии.

15 ноября Дарю повторно обратился к начальнику бюро кавалерии Военного министерства: «Мой дорогой старый товарищ, позвольте мне напомнить вам о ваших добрых чувствах ко мне в связи с гражданином Бейлем, моим кузеном, которого генерал Даву соизволил назначить младшим лейтенантом в 6-й драгунский полк. Генерал Брюн назначил его на эту должность своим приказом от 1 вандемьера Девятого года. Направляя его в вашу кавалерию, я надеюсь, что вы не откажете ему в некоторой благосклонности и дружеских чувствах. Мне хотелось бы, чтобы вы помогли ему утвердиться на новом месте; вы меня очень обяжете, оказав эту услугу молодому человеку, которого вы, возможно, знали лично, когда он работал со мной в первом дивизионе». Таким образом «негодный родственник» добился просимого: Анри был отправлен в свой полк.

Миланская «dolce vita» сменилась суровыми военными буднями, к которым Анри никак не мог привыкнуть. Так, например, находясь 7 декабря 1800 года без права отпуска в альпийской деревушке в трех лье от Бреччия, он записал: «Мы испытываем нужду абсолютно во всем, и хуже всего то, что полковник не может дать нам разрешение отправиться в Бреччия, потому что атака ожидается с минуты на минуту». Новоиспеченный младший лейтенант возмущен: у них в полку «нет даже книг», и за неимением хлеба они «вынуждены есть polinta — обычную пищу животных с человеческим лицом, которые живут в этой стране. Я никогда не видел и даже не мог себе представить людей столь скотоподобных, как итальянское простонародье. К невежеству, свойственному нашим крестьянам, здесь прибавляются еще лживость и коварство, самая низкая трусость и отвратительный фанатизм». Как видно, хоть он и очарован Италией, — его любовь к народу не выросла ни на йоту: он остается верен предубеждениям своего класса.

В конце месяца он снова сумел посетить Ла Скала, присутствовал на первом спектакле карнавала, восторгаясь красотой декораций и роскошью костюмов. В каждой ложе были «зажженные свечи, стол, карты; дамам обычно заказывают прохладительные напитки». Он уже почти привык к зимним туманам Ломбардии — густым и зябким.

1800 год застал Анри в гарнизоне — в Бреччия и Бергамо. Но, как только предоставляется возможность, он совершает короткие вылазки в Милан. Он состоит при штабе генерала Мишо, который благоволит к нему, — юный лейтенант даже питает надежду стать адъютантом генерала. А пока его служебные обязанности оставляют ему достаточно свободного времени — в этот смысле нашивки определенно хороши.

С 18 апреля Анри Бейль начинает вести свои первые автобиографические записки — создает свой «Журнал». В него будут записываться анекдоты, повседневные факты, различные замечания и литературные размышления, но только те, что позволяют юноше лучше разобраться в самом себе, — отсюда их фрагментарный характер. При этом он продолжает переписку со своей сестрой Полиной, начатую еще до отъезда в Италию. Взяв на себя роль просвещенного старшего брата, жаждущего приобщить сестру к свободолобивым идеям эпохи, Анри засыпает ее литературными советами, побуждает к изучению истории, арифметики, орфографии. Но его адресатка, не пользовавшаяся в семье тем вниманием, которое уделялось в свое время воспитанию старшего брата, с трудом поддерживает диалог на том интеллектуальном уровне, который он стремится установить в их общении. Такая переписка, похоже, была не лучшим способом развития ее способностей.

13 мая у Анри случился первый приступ лихорадки, которую он пытался лечить большой дозой хинина. Поскольку его болезнь продолжала усугубляться, он получил разрешение съездить в Милан на консультацию к доктору. В своем нетерпении расстаться с девственностью Анри, судя по всему, подхватил сифилис — он несколько раз употребляет слово «*verole*» (оно было тогда в ходу) в своем «Журнале». Лихорадка усиливалась. Он старательно лечится, чередует прием тонизирующих и рвотных, продолжает принимать хинин. Ничто не помогает — он слабеет. Однако его ум по-прежнему жаждет деятельности: он берет уроки контрапункта и игры на кларнете, ходит на спектакли, не перестает читать и переводить.

4 июня военное начальство предписало младшему лейтенанту Бейлю покинуть штаб генерала Мишо: ему не разрешено служить адъютантом. С военными порядками не шутят — будь ты родственник Пьера Дарю или нет. По существовавшим правилам только лейтенанты, принявшие участие в двух военных кампаниях, могли претендовать на эту должность. Анри не сдается: «У меня нет доброго советчика, нет друга, я измучен долгой болезнью, и все же я полон решимости: я уверен, что храбрость и настойчивость помогут мне стать адъютантом генерала Мишо». Он тешит себя иллюзиями, но в конце сентября ему не остается ничего другого, как исполнить распоряжение Ле Барона — полковника 6-го драгунского полка. Зато теперь он был официально утвержден в должности младшего лейтенанта «на замену гражданина Милло, отправленного в отставку» — приказом Первого Консула от 5 мессидора Девятого года (14 июня 1801 года). На это официальное распоряжение он отреагировал лишь горьким замечанием: «Нельзя быть доверчивым к людям. Как правило, люди такого

и заслуживают. Но нужно остерегаться показывать им свое недоверие».

Здоровье Анри продолжает ухудшаться. Он отказался от услуг учителей фехтования и кларнета, но нанял учителя итальянского языка — он продолжает бороться. Болезнь дает ему пищу для размышлений: «Надо торопиться радоваться жизни: ее моменты сочтены. Время, которое мы тратим на огорчения, приближает нас к смерти ничуть не менее. Надо работать, так как работа — мать удовольствия. Тосковать нельзя. Надо сначала здраво рассудить, прежде чем принять решение. Но, приняв решение, нельзя его переменять. Если мы будем последовательны, то всегда придем к цели. Надо развивать свои таланты: когда-нибудь я могу сильно пожалеть о потерянном времени. Утешением в этом отношении может служить только то, что нельзя успеть всего сразу».

Осенью Анри отправился наконец в свой полк. В его багаже, на спине осла, рядом с военным обмундированием мирно путешествуют книги по грамматике и литературе. Он везет с собой в Турин и Салюццо — Гомера, Расина, Буало, Мольера, Вольтера, Вергилия, Горация, Ариосто и Кондорсе.

Передышка, отпущенная ему болезнью, оказалась краткой. Страдая от желудочных колик и болей, причину которых он объясняет лечением ртутью, он принимает декокты хинина с опиумом. 27 октября врач поставил ему десять пиявок, а затем трижды делал кровопускание. Страдалец не в состоянии определить сам, болен он еще или уже выздоравливает. Он написал сестре: «Видишь ли, дорогая, мы всегда находимся под принуждением чего-либо, так что лучшее, что мы можем сделать, — это приспособиться к своему положению и извлечь из него как можно больше выгоды. Вот единственно настоящая философия». 9 декабря новые кровопускания принесли ему ощущение улучшения. Впрочем, врач утверждает, что у него наблюдаются явные «симптомы меланхолии и ностальгии». Полковая жизнь действительно не приносит ему удовлетворения. Прозябание в этой замкнутой среде — не по его характеру: у него другие устремления. Он решился попросить об отпуске для поправки здоровья и получил его через несколько дней. 26 декабря он прибыл в Савилиано, где располагался штаб, — здесь он уладил последние формальности и присутствовал на общем обеде.

В самом начале 1802 года Анри вернулся в родной Гренобль. Он уже не подросток, прежняя незрелость сменилась в нем собственной жизненной философией — ее он и будет придерживаться до конца жизни. Он сожалеет о том, что два года были потрачены на напрасные «вздохи, слезы, любовные порывы и меланхолию» в том возрасте, когда

темперамент бывает наиболее пылким. Но о нескольких месяцах, проведенных в Милане в 1800 году, он скажет позднее: «...Это было лучшее время в моей жизни».

Итак, Анри Бейль отметил свою помолвку с Италией. Отныне он горячо желает лишь одного — снова вернуться туда.

Париж — столица больших возможностей

«Путешествие, чтобы быть познавательным, должно сопровождаться рассуждениями о самых разных предметах, которые встречаются по пути. Когда я приехал в Италию, то совсем не знал Франции. Мои путешествия, следовательно, не могут быть для меня полезны, пока я не узнаю Францию или любую другую страну, — чтобы я мог проводить сравнения», — заметил Анри в своем «Журнале». Словно начисто забыв о своем недавнем военном прошлом, выздоравливающий младший лейтенант проявляет полную глухоту к политической напряженности и военным действиям в Европе и решает серьезно продолжить свое интеллектуальное самообразование.

После трех месяцев, проведенных в Гренобле среди танцев и карнавальных развлечений, а также в беседах о Шекспире и карточной игре с Альфонсом Перье и Феликсом Фором, он поспешно отправился в столицу. Сбылась наконец его мечта: он в Париже и при этом — молод и свободен. Его положение тем более приятно, что он теперь получает жалованье, соответствующее его чину. Верно говорят, что все познается в сравнении. Этот ранее чуждый Анри большой город теперь стал для него гостеприимным и, оказывается, «имеет тысячу преимуществ. Здесь столько произведений искусства; здесь великолепный театр, где можно общаться с замечательными людьми всех возрастов, здесь в свете больше здравого смысла, чем где-либо в другом месте; женщины здесь — в отличие от провинциальных болтушек — умеют серьезно рассуждать».

Что касается сердечных дел, то Анри еще в Гренобле познакомился с Викториной Мунье, старшей дочерью бывшего депутата Генеральных штатов Жозефа Мунье, который только что был назначен префектом в Иль-э-Вилен. Он был сражен ею как ударом молнии — он собирался даже последовать за нею в Ренн, куда она отправилась вслед за отцом. Маневры, которые он предпринимал для сближения с ней, были, однако, несколько необычны. Вместо того чтобы открыто объясниться с молодой женщиной, он описывал свои чувства к ней — в более или менее завуалированной

форме — в письмах ее брату Эдуарду, надеясь, что тот передаст сестре его послания. В ожидании благоприятного поворота событий — а он так и не наступит — юный ловелас, чтобы не терять времени даром, предался нежным чувствам к своей кузине Адели Ребюффель, которая была то очаровательно фамильярна с ним, то совершенно к нему безразлична. Он проявлял упорство в желании нравиться ей, а она умела весьма искусно раздувать искры в неостывшем пепле его чувств. Он добился-таки взаимности, но не ее, а ее матери, Мадлены Ребюффель, которая занялась его любовным воспитанием, — это случилось в конце августа 1802 года.

2 августа Бонапарт был объявлен Первым Консулом пожизненно — мадам де Сталь назвала это вторым шагом к монархии. Наполеон энергично делал карьеру. Бывшие товарищи Анри по Центральной школе тоже делали карьеры в коммерции и банковском деле, а он сам был полон решимости продолжать свое образование — причем во всем сразу. Он жаждет знаний и посвящает свое время прежде всего воспитанию ума. Опасаясь, что целые годы могут исчезнуть из жизни безвозвратно, он торопливо поглощает древних и современных авторов в Коллеж де Франс и в Национальной библиотеке — интересуется Гоббсом, Дестутом де Траси, Вовенаргом и Гольдони; он также берет уроки танцев, начинает изучать английский язык, затем еще греческий и особенно старательно оттачивает свой театральный вкус, не пропуская ни одного спектакля в те дни, когда светское общество бывает в театре в полном составе. В общем, Париж — это именно тот город, в котором он может по-настоящему заняться своим образованием.

По ходу чтения Анри делает многочисленные заметки, записывает интересные мысли — и обрушивает всю эту интеллектуальную и культурную манну на свою сестру Полину. Во времена своих ломбардских перипетий он в изобилии давал ей советы в письмах — теперь к ним прибавляются рассуждения, сентенции и целые страницы философии. Брат беседует с ней о многих вещах, чтобы научить рассуждать и ее: они говорят о смехе и смешном, о тщеславии и душевных противоречиях; Анри настаивает на необходимости постоянно учиться — и обнаруживает себя гораздо более серьезным мыслителем, чем прежде. Он полагает, что единственными достойными целями, к которым нужно стремиться, являются счастье и правда, и выражает эти мысли с такой силой и последовательностью, что у Полины входит в привычку возражать семейству бесконечными «так считает Анри». Если ему и не удастся в полной мере исполнить свою миссию просветителя, то Полина, во всяком случае, изо всех сил старается разделять взгляды брата: она верит ему

безгранично. Сестра становится его собеседницей, домашним шпионом и посредником. Анри, уже отчаявшийся найти настоящую дружбу, не мог и мечтать о более преданной подруге. «Мне приходится мириться с тем, что те качества, которые я хотел бы видеть в одном друге, оказываются распределены по разным моим друзьям. Но я не смог бы общаться со многими».

Молодой человек познает мир и мечтает о славе. Вот только набросок первой же его комедии — «Два человека» — остается неоконченным. Тщетно ищет он «la vis comica^[2]... без которой нет комедии», понимает, что невозможно комично описывать страсти и что нужно глубже изучать нравы современников. Но, несмотря на его упорство, другие попытки написать комедию — «Доброе намерение», переименованное затем в «Какой ужас! или Друг деспотизма-извратителя общественного мнения», как и сатира «Летелье» — также не увенчаются успехом. Эти амбициозные намерения так и не будут воплощены в жизнь. Зато его мысль — в постоянном движении, он работает жадно, оттачивает ум, страстно интересуется общественными процессами, но остерегается подпасть под влияние какой-либо интеллектуальной группировки: «Любой человек, кто верит во что-либо только потому, что кто-то с ним рядом говорит „верь“, — тупица».

Его любознательность беспредельна. Заседания Трибунала, чтение философских и научных книг, жаркие споры в модных кафе, театральные представления — все дает ему пищу для размышлений. Он наблюдает — и никогда не хитрит с самим собой. Стараться понять истинную природу вещей — вот его главный принцип. Он придерживается его в любых обстоятельствах: будь то в образе актера-трагика, когда читает стихи в салоне любовницы, или игрока, когда пытается свою удачу в лотерее. Это постоянное бурление жизни сопровождается переездами: в апреле он снимал комнату на улице Нев-де-Огюстен, где жил и Феликс Фор; в ноябре переехал в пансион — на седьмой этаж отеля Руан, что на улице Анжевиле, — отсюда открывается чудесный вид на колоннаду Лувра. Два года спустя он уже в отеле на улице Луа, а затем снимал и опять-таки покинул квартиру на улице Менар. Укореняться в привычках — явно не в его натуре.

Письмом от 1 термидора Десятого года (20 июля 1802 года) на имя военного министра младший лейтенант Анри Бейль подал в отставку с должности младшего лейтенанта. Дело было не только в его непостоянном характере: военная карьера никогда его не привлекала, а теперь откровенно стала помехой. Два месяца спустя он был отчислен из армии и снова стал обычным гражданином — без содержания от военного ведомства,

разумеется.

Начиная с 23 октября 1802 года Шерубен выдает ему ежемесячное содержание в 150 ливров, но денег постоянно не хватает, к тому же они часто задерживаются. Анри покупает редкие книги, берет частные уроки; у него большие расходы на одежду: черные шелковые панталоны, бархатные панталоны, галстуки из тонкого батиста — этого требуют его светские привычки. В результате светский франт весь в долгах. Зато его наряд являет собой «ту изящную небрежность, которая отличает молодого человека, привыкшего всегда отлично выглядеть, — как принято у нас в хорошем обществе». Такой образ жизни ему явно не по средствам, и он все чаще посылает сестре письма с просьбами об увеличении суммы отцовского содержания. Шерубен увеличивает сумму до 200 ливров. Анри отдает должное его великодушию: «Я глубоко чувствую, как я тебе обязан, и каждый день мысленно благодарю за то, что ты позволяешь мне употреблять на мое образование то время, которое другие молодые люди тратят на приобретение состояния». Однако он напоминает о себе с такой регулярностью, что навлекает на себя гнев даже своего терпеливого дедушки. Тот возмущается: «Что происходит, в конце концов? Отец дает сыну 200 ливров в месяц. И с какой целью? Чтобы сделать состояние? Нет — чтобы развлекаться в Париже и, равняя себя с богатыми людьми, стараться удовлетворять такие же, как у них, запросы — что для тебя весьма затруднительно. Ты просишь отца дать тебе 20 000 ливров на осуществление проектов, о которых ты ничего не рассказываешь. Где он может их взять? Ему нужна зимняя одежда, но он отказывает себе в этом. Твоим сестрам нужны были платья, но они почувствовали затруднения отца — и отказали себе в них. Он ничего не тратит на себя, а расходы на содержание поместья необходимы и в один прекрасный день утратят твое же состояние. Я мог бы сказать тебе еще многое, что ты и сам должен был бы понимать — без моих объяснений. Час разговора был бы полезнее десяти писем. Подумай о своем будущем сам и не полагай себя таким уж обездоленным».

Зачем думать о будущем, если имеет значение только «здесь» и «сейчас»? Анри затаил обиду. Тем более что мучительный недостаток уверенности в себе он объясняет именно привычной нехваткой денег.

20 мая 1803 года Бонапарт нарушил Амьенский мирный договор, который был подписан им 25 марта 1802 года. Три дня спустя Англия объявила войну Франции. Париж живет в постоянной тревоге. 24 июня Анри покинул беспокойный город и отправился обратно в Гренобль, где его ждали приятные встречи с друзьями. Вдали от парижских соблазнов он

ведет экономный образ жизни, затем возвращается в столицу проездом через Женеву, посетив заодно ситцевую фабрику в компании с земляками Альфонсом Перье, Александром Малезном и Феликсом Пане. В Париж он вернулся 20 марта 1804 года — накануне принятия Гражданского кодекса, который укрепил власть буржуазии, утвердил семью как скрепляющий элемент общества и провозгласил незыблемой частную собственность. Анри мало интересуется всем этим — как и большими строительными работами, развернувшимися в Париже, и новой городской планировкой. Он посетил своих кузин Ребюффель, как только узнал о смерти мужа Мадлены, но осудил их за неуместную веселость. Было ли это воспоминанием о смерти матери? Особенно Адель показалась ему ужасающе бесчувственной.

Анри возобновляет интеллектуальные дебаты с Фортюне Мантом, Луи Крозе, Луи де Барралем и идеологом Жозефом Рэем; встречается с военным медиком Урбеном Филиппом Сальмоном, чьи суждения имеют на него влияние, — он даже выглядит более рассудительным, чем прежде. К списку посещаемых им библиотек добавляет библиотеку Пантеона — ныне библиотека Сен-Женевьев — и библиотеку Медицинской школы. Его интеллектуальные аппетиты по-прежнему безграничны. Поскольку он намерен стать «простым, естественным и настоящим в этом мире», то читает Альфьери «как противоядие от зловония низости»: он полагает, что слишком часто бывает ею окружен. Он страдает от периодических приступов лихорадки, но его парижская жизнь входит в свою обычную колею. В театре он с восторгом наблюдает, как самые некрасивые актеры могут преображаться под воздействием чувств и страстей — становиться по-настоящему красивыми. Он не любит театр Лувуа: «...все в нем плохо — пьесы, актеры и зрители»; не слишком жалуется театр Монтансье (он будет переименован в 1807 году в Театр варьете), зато преданность знаменитому «Комеди Франсез» награждает его возможностью восторгаться самыми великими актерами того времени. Это мадемуазель Конта — известная в недавно ушедшем веке своими любовными связями с графом д'Артуа, графом де Нарбонн, герцогом Лихтенштейном и маркизом де Мопеу; это мадемуазель Марс — равно обольстительная и как трагическая любовница, и как бунтарка, будущая эгерия романтической эпохи; это Флери; это Франсуа-Жозеф Тальма — любимый актер революционного Парижа, и еще якобинец Анри Гурго по прозвищу Дюгазон. Почти наизусть зная репертуар, Анри начинает уже разбираться в театральных тонкостях, но при этом не отказывается от сложившихся предпочтений. Он превозносит «Баязета», скучает на «Ифигении в

Авлиде», дает высшую оценку представлению мольеровского «Тартюфа», на котором актеры превзошли сами себя, и при этом всегда остро реагирует — и свистками, и аплодисментами.

В начале XIX века театральные представления вообще были бурными: они разыгрывались не только на сцене, но и в зрительном зале. Публика не скупилась как на шум и насмешливые свистки, так и на искренний восторг. Когда случилось возникнуть полемике между двумя лагерями поклонников двух трагических актрис-соперниц мадемуазель Дюшенуа (Катрина Жозефина Рафуэн) и мадемуазель Жорж (Маргерита Жозефина Веймер), оркестр бывал опрокинут, а кулисы взяты приступом. Вот один из типичных эпизодов тех театральных войн: «Как в битвах, описанных Гомером, сначала один из „воинов“ бросился в одиночку на сцену и, прорвавшись к кулисам, под изумленными взглядами машинистов сцены взялся диктовать актерам волю партера. Его схватила полиция. Тогда на помощь этому герою ринулись и остальные». Но вот конфликт остался в прошлом — теперь можно было узнать, на какие же роли будут приняты эти две актрисы в «Комеди Франсез». Первая триумфально выступает в ролях Федры, Андромахи, Роксаны — ее поклонники неистовствуют в зрительном зале. Вторая, которой покровительствует влиятельная мадемуазель Рокур, дебютирует в роли Клитемнестры — и пользуется больше поддержкой критиков. Анри, для которого существовала только мадемуазель Дюшенуа, включился в борьбу. Под псевдонимом Жуниус он направил свое мстительное перо против Жюльена (Луи Жоффруа) — знаменитого автора театральных фельетонов в «Журналь де Деба». В конечном счете обе актрисы, удостоенные членства в театральном обществе 17 марта 1804 года, получили одни и те же роли. Страсти утихают. Крозе представил Анри — своего друга детства — обожаемой им мадемуазель Дюшенуа. Принятый сначала в ее ложе, Анри вскоре становится завсегдатаем в ее доме. Их отношения, впрочем, не выходят за рамки дружбы: в жизни актрисы не столь блистательны, как в огнях рампы, а театральные восторги — святы.

Сенатским указом от 18 мая 1804 года управление Республикой было доверено Наполеону Бонапарту, уже наследственному *императору*, — возник интересный исторический казус. Был также восстановлен титул маршала — чин, упраздненный Конвентом 21 февраля 1793 года. Четырнадцать действующих генералов были представлены к этому званию уже на следующий день. Времена Консульства закончились: Генерал революции преобразился в монарха. Анри уже более не восторгается Бонапартом, которого изредка видит в Тюильри, — он называет императора

лицемером: «Он приветствует и улыбается. Но это театральная улыбка: зубы видны, а глаза не улыбаются...» В далекое прошлое кануло то время, когда Анри гордился своей принадлежностью к армии, совершившей Итальянский поход.

Для молодого человека, вновь ставшего штатским лицом, 1804 год был отмечен совсем другими событиями. 30 июня покинул этот мир Ноэль Дарю: «Есть одно дело, за которое никогда не хвалят мертвых, и в то же время это единственное, из-за чего им возносят хвалы, — то, что они мертвы». Отдавая дань обычаям, Анри присутствует на заупокойной службе в церкви Сен-Тома-д'Акен и отмечает: «У священников выражение лица низменное, иногда даже злое. В лучшем случае — просто глупое».

21 августа вместе со своим кузеном Марсиалем он берет первый урок декламации у актера Ла Рива (Жан Модюи): «Вообще, чтобы хорошо делать что-то большее, надо сначала научиться хорошо делать меньшее. Так, чтобы красиво ходить, надо уметь танцевать; чтобы красиво произносить слова в разговоре, надо уметь петь; так же, чтобы хорошо читать стихи, надо немного уметь декламировать». Эти уроки были для него наиболее удобным способом приблизиться к миру кулис. На уроках Ла Рив призывал его всегда быть естественным: «В вас уже есть что-то, что заранее располагает к вам, привлекает к вам внимание, стоит вам только войти».

2 декабря Анри присутствовал при торжественном прохождении императорского кортежа. «В воскресенье 11 фримера, в день коронации, случилось так, что ни у меня, ни у Манта не было в карманах ни единого су. Он зашел за мной в половине восьмого, и мы пошли — просто так — на улицу Сент-Оноре к кафе „Франсе“; там мы случайно встретили депутацию Национальной гвардии от Изера... так что мы, заодно с ними, видели процессию целиком: сначала, в четверть одиннадцатого, маленького болвана, который нес папский крест, затем самого папу, а часа через полтора — кортеж императора и самого императора... Весь день потом я размышлял об этом — столь очевидном — союзе шарлатанов всех мастей между собой: религия берется освящать тиранию, и все это делается, конечно, во имя счастья людей. Чтобы отбить дурной запах, я затем немного почитал Альфьери».

Таким образом, к двадцать первому году своей жизни Анри окончательно становится убежденным противником как монархии, так и церковных кропильниц.

12 декабря Анри покинул курсы драматического искусства Ла Рива и перешел к Дюгазону: он считает его мастерство более совершенным и у

него будет заниматься вплоть до своего отъезда из Парижа. Занятия проходили на дому у актера — в проезде Виган. Там Анри и познакомился с начинающей актрисой Мелани Гильбер (по сценическому псевдониму — Луазон). Она была на три года старше его. Между ними возникают серьезные отношения: они рассуждают даже о «близости больших душ, понимающих друг друга с полуслова». Впрочем, пока ее мысли заняты только предстоящим театральным дебютом и она не торопится обременить себя любовником. Анри сдерживает свое нетерпение и привязывается к ней с каждым днем все более. У нее есть дочь, но это нимало его не смущает.

Тем временем денежные затруднения молодого человека лишь усугубляются и он одалживает везде где только может. Вечно находиться в таком положении — обездоленном, по его мнению, — он более не согласен. Почему бы не попытаться сколотить состояние, работая в банке, как многие другие? Амбициозный прожект, ничего не скажешь, особенно для светского молодого человека, у которого нет для этого ни нужного образования, ни призвания. Внезапно на него наваливается усталость от большого света и от всех этих развлечений, которые более его не развлекают. Он мечтает стать «Бейлем, эпикурейцем, богатым банкиром, балующимся сочинением стихов». Феликс Фор, который к этому времени вернулся в свои владения в Сент-Изнье, узнав об этом, нисколько не заблуждается на его счет: «Так, значит, ты хочешь сделаться банкиром? Это сказки, мой дорогой, которыми ты можешь убаюкивать своего отца. Что касается меня — а я хорошо тебя знаю, — ты не заставишь меня поверить, что думаешь об этом всерьез».

Другой его приятель, Фортюне Мант, который только что вступил в компанию с марсельским негоциантом Шарлем Менье, наоборот, всячески предлагает ему свою поддержку в делах коммерции. Вместе они строят самые фантастические планы. И тут еще Мелани объявила своему вздыхателю, что получила ангажемент в «Гран-Театр» в Марселе (ныне муниципальная Опера). Все сошлось так, что нельзя было этим не воспользоваться: одним выстрелом можно было убить двух зайцев. Анри заказал два места в дилижансе. 8 мая 1805 года они вдвоем с Мелани доехали до Лиона, откуда он один отправился пока в Гренобль. Немного удачи, побольше красноречия — и Шерубен не должен остаться глух к его просьбам о деньгах.

Марсельская интермедия

В семье никто, за исключением Полины, не верил в коммерческие

таланты Анри. К тому же очередное противостояние Франции и Англии не предвещало расположения звезд, благоприятного для коммерческих дел. Англия воспользовалась своим господством на море, чтобы захватить монопольное право морских перевозок, и объявила блокаду Франции. В столь неблагоприятных условиях Шерубен тем усерднее продолжал заботиться о будущем семьи и даже питал некоторые надежды, что его наследник повернется наконец лицом к действительности — тогда можно будет доверить ему управление частью их сельскохозяйственных угодий. С таким настроением он и встретил сына, но Анри твердо стоял на своем...

Приехав в Марсель 25 июля 1805 года в семь часов вечера, Анри впервые увидел море. Он встретился с Мантом и снял жилье в отеле Рамбер — там, где уже расположилась Мелани. Плохо было то, что он приехал с пустыми руками: отец денег не дал. Шарль Менье устроил Анри на должность коммивояжера — при его безденежье не приходилось претендовать на что-либо лучшее. Начинаящий коммерсант вынужден был привыкать к нравам и обычаям компании, занимавшейся импортом колониальных товаров, и проводить все дни напролет на таможне, на бирже, в Палате мер и весов. Он, естественно, находил свое новое занятие скучным и обременительным: оно не оставляло ему свободного времени для чтения. Одержимый фантастической идеей — обеспечить себе хорошую ренту, он вынашивает все новые проекты и доходит даже до того, что сообщает своим, будто является отцом дочери Мелани, ласково называя ее в письмах Анриеттой — в надежде, что удастся растрогать дедушку. Все напрасно: сообщение о его отцовстве вызвало в семье волнение, но затем его попросили впредь ставить перед собой более разумные жизненные цели — и Шерубен денег опять-таки не дал.

Конечно, никакого таланта к коммерции у Анри не обнаружилось. Все, что он извлек из нее для себя, — это «некоторый интерес к политическим событиям». Кстати, этот интерес был вполне своевременным.

По вечерам Мелани под руководством Анри учила роли. Но театр в Марселе не шел ни в какое сравнение с парижскими: «Здесь играют главным образом трагедии — и это вопреки всякому здравому смыслу. Если играется какая-нибудь трагедия, которую марсельская публика не знает, то, какой бы хорошей она ни была, марсельцы будут аплодировать только знакомым репликам — неважно, хороши они или плохи, сносно или плохо произнесены». Зрители хорошо принимали дебютантку Мелани — в том смысле, что более или менее внимательно вслушивались в ее первые реплики, но вскоре возвращались к своему привычному поведению. «Вообще здешняя публика любит слышать со сцены громкие крики. Это

единственное, что может их разбудить». В оправдание публики следует сказать, что и Мелани не проявляла больших сценических способностей.

В отношениях любовников свежесть первых месяцев связи вскоре сменилась горечью будней, усугубляемой конфликтами. Они ревнуют друг друга, устают друг от друга. Наступает отчуждение — любовь явно близится к концу. Их соединил случай — и случай же освободил их друг от друга: «Гран-Театр» закрылся, и 1 марта 1806 года Мелани вернулась в Париж. Она взяла на себя инициативу положить конец их совместным приключениям: «Я еще могла питать иллюзии до определенного момента, но сердце подсказывает мне то, чего я не хотела бы знать: ты любишь меня как совсем еще молодой человек, который живет только настоящим и не задумывается о будущем и чья единственная цель — как можно приятнее провести время. А я думала, что ты любишь меня как свою подругу жизни! Что ж, я смешна, не правда ли? Ты скажешь, вероятно, что я просто сержусь на тебя. Уверяю тебя — нет. Я лишена даже такого счастья — сердиться. Я имею столь печальный опыт общения с людьми, что в тех несчастьях, которые со мною происходят, меня удивляет лишь то, что я не смогла их предвидеть. Но они меня уже не раздражают». Несколькими неделями ранее Анри записал в своем «Журнале»: «Я начинаю находить М[елани] глупой. Мне припоминаются тысячи мелочей, которые свидетельствуют о недостатке ума». Он даже меняет жилье в Марселе — переезжает на улицу Сен-Ферреоль, подальше от воспоминаний.

Результатом поражения Франции в битве при Трафальгаре стало чрезмерно высокое обложение налогами колониальных товаров. Менье готовился заявить о своем банкротстве. Сбылись предсказания Феликса Фора и семейства Бейль-Ганьон: коммерсанта из Анри не вышло. Чтобы убить время, Анри пьет жженку, пунш и водку — что явно не решает его проблем с желудком, — играет в карты каждый вечер, наблюдает провинциальные нравы эпохи Империи — и все это ему надоедает: «У них не хватает ума, чтобы понять, насколько скучны их грубые удовольствия. Собираться вместе уже с десяти часов утра, чтобы играть в вист или бостон! Но эти люди не умеют скучать и потому никогда не перестанут быть глупыми, — такими, каковы они есть сейчас».

Лишенный занятий, Анри становится угрюмым. Кому могут быть приятны «тишина и одиночество в час, когда бьет полночь»? Незадачливый коммерсант снова берется за книги, но ему явно не хватает Парижа — деятельного, дышащего жизнью. Провинциальный город ничего не обещает ему в будущем. Шерубен, постоянно озабоченный выплатой долгов своего сына, в конце концов взмолился, что так больше

продолжаться не может. Наконец Анри и сам начинает рассуждать самокритично: «Мне нужно какое-то занятие. Мне не хватает здравомыслия, чтобы научиться не беспокоиться и заполнять разумно свое свободное время, — это очевидно».

Охота на Дарю

Один и тот же вопрос навязчиво преследует Анри: к чему ему следует стремиться? В сущности, сам он ничего об этом толком не знает. И вокруг себя он видит только разочарованных. Барраль, которого властный отец заставил поступить на службу, уже отчаялся, что когда-нибудь сможет от нее избавиться. Фор распрощался с Парижем. Крозе «не ждет от жизни ничего, кроме скуки». Бижийон только воображает, что он счастлив, а счастливы по-настоящему лишь Коломб и Маллеэн. О Манте ему ничего не известно: марсельская авантюра разбила их хрупкую дружбу. О собственном настроении он пишет: «Я страстно желал быть возлюбленным актрисы — стройной и меланхоличной. Я был им, но длительного счастья не нашел. Я думаю теперь, что это „вечное счастье“ — просто химера, что нельзя стремиться к тому, чтобы всегда извлекать максимум удовольствия из своего положения. Вообще, мне сильно не хватает здравомыслия. В сущности, я даже не знаю, что мне нужно. Вот идеальная картина моей жизни в общих чертах: Париж, слушатель курсов, восемь тысяч ливров дохода, общество самого хорошего тона — и женщины в нем».

После упорного сопротивления Анри соглашается последовать советам дедушки, который всячески настаивает, чтобы он написал кузену Пьеру: «Я думаю, что у тебя есть один верный способ, чтобы снова попасть в Париж и жить там достойно, — это опять сблизиться с Дарю: он любит тебя и мог бы устроить тебя к себе на службу». Анри подчинился. Приятель по Марселю, Леон Ламбер, помог ему составить письмо. Нужны были все-таки некоторый такт и умение пользоваться официальным языком, чтобы обратиться с письмом к государственному советнику Дарю, недавно избранному во Французскую академию, — хотя Анри был далек от того, чтобы считать своего «поэтического» кузена просвещенным обладателем блестящего слога.

Семейная солидарность снова проявила себя в деле: отец и сын Ганьоны тоже двинулись на приступ родственной твердыни. Один ходатайствует за своего внука Анри перед Пьером, а другой — за своего племянника Анри — перед Марсиалем. От братьев Дарю, однако, ответа

нет. Вероятно, их служебные обязанности не дают им возможности дать о себе знать? Или их молчание и есть ответ? Проходят недели. В Гренобле и в Марселе все члены семейства пребывают в беспокойстве. Анри догадывается, что Пьер, по всей вероятности, точит на него зуб за его прошлое безрассудство — и теперь сгорает от нетерпения. Его бывший товарищ по Центральной школе Шарль Шеминад, чья сестра близка с супругой Пьера — Александриной Дарю, советует ему для начала завязать добрые отношения с супругой кузена. Анри ожидает каждой почты «как мессии». Наконец он уже не в состоянии жить на постоянном взводе и решает поторопить события. В конце мая он в четвертый раз отправляется из провинции в Париж. Марсель ничего не дал ему, и он покидает этот город без сожаления.

10 июля 1806 года недавний марселец с наслаждением вдохнул воздух столицы. Здесь он возобновил свое «книжное обжорство» и посещения любимого «Комеди Франсез», но почему-то нигде не упомянул о декрете от 29 июля, которым количество официально разрешенных парижских театров было сведено всего лишь к восьми.

Не откладывая дела в долгий ящик, Анри отправился с визитом к Марсиалю. Его приняли сердечно, но определенный ответ так и не был дан. Тогда Анри принялся изо всех сил ухаживать за всеми обитателями улицы Лилль. Он особенно подружился с самым младшим из Дарю, но именно супруга Пьера, Александрина, действительно помогла ему немного растопить лед в отношениях с Пьером.

Территориальные аппетиты «Великой империи», разгром австрийцев под Аустерлицем 2 декабря 1805 года и исчезновение с карты мира — по Пресбургскому договору — Священной Римской империи Германии разожгли тлеющие в Европе конфликты. Мирные настроения вновь были не в моде. 26 сентября 1806 года король Пруссии Фридрих Вильгельм III направил Наполеону ультиматум. Он потребовал отвода семи корпусов Великой армии от Рейна в срок до 8 октября. «Ответ» был досрочным: уже 6 октября французские войска подошли к Дунаю. 20-го капитулировала крепость Ульм. На карту была поставлена судьба Империи.

У Дарю всю готовились к зимней кампании. Анри понимал, что сейчас нужно присоединяться к действующему режиму — хотя бы внешне. Он попытался сделать необычный для себя шаг: по протекции Марсиаля в конце августа Анри Бейль был принят в недавно созданную (18 мая того же года) франкмасонскую ложу Святой Каролины. Его масонство оказалось совсем кратким: уже в 1807 году его имя исчезло из ежегодных списков ложи. Сама ложа прекратит существование в 1815 году. В русле

помещательства имперского двора на собственном величии — там все драпировались в разные титулы, почести и звания — Анри также присоединил к своей фамилии дворянскую частичку «де»: «де Бейль» звучит убедительнее, если хочешь быстрее сделать карьеру в этом новом, пореволюционном обществе. Память явно изменила молодому человеку — ведь он сам еще недавно бичевал отца за его пристрастие к аристократизму.

30 сентября Марсиаль Дарю женился на Шарлотте Ксавьер Фруадефон дю Шатене. 16 октября, на следующий день после победной битвы под Иеной, он выехал в Германию. Кузен Анри получил разрешение следовать за ним, но «без воинского звания — вот оборотная сторона медали». Для него это был возврат на исходную позицию.

На службе Империи

Прибыв в Мец, он первым делом написал Полине: «Мы направляемся в Кобург, но император, конечно, уже далеко впереди. Отсюда мы отправимся в Майенс, из Майенса — в Вюрцбург, из Вюрцбурга — в Бамберг, из Бамберга — в Кобург, а оттуда — напрямик к славе».

Прусские генералы отступали. 27 октября в три часа дня Наполеон вошел в Берлин и принял там их капитуляцию. Стоя перед статуей Фридриха 11, воздвигнутой на главной площади прусской столицы, он снял шляпу, и то же сделал весь его штаб; затем он отдал приказ своим полкам пройти перед ней парадом в полном вооружении. Анри нигде не упоминает об этой торжественной церемонии — по всей вероятности, он вошел в город в числе всех прочих. Прусская кампания была окончена. Теперь была установлена уже континентальная блокада: все территории «Великой империи» отныне были закрыты для английских товаров.

У Анри не было свободного времени для осмотра достопримечательностей прусской столицы — он лишь позволил себе несколько вечеров удовольствия в Королевском национальном театре, которым руководил тогда актер и драматург Август Вильгельм Ифланд.

29 октября главный интендант Великой армии Пьер Дарю письмом сообщил своему родственнику о месте, которое он для него определил: «Уведомляю Вас о том, что в результате полученных о Вас хороших отзывов я назначаю Вас временно на должность помощника военных комиссаров для выполнения соответствующих функций под моим началом и под руководством распорядительных комиссаров, прикомандированных к армии». За невеликое удовольствие оказаться под строгим надзором своего

сурового кузена прощенный Анри будет получать хорошую «компенсацию» — жалованье в размере двух сотен франков в месяц. При этом Дарю не намерен был давать ему ни малейшего послабления: воспоминание о прошлом несолидном поведении кузена Анри слишком прочно засело в его памяти.

Анри квартирует «в маленьком дворце с балконом, поддерживаемым четырьмя колоннами», прямо напротив арсенала — он полагает свое жилье не слишком удобным, зато одеждой и питанием вполне доволен. Он отлично понимает, что родственник устроил ему испытание, и сетует только на усталость: «...моему уму некогда веселиться или огорчаться — бедняге приходится только отсыпаться». Общий вид города также не вызывает у него симпатии: «Берлин представляет собой песчаную улицу, которая начинается чуть ли не от самого Лейпцига. Везде, где нет мостовых, можно увязнуть в песке по самую щиколотку. Окрестности города напоминают песчаную пустыню: деревья здесь попадаются редко и растет только немного травы. Не знаю, кому пришла в голову идея устроить город среди песков...» Барочная архитектура также не отвечает его эстетическим вкусам.

8 ноября он отправился вместе с Марсиалем в Брунsvик, но предварительно запасся у книжного торговца четырьмя томами «Революций политической системы» Фридриха Ансильона (фр. Жан Пьер Фредерик Ансийон; 1767–1837 — прусский министр, историк, государственный деятель) — «хорошим средством от скуки — этого голода души». Из всех этапов этого путешествия Шенбек запомнился ему омлетом и супом из хлебных крошек, пива и яиц, а Потсдам — посещением дворца Сан-Суси и апартаментов Фридриха II, где он видел сборник стихов императора с рукописными пометками самого Вольтера.

27 ноября Великая армия под командованием Мюрата вошла в Варшаву и стала на зимние квартиры в ожидании встречных действий со стороны царя Александра I. В Брунсвике Анри выполняет «функции секретаря префектуры в шесть раз большей, чем префектура Изера» — у него нет ни минуты свободной. 25 декабря ему выпала краткая передышка в виде поручения к военной администрации в Париже, и он отправился туда через Геттинген, Кассель и Раштадт. Путешествие не доставило ему никакого удовольствия: «Погода ужасна — смесь дождя, инея и снега; темно, как за печной заслонкой; ветер гасит свечи в каретных фонарях». 5 февраля, после месячного отсутствия, Анри вернулся в Брунsvик. Ему исполнилось 24 года.

Три дня спустя, в кромешной снежной буре, произошла битва под

Эйлау — она останется в истории знаменитой своими огромными людскими потерями: погибло более десяти тысяч кавалеристов. Победа не склонилась ни на чью сторону, и теперь Наполеон вынужден был дожидаться летней кампании. Тем временем французская армия страдала от голода, непогоды и лишений. Из-за суровой зимы и разбитых дорог доставка снаряжения и провианта постоянно задерживалась. Положение было тяжелым — даже для победителей. Необходимые санитарные меры, трудности с обмундированием и амуницией — Анри должен был заниматься всем этим. К тому же Пьер Дарю беспрестанно требовал от него подробных отчетов и протоколов.

Впрочем, официальные обязанности Анри все же были не настолько обременительны, чтобы помешать ему вновь пуститься в любовные похождения. Условия жизни в Брунсвике, как оказалось, нисколько не изменили прихотливого русла его внутренней жизни. Он испытывает неистовую страсть к Вильгельмине фон Гресхейм — дочери прежнего губернатора Брунсвика, которую в ее окружении называют Мина, или Минета — при этом он старается добиться ее благосклонности, опять-таки ухаживая за другой, тоже Миной — фон Трауенсфельс. Ему самому эта авантюра кажется заранее проигранной битвой, и потому он «через каждые три-четыре дня, для удовлетворения физических потребностей, спит с Шарлоттой Кнабельгубер — содержанкой некоего г-на де Кутендвильде, богатого голландца».

Вообще, местная аристократия прекрасно уживается с этим оккупантом — тем более что вся она говорит по-французски; интриги и балы идут полным ходом. Анри берет уроки верховой езды, ходит по театрам, совершает экскурсии, занимается стрельбой из пистолета, посещает музыкальное кафе «Зеленый охотник» в окрестностях города — и полагает себя вполне счастливым. Неудавшаяся дуэль с главным кастеляном Мюнхаузенем, который «в тот день не нашел в себе храбрости или просто не захотел себя компрометировать», и ссора с Марсиалем, длившаяся целый месяц, — даже все это не могло испортить ему хорошего настроения.

Впрочем, чувства, которые Анри испытывает по отношению к культуре этой страны, далеки от восторгов. Хотя он признает, что немцы «способны на трогательную поэтичность», но незнание языка (он безуспешно пытается выучить немецкий) не дает ему глубже прочувствовать литературные тексты. Его ум уже занят творениями великих мыслителей и Италией, которая поселилась в его сердце навсегда, — это и мешает ему воспринимать без предубеждения германскую

культуру. «Вуаль, скрывающая от меня самый дух немецкого языка, пока еще слишком густа, чтобы я мог точнее определиться в своих вкусах». В первый раз его живая любознательность дает сбой. Во многом другом, однако, его вкус остается безошибочным: так, он просит у хранителя библиотеки Вольфенбюттеля, что в 16 километрах от Брунсвика, подобрать ему рукописные копии писем кардинала Ришелье из мемуаров или хроник; он углубляет свое знакомство с Дестутом де Траси и Шекспиром, продолжает изучать английский и интересуется Самуэлем Джонсоном, но поколение Гёльдерлина и Новалиса по-прежнему отвергает. Гегель, который только что опубликовал свою «Феноменологию разума», также ставит его в тупик. Поскольку немецкая литература и философия остаются для него чуждыми, он углубляется в более привычное для себя занятие — изучает «северную натуру» немцев: «...Постоянное чтение Библии делает их мелочными и напыщенными». Воспитанный в легкости латинского духа, он не воспринимает немецкой серьезности: «...Нет души, нет выражения на лицах — если не считать выражения отсутствия мыслей». Даже их танец, по его мнению, лишен грациозности — он «быстрый, четкий и жесткий».

Здесь население, нравы, климат, повседневный быт, почта и транспорт — все это недостаточно хорошо, чтобы угодить привередливому французу. «Холодная натура немцев во многом объясняется их пищей: черный хлеб, масло, молоко и пиво; впрочем, они употребляют и кофе — но им нужно было бы вино, и самое лучшее, чтобы придать больше гибкости их жестким мускулам». Гастрономические вкусы немцев его раздражают — он проклинаят их все огулом. Он поносит их «butterbrod» — «очень тонкие ломтики черного хлеба, намазанные маслом и сложенные вместе», пиво и шнапс: «...Такой режим питания способен самого пылкого человека сделать флегматиком. У меня он отнимает всякую способность мыслить». Он описывает как тяжкое наказание те блюда, от которых у любого рядового вояки здесь потекли бы слюнки (солдатам приходилось довольствоваться плохим ржаным хлебом): «В трактирах вам подадут немного еды, если вы приезжаете туда очень рано или очень поздно. Затем, к часу дня, вам подают обед: суп с вином или пивом, бульон, огромную тарелку тушеной капусты (или квашеной капусты) с сосисками — от такого блюда совершенно тупеешь. Затем идет жаркое и салат из корней капусты — так мне кажется, потому что пахнет он отвратительно; очень редко бывает зелень, да и то просто сваренная в воде. Такой обед, который ешь, постепенно раскаляясь негодованием, сопровождается поддельным вином, имеющим вкус сахара... ужин же состоит из супа и жаркого. На десерт —

сдоба, совсем мало фруктов, чаще всего — клубника, но клубника немецкая, то есть крупная, красивая и без аромата».

Что касается немецкой постели, то он считает, что хуже вообще ничего не может быть: «Представьте себе перьевой матрац, в котором тонешь; половину кровати занимает ворох подушек, тоже перьевых, — так что приходится почти сидеть, как бы ни хотелось вытянуться; все это покрыто полотном, не подшитым по краям. Одеяло — огромный мешок, наполненный перьями. Простыни нет, так что, поскольку под таким одеялом толщиной в два фута нельзя не потеть, вы имеете удовольствие смешивать свой пот со всеми проезжающими, которые потели тут до вас на тех же подушках. Впрочем, я думаю, что в хороших трактирах их стирают два раза в год».

Сказать, что Анри Бейль не имел тогда реального представления о тяготах армии и нищете народа, — это ничего не сказать. Для него война — это одно дело, а его деятельность, связанная с ней, — совсем другое; между ними у него существует непроницаемый толстый слой изоляции. Хотя он пользуется достаточно удобным жилищем, оно его совершенно не устраивает: дома «смешны на вид», окна в основном «невероятно крошечные, нет ни двойных стекол, ни ставен, ни жалюзи». В общем, королевство Вестфалия — совсем не Италия, и Брунsvик совсем не похож на Милан. Анри только отмечает с приятным удивлением обилие игрушек и книг для детей — с эстампами и хвалит вкус аборигенов в искусстве гравюры, «как правило, отменный», но по-настоящему изысканным в Германии он находит только очаровательное лицо белокурой Вильгельмины фон Гресхейм. Он навсегда сохранит неизменной свою привязанность к ней: целомудренная Мина будет занимать почетное место на его карте «страны Нежности» до самого его последнего вздоха.

14 июня, ровно через семь лет — день в день — после битвы при Маренго, состоялась битва под Фридландом. Двумя днями позже капитулировал Кёнигсберг. 7 июля, уединившись на плоту посреди Немана, император Наполеон и царь Александр I подписали Тильзитский мирный договор. Франко-русский альянс был хрупок, но позволил Империи выиграть время и собраться с силами.

Однообразие административных обязанностей угнетающе действует на Анри, и он просит причислить его к действующей армии. Главный интендант Пьер Дарю остается глух к его просьбе. 11 июля он приказом назначает кузена уже штатным помощником при военных комиссарах. Вечно недовольный Анри таким образом оказался прикован к Брунсвику.

По мере приобретения жизненного опыта Анри ощущает себя

постаревшим. Впрочем, он остается верен себе, хотя больше и не самообольщается: «Можно притворяться месяц, два месяца, но в конце концов возвращаешься в свое естественное состояние. Я не хочу тратить свой капитал на женщин». В личной жизни теперь он избирает обходные пути и предпочитает свободные удовольствия традиционной морали. Вообще под любовью Анри понимает длительное и устойчивое желание близости и испытывает отвращение к браку, хотя среди окружающих его людей брак, непонятным для него образом, пользуется уважением: «С какой стати нужно полагать брак между мужчиной и женщиной обязательным условием для зарождения или сохранения любви?.. Если любовь и существует в браке, то она подобна пожару, который затухает, и затухает тем быстрее, чем сильнее он был в начале». Он считает брак настолько же полезным для женщин — поскольку дает им возможность быть независимыми от родительской семьи, — насколько вредным для мужчин и воспитывает в этом духе сестру: «Мужа нужно воспринимать как вещь, а не как живое существо. Как драгуну нужна лошадь, чтобы выжить, так девушке нужен муж». Но, слишком эмансипировавшись с его легкой руки, Полина создала себе весьма романтическое представление о свободе: чтобы развеяться от жизни взаперти и от девичьей меланхолии, она стала выходить переодетой в мужской костюм прогуляться по улицам Гренобля. Конечно, это не прошло в городе незамеченным, и тогда наставник поспешил предостеречь сестру: «Причуды прекрасных душ, живущих в женских телах, часто оказываются опасными: причину их обычно приписывают слабостям, которые осуждаются обществом. Молодой человек — даже самый возвышенный и самый влюбленный — не женится на тебе, если двадцать или тридцать почтенных дам доложат ему, что видели, как ты бродишь по улицам в мужской одежде».

С тех пор как он отбыл в Германию в октябре 1806 года, его собственный образ мыслей также претерпел изменения — не в основных принципах, а в способах общения с другими людьми: «Если имеешь несчастье не быть похожим на большинство, надо относиться к людям как к смертельно обиженным на тебя и считать, что они терпят тебя только потому, что не знают, какую именно обиду ты им нанес. Любое слово, любой пустяк может тебя выдать». Другими словами, ради собственной безопасности надо не восстанавливать против себя общество и уметь соблюдать внешние приличия. В соответствии с этим жизненным правилом Полина не получит от брата, кроме вышеуказанного совета, никакой иной поддержки: полная эмансипация юных провинциалок пока еще не стоит на повестке дня даже в столь независимых умах, как у Анри.

Что же интересного остается для него в Брунсвике, когда он не занят умственной деятельностью (он работает над «Историей войны за испанское наследство») или развлечениями? Без сомнения, это музыка — утешительница многих неприкаянных душ. Он восторгается «Тайным браком» как в первый раз: «...Маленький мотив из Чимарозы, который я фальшиво напеваю, способен снять с меня усталость после двух часов бумажной возни». Но он открывает для себя и Моцарта: «...Этот музыкант был рожден для своего искусства, но у него северная душа: ей более свойственно выражать несчастье или спокойствие, вызванное отсутствием несчастья, — нежели порывы и грацию, свойственные жителям мягкого теплого Юга». В области музыки, как и во многих других областях, Италия опять одерживает верх. Эта итальянская ностальгия и подавляет в нем жажду новых впечатлений.

1 февраля 1808 года Пьер Дарю назначил Анри Бейля интендантом всех областей департамента Оккер, завоеванных императором. Новоиспеченный интендант был не слишком польщен этим явным знаком доверия: «Я не в восторге от этой милости — я пока не представляю себе, что это мне даст». Его деловая переписка растет — слава богу, официальные формулировки теперь не представляют для него сложности: он проверяет счета и состояние поставок, оплату налогов, составляет списки реквизиций, принимает прошения, распекает, как водится, своих секретарей и присутствует на всех официальных обедах. Возросший авторитет льстит ему и служит его интересам: «Я здесь важная персона. Я получаю множество писем, в которых немцы величают меня „монсеньором“, а значительные французские лица — „господином интендантом“. Прибывающие генералы обязательно наносят мне визиты...» Анри, правда, опять подумывает об отставке, «но над этим шагом надо как следует поразмыслить». Его должность — независимая, на которой он сам себе хозяин, — его явно устраивает. Но «в общем, как сказал бы Мирабо, хватит с меня Брунсвика».

В его родном Гренобле тем временем произошли серьезные события. Его родные в трауре по случаю смерти бабушки, Элизабет Ганьон, случившейся 6 апреля. 25 мая Полина сочеталась браком с Франсуа Даниэлем Перье-Лагранжем — храбрая бунтарка вернулась в общий женский строй.

Узнав, что Наполеон дал аудиенцию Гёте в Эрфурте 1 и 2 октября, Анри завидует властителям, которые имеют возможность окружать себя художественной элитой: «Поэт, по всей вероятности, поделился с ним своими излюбленными идеями. Император, таким образом, может

составить себе более верное представление о его произведениях, чем большинство прочих». Вне всякого сомнения, он сожалеет, что сам не имеет возможности приобщиться таким образом к немецкой литературе, понимание которой от него ускользает.

Оба Дарю собираются отправиться в Испанию — там императорские войска под командованием Мюрата неожиданно натолкнулись на серьезное сопротивление. Анри тешит себя надеждой отправиться вслед за ними. Вместо этого 11 ноября 1808 года он получил приказ вернуться в Париж. Он немедленно собрал свой багаж — и вот 1 декабря он уже в Париже.

Анри остановился в отеле «Гамбург» на улице Жакоб. Наверстывая потерянное время, он жадно бросается в развлечения, берет уроки танцев и испанского языка. 14 декабря он прошел медицинское обследование у профессора Медицинской школы Антельма Ришеранда — и оно умерило его пыл, так как подтвердило прежний диагноз: «Увеличение гланд явно сифилитического происхождения; лихорадка и недомогания, которые пациент испытывает ежевечерне, имеют, по всей вероятности, ту же природу». Ему прописано методичное лечение: свинцовые примочки, decoкты из корней сальсепарели, прием натошак пилуль Беллоста, полоскания водой с уксусом, смазывания неаполитанской мазью и главное — отказ от кофе, ликеров, «чистого» вина и половых сношений. Напрасно он полагал, что избавился от своей болезни, — как выяснилось, он серьезно ошибся и на этот счет.

28 марта Анри Бейль получил приказ отправиться в Страсбург. Накануне отъезда его постигло еще одно разочарование: Александрина Дарю, в которую он в конце концов влюбился, ответила ему полным равнодушием: «Небрежность, почти презрение. Она смотрела на меня как на бочку с порохом».

Австрийская компания

Восстание в Испании против режима Наполеона ободрило и других его противников — эрцгерцог Карл Австрийский обратился к немцам с воззванием подняться против имперского ига. Военная оккупация, всевозможные лишения, реквизиции, грабежи и мародерство во многом способствовали зарождению враждебных Наполеону настроений. Многие писатели и историки резко меняют тон: они призывают теперь к немецкому патриотизму — под флагом превосходства германской культуры. Этот несвоевременный демарш обернулся катастрофой: Наполеон поспешно

поставил под ружье новую армию — были сформированы целые дивизионы новобранцев.

10 апреля 1810 года австрийская армия предприняла атаку на Бавьер, Саксонию и Тироль. Был занят Мюнхен. 12 апреля Анри покинул Страсбург, где пробыл девять дней. Теперь он должен был служить при графе Пьере Дарю, главном интенданте армий в Германии, — в имперской штаб-квартире. Он отправляется в путь в компании военного комиссара Луи Кюни.

Война присутствует повсюду, но пока не бросается ему в глаза — ведь он еще способен любоваться прекрасными пейзажами по пути из Карлсруэ в Штутгарт. Их путь протекает вдоль Рейна. Гористая местность приятна для глаз, и путешествие оказывается богатым на впечатления: «Все это создает во мне благоприятное мнение о Германии». Однако почтовые перевозки подорожали, лошадей подают редко, а проводники неопытны. В Иммундене, неподалеку от Пфорцхайма, они свалились в канаву, откуда были извлечены только бригадой служащих, следовавших к месту своего назначения. Местный трактир доставил Анри сущую муку своим ужином — «его единодушно признали отвратительным», и своей постелью — «все теми же перьевыми подушками вместо одеяла». В Ульм он прибыл простуженным, а затем — под градом — проделал путь до Нейбурга, при этом им довелось повстречаться с немецкими подразделениями из Рейнской конфедерации. «Все понравилось мне в Нейбурге: красивая местность, чудесная буря, сам город — хорошо выстроенный, симпатичные девушки — это придало очарования и всему остальному».

Переезды способствуют созреванию молодой души: Анри радуется «этим путешествиям все более... Они учат нас, людей, подлинной философии (умению во всем видеть хорошее), хоть мы и самые глупые животные на этой земле». Этот образ жизни, требующий от него большой подвижности, приводит его в восторг: «Все действия надо совершать очень быстро — поэтому я постоянно очень внимателен». Он восхищается всем, что его окружает: для этого книжного молодого человека война — лишь романтическая театральная декорация. «Ингольштадт являет собой забавное зрелище. Прекрасны, среди пушек и фургонов, веселые солдаты, которые поют, отправляясь в бой, и грустные солдаты, которые возвращаются оттуда ранеными, — все эти крики и адский шум; самое же прекрасное — это труппа комедиантов, которые невозмутимо дают свои представления посреди всего этого хаоса».

По контрасту встреча с кузеном Дарю не принесла Анри ничего приятного: его родственник был убежден, что «держать молодых людей

железной хваткой — это единственный способ получить от них результат». Анри, хоть и не ожидал от кузена бурного проявления дружеских чувств, все же счел себя обиженным: «Никогда г-н Дарю не полюбит меня. Есть что-то в наших характерах, что взаимно отталкивается. С самого начала кампании он едва ли говорил со мною семь-восемь раз. И каждый раз начинал прочувствованным возгласом: „А, вертопрах! Опять этот вертопрах!“».

Скорое продвижение по службе Анри явно не грозит. Он считает себя жертвой немилости и чувствует себя изгоем среди семнадцати военных комиссаров. Их разговоры не нравятся ему, и он не скрывает своего желания отстраниться. Его товарищи по работе отвечают ему тем же. «Дураки считают, что у меня ироничное выражение лица. Но если некий карьерист увидел во мне соперника и принялся мне льстить, то его скрытая ненависть все равно слишком бросается в глаза. Полукарьеристы любят меня еще меньше. А молодые люди считают меня слишком суровым...» Вынужденный сгибаться перед родственником — этим работягой-палачом, наш интеллеktуал с тем большим презрением относится к его военным замашкам и банальным привычкам. Его раздражает необходимость вести примитивные служебные разговоры по двенадцать часов кряду: «Здесь преимущество у тех, кто изъясняется выражениями типа „с этой целью“ или „исходя из чего“, а я почти все время молчу... Конечно, мне есть что сказать, но здесь в чести слова самые банальные или даже хуже — те, которые проще всего выговорить».

В Ландсхуте, куда Анри Бейль прибыл 24 апреля, всего через три дня после взятия города имперскими войсками, он на время забыл о своих жалобах — здесь он наконец-то увидел настоящую войну: «Я видел тринадцать вражеских трупов и двери домов, изрешеченные пулями и ядрами». И все же этот город опять-таки напомнил ему об Италии: «За каких-нибудь полчаса мне попались навстречу пять-шесть женщин с лицами гораздо более изящных очертаний, чем это обычно встречается в Германии».

Интендант Бейль получил приказ заняться госпиталем — и нашел его в чудовищном беспорядке: «эконом здесь хитрец и мошенник», а раненых — легион, так что работы ему хватало. Он умирает от желания просто выпасться. Вставание утром — настоящая трагедия. У всех вокруг — «лица трупов, вырытых из земли».

Города следуют один за другим. Пфёффенхаузен запомнился ему хорошей постелью на соломе и ужином — более чем достойным: жареный картофель, отварная телятина и превосходное пиво, а также общим

настроением — без обычной напряженности. Даже Дарю там был весел, но, с точки зрения Анри, «такая веселость... лишь наполовину веселость». Очевидно, служебные нужды неотрывно занимали все мысли и все время главного интенданта.

Вскоре и самому Анри пришлось взглянуть прямо в глаза военной действительности. Если до сих пор военные действия были для него более или менее абстрактными, то теперь предстали перед ним во всей своей голой неприглядности. Таковы были его впечатления от Нейштадта: «...Бедный маленький городок, совершенно опустошенный: жителей нет, все раскрыто настежь, все разбито, всюду валяется солома и полно мундиров всех цветов». В Эберсберге, где французская армия накануне дала кровавое сражение, чтобы перейти через Траун, на его пути попало более тридцати трупов людей и лошадей, еще лежавших на мосту: «...пришлось сбросить их в реку — она очень широка». Город догорал у них на глазах, улицы были завалены обгоревшими трупами: «Среди них попадались настолько обожженные и черные, что в них с трудом можно было угадать очертания человеческого тела». В замке догорало около ста пятидесяти трупов. Увидев очень красивого мертвого офицера, военный комиссар захотел узнать, куда тот был ранен: «...он взял его за руку — кожа мертвого прилипла к его рукам». Таких зрелищ, а особенно запаха горелой человеческой плоти, превращенной в месиво, не выдерживали самые закаленные. Из-за жары вонь становилась совершенно невыносимой. Анри чуть не потерял сознание: «...от этого зрелища меня едва не вытошнило»; чтобы отвлечься, он попробовал заговорить с кем-то рядом — «в результате меня обвинили в жестокосердии». Раненые, во время битвы остававшиеся в домах, теперь, после нее, заживо догорали в пожаре: «Бывалые люди говорят, что вид Эберсберга в тысячу раз ужаснее, чем были все прочие места сражений — там просто валялись людские тела, по-разному изувеченные, а здесь — эти невероятные трупы: например, нос сгорел, а остаток лица уцелел». На следующий день. Дамбах тоже поразил его видом грандиозного пожара: «Весь город был пронизан столбом огня и дыма». Более сорока домов было обращено в пепел. Но по сравнению с предыдущей мясорубкой это был еще «приятный ужас».

Марш на Вену продолжался. Краткая остановка в Энсе принесла Анри некоторое облегчение, хотя они работали, ели и отдыхали по тридцать человек в одном помещении. В Санкт-Пёльтене он имел возможность полюбоваться Мельским аббатством на берегу Дуная. Квартировал он в старинном здании хлопковой мануфактуры в сотне шагов от города. Он даже искупался в прозрачной воде — но в окружении пожаров: «Накануне

я насчитал их тринадцать по всему горизонту». Сполохи пожаров в небе уже не кажутся ему красивыми. Эберсберг, с его зловонными запахами и гнилостными миазмами, навсегда излечил его от романтического восприятия войны.

10 мая 1809 года первые оборонительные укрепления австрийской столицы были взяты маршалом Удино. Два дня спустя, всего через месяц после занятия Мюнхена войсками эрцгерцога, Наполеон вошел в Вену. Интендант Бейль также расположился здесь на квартире и продолжал исполнять свои многочисленные обязанности. 17 мая Марсиаль Дарю был назначен интендантом Венской провинции и попросил у брата Пьера разрешения взять кузена Анри под свое начало. «Г-н Дарю ответил: „Сделай письменный запрос — я его подпишу“». Анри работает день и ночь, хотя теперь надзор за ним стал куда менее строгим.

Судя по обстановке, молодому человеку предстояло стать жителем Вены на год или два. Он нисколько не огорчен: «В Вене самый чудесный климат, в котором я когда-либо жил. Не хватает только времени, чтобы им насладиться. И посреди всего этого — одиночество сердца». Вена, эта столица музыки, изобилует театрами; «Дон Жуана» Моцарта здесь дают в театре Виден чуть ли не каждую неделю. Здесь много прекрасных зданий. Те, кому посчастливилось избежать участия в военных действиях, прохаживаются по Пратеру — «это самое чудесное место для прогулок из всех, какие только есть в Европе», отдыхают в садах и кафе. Анри тоже постепенно акклиматизируется.

22 мая с четырех часов утра до шести часов вечера армии противников бьются под Эсслингом. Солдаты Империи измотаны. Под непрерывным огнем солдаты корпуса инфантерии вынуждают своих генералов спешиться и сражаться в их рядах. Нарастает общее недовольство, зреет бунт, хирурги не успевают управляться со своей работой. Обе стороны понесли значительные потери — более сорока тысяч убитыми. Победа не осталась ни за одной из сторон. Ореол императора начинает меркнуть. Бойня под Эсслингом открыла собой эру гекатомб — грандиозными потерями будут отличаться все последующие наполеоновские кампании. Анри не упомянул об этой битве ни в «Журнале», ни в переписке.

15 июня он присутствовал в шотландской церкви Вены — Шоттенкирхе — на исполнении «Реквиема» Моцарта в память композитора Йозефа Гайдна, умершего двумя неделями ранее: «Я сидел там во втором ряду, при мундире; первый ряд был занят семейством великого человека: тремя-четырьмя маленькими женщинами в черном, с незначительными лицами. „Реквием“ мне показался слишком шумным и не увлек...» В

письме, которое Анри в тот же день отправил Полине, он ничего не сообщил об этом событии, а предпочел наставлять сестру, как ей лучше использовать свой новый — свободный — семейный статус: «Я пишу тебе, чтобы поздравить с тем, что ты пока не беременна. Бегай, развлекайся, посмотри Милан, Геную или Берн. Надеть на себя цепи всегда успеешь. Я никогда не понимал этой мании — сразу обзаводиться детьми, этими красивыми куколками, которые, подрастая, становятся до того несносными, что впору от них бежать, если только не сумеешь до этого дать им крепкое и самобытное образование — а у кого хватает на это терпения?»

Битва при Ваграме, начавшаяся 6 июля на заре, привлекла внимание Анри не более, чем предыдущая, под Эсслингом. Он был настолько безразличен к происходящему, что даже не вспомнил о кузене Марсиале, хотя тот находился на поле сражения. Великая армия недосчиталась двадцати семи тысяч убитыми и ранеными. 12 июля было объявлено перемирие. Анри, вытянувшись в шезлонге, «страдаая от головной боли и нетерпения», не мог никуда двинуться из-за очередного приступа лихорадки и был обречен оставаться в Вене во время всех этих событий. Он вновь испытывает приступы тоски и относит их на счет своего слишком долгого нахождения на военной службе — он опять вынашивает планы отказаться от военного мундира.

2 августа в Вену проездом прибыл Феликс Фор — он предполагал остаться здесь на целый месяц, — и это доставило Анри большое удовольствие. Он показывает приятелю город; они вместе слушают мессу с музыкальным сопровождением в придворной капелле и присутствуют на ежедневном военном параде в Шёнбрунне, где располагалась ставка императора. Фор находился под сильным впечатлением от этих сборных войск — из всех присоединенных императором стран, а также от красочного разнообразия их мундиров, но Анри видел в них лишь «стадо баранов, которых ведут на бойню». Участие в этой чудовищной кампании отрезвило его окончательно.

В конце октября молодой человек тоже со всем усердием пускается в сражение — только гораздо более личное и гораздо менее кровавое: ухаживает за прибывшей сюда графиней Александриной Дарю. Заботясь о ее безопасности, он сопровождает графиню во всех ее передвижениях. И, поскольку она любезна с ним, впрочем, как и со всеми остальными, он ждет от нее какого-нибудь знака, подающего надежду, — но напрасно. Ему не хватает смелости, он не умеет «взять в разговоре тот галантный тон, который позволяет сказать многое, поскольку все это якобы говорится не всерьез». Он уже буквально в шаге от того, чтобы произнести нужное

слово самым прочувствованным тоном, — но только в шаге. Так что напрасно Анри критиковал Пьера Дарю за его неизменную серьезность и недостаток гибкости ума — сам он не представляет собой приятного контраста своему кузену в глазах его супруги. Александрина не проявляет к нему никакой особой благосклонности — и как может быть иначе, если робость мешает молодому человеку растопить лед в их отношениях? Он остается молчаливым обожателем. «...Представь себе пажа, влюбленного в королеву», — доверительно сообщает он сестре. Ему остается лишь постараться утешиться от неразделенной страсти с некоей Бабет: «Я не слишком обеспокоен этой любовной лихорадкой: вскоре все решится, и в случае неудачи я быстро позабуду свои страстные порывы». Успех в очередной раз не заставил себя ждать: не вызывая большой любви, Бабет, по крайней мере, вызывает в нем желание — и он заносит ее в свой список приятных времяпрепровождений.

20 ноября графиня Дарю покинула Вену вместе со своим мужем. «Волнующий момент: мы прощаемся, целуемся, я ничего не предпринимаю». Их отношения не сдвинулись с мертвой точки, но его поцелуй — так ему кажется — «был дан с нежностью и принят без холодности». Он изо всех сил старается обмануть самого себя: в ее сдержанности виноват якобы только он сам — отсутствие в нем галантности и вообще его неправильное поведение: «...что должна была она обо мне подумать?» Он надеется, что в следующий раз сумеет предстать перед ней в лучшем свете.

Некое поручение, суть которого остается до сих пор неизвестной, позволило Анри Бейлю отлучиться из штаба и провести несколько дней в Венгрии, однако здесь тоска охватила его с новой силой — он всем пресыщен. Поступив под начало графа Виллеманци, он покинул Вену и направился в Линц, куда и прибыл 15 декабря. В его служебные обязанности входило все, что касалось речных перевозок и проблем, связанных с прохождением кораблей по Дунаю, — и все это столь же мало интересовало его, как и вечера, проводимые за партией в карты со скучными партнерами. Он все чаще возвращается мыслью в прошлое: «Я останавливаюсь на берегу Дуная, прислушиваюсь к далеким звукам труб и барабанов и стараюсь вспомнить, где я был в этот час (половина первого ночи) в прошлые годы».

2 января 1810 года, не в силах больше выносить тоску службы, интендант Бейль обратился к генералу Дежеану, министру Военного ведомства: «Имею честь умолять Ваше Превосходительство соизволить направить меня в Испанию». Не дожидаясь ответа, Анри спешно покинул

Австрию и отправился в Париж — он прибыл туда в середине января.

Аудитор Государственного совета

В Париже Анри сразу снял комнату в отеле «Эспань», что на улице Коломбье, — «подальше от Пале-Рояля с его помпезностью». Вскоре он узнал, что Пьер Дарю предпринимает шаги для предоставления ему места аудитора в Государственном совете. Такой «кульбит» со стороны родственника был для него полной неожиданностью. Однако в соответствии с имперским указом от 28 декабря 1809 года для получения этой должности необходимо располагать личным состоянием. У него вошло в привычку по всем финансовым вопросам сразу обращаться к своему семейству. Шерубен к этому времени уже занимал должность помощника мэра в Гренобле; он уступил настояниям сына и согласился назначить ему ежегодную ренту в 6 тысяч франков, что и было скреплено соответствующим актом 12 февраля 1810 года. Дедушка Анри Ганьон взял на себя переговоры с Пьером Дарю: «Вы изъявили доброе намерение представить Бейля герцогу-канцлеру. Вы завершите это доброе дело, если ему будет предоставлено это достойное место, преимущества которого я понял сразу, как только эти должности были учреждены. Оно было бы еще более благоприятным для моего внука, если бы он мог работать под Вашим началом. Это самое горячее мое желание, так же как и моего внука. Его карьера уже значительно продвинулась бы, если бы он всегда следовал Вашим указаниям, однако у него еще все впереди, если он станет аудитором и будет работать рядом с Вами — исполняя при Вас любые обязанности». Родные Анри всегда принимали близко к сердцу его проблемы и старались подставить свое плечо, чтобы избавить от неблагодарной роли просителя.

Эти общие старания дают Анри вполне обоснованную надежду на благоприятный исход дела, и в ожидании своего назначения он славно проводит время в Париже. «Я не сожалею о той жизни, которую вел последние четыре года. Если бы я тогда стал аудитором, то сегодня был бы уже префектом, но тогда не повидал бы Берлин, Брунsvик и Вену, никогда не узнал бы Вильгельмину, Шарлотту и Бабет. Казалось бы, слишком много имен и названий — но какая разница, срываешь ли ты плоды счастья с однолетнего растения или с векового дуба?» Он вполне отдает себе отчет в своих подлинных чувствах: «Мне не столько хочется быть аудитором, сколько приводит в ужас мысль о том, чтобы продолжать исполнять

тягостные обязанности военного комиссара».

Чтобы не испытывать собственное терпение, Анри часто ездит из Парижа в Планси-сюр-Об и обратно: там живет Луи Крозе, которого он теперь всегда находит «грустным, как ночной колпак». Записной театрал, он вновь присутствовал на «Женитьбе Фигаро», в которой мадемуазель Марс «была еще божественнее, чем всегда». Он читает «Сродство душ» Гёте: «...это роман писателя большого таланта, но его можно было написать гораздо трогательнее». Он фланирует по бульварам, завтракает в кафе «Шартр», обедает в «Фрер-Провансо» и не упускает ни единой возможности посетить графиню Дарю.

Единственное примечательное событие: он вывихнул себе большой палец на левой руке. Вывих произошел не только с пальцем: «Этот случай настроил меня на иной лад — я решил серьезно изучить историю Революции». Однако этот «исторический вывих» Анри не двинется дальше замысла: история не его стезя.

Посреди такого блаженного спокойствия его и настиг приказ из Военного министерства, в котором ему предлагалось избрать себе место новой службы. Незадачливый помощник военных комиссаров избирает Лион, но старается как можно дальше отодвинуть момент отправки к месту назначения: ему кажется, что он наконец обрел «привычный разумный образ жизни, который является залогом счастья». Другими словами, он свободен от страсти и хорошо устроился в своем парижском одиночестве.

Привычно наблюдая столичные нравы и характеры, Анри отмечает, что столица стала менее оживленной, чем была прежде, до его отъезда, и что на всех лицах читается тревога. Ему не приходит в голову, однако, отнести эти перепады общественного настроения на счет имперской политики. По его мнению, только мелочность мышления — «тайный, но действенный враг остроумия» — придает излишнюю серьезность разговорам. С самого начала его возвращения в Париж посещение салонов вызывало в нем лишь чувство неудовлетворенности. Например, в присутствии дам Ружье де ла Бержери — «тонких в обращении, но умственно пустых» — он ощущает лишь «огромное количество скуки в чистом ее виде»: из-за церемонности обращения собеседники в этом салоне не разговаривают, а словно чувствуют себя «приговоренными к поддержанию разговора».

Вдруг оказалось, что Франция опять перестала его удовлетворять: «... В Германии было интересно; в Италии мы жили по законам нежных страстей, которые увлекали нас за собой». Есть ли смысл в этих скучных парижских визитах к равнодушным людям? Анри испытывает облегчение

лишь в присутствии Александрины Дарю — она по-прежнему занимает все его мысли и чувства. Он мечтает стать ее интимным другом, полагая, что он «единственный любовник, которого она может иметь, не вызывая подозрений». Он создает оригинальные умозрительные построения: «... Мне казалось, что я видел десятки проявлений любви, но наши встречи наедине своей прохладностью убивают все. Если бы мы чаще встречались, то сумели бы объясниться друг другу в любви». В свои 27 лет Анри утешает себя как неопытный юнец. Его романтическая натура по-прежнему преобладает над разумом.

Он упорно занимает себя разными видами деятельности — вторая половина дня у него всегда в делах, но и не без удовольствий: чашечка кофе в кафе «Харди» или «Фуа», читальный кабинет в Пале-Рояле, прогулки, театр, визиты... Как принято было говорить, ранее полуночи он никогда не бывает у себя. И день за днем он занят расшифровкой оттенков настроения графини Дарю, вкладывая в это занятие одержимость энтомолога. Так, сегодня он различает в ней нежный интерес к себе; завтра находит в ней лишь проявления дружбы. Ему кажется, что ее взгляд оживляется в его присутствии; вот ее щеки покрываются нежным румянцем, что свидетельствует о скрываемом чувстве... Ему чудится, что она ищет случая взять его за руку... Он теряется в самых невероятных предположениях... 1 июня он приобрел модный кабриолет и печати со своими инициалами — он уверен, что теперь-то обладает подлинным достоинством, которое непременно должно внушать уважение всем, — и не удержался, чтобы не продемонстрировать все это перед кузеном Марсиалем.

10 мая 1810 года граф де Сессак, высокопоставленный чиновник Военной администрации, официальным письмом призвал его к исполнению служебных обязанностей: «Уведомляю Вас, месье, что мною решено направить Вас в 19-й военный дивизион для выполнения Ваших обязанностей под началом г-на Шарма, распорядительного комиссара 19-го дивизиона, — в соответствии с настоящими и будущими законами и правилами. Я предписываю Вам отправиться в Лион, к месту Вашего назначения, где г-н Шарма представит Вас и даст Вам инструкции по выполнению Вами должностных обязанностей. Настоящее письмо, о получении которого Вы мне сообщите, будет служить Вам официальным документом». Теперь Анри уже трудно уклоняться от военной службы. Он старается заручиться поддержкой Пьера Дарю, чтобы избежать этого «наряда», но тот не желает обращаться с просьбами и быть обязанным чиновнику-графу, к которому не питает никакого уважения. Ответ кузена Пьера был категоричен: «Выпутывайтесь сами из этой ерунды».

Рискуя вызвать гнев своего начальства, Анри взял на себя ответственность за неподчинение. Лион и распорядительный комиссар господин Шарма обойдутся без него. Он расслабляется в минеральной воде бань Альбер, отдыхает и с аппетитом ест на пикнике в Эрменонвиле; в театре засыпает на «Мизантропе» и развлекается пустячной, но хорошо написанной пьеской Флери, наслаждается «Свадьбой Фигаро»; поднимается на Вандомскую колонну — «единственное действительно прекрасное сооружение в городе, которое уже завершено». В его литературных вкусах произошли некоторые изменения. Так, он охладел к Корнелю и Расину: «...На каждом шагу я нахожу у них ошибки». То же и с Жаном Жаком Руссо: «...Если бы он сумел удержаться от своей несчастной педантичности, то мог бы стать Моцартом французского языка, но имел бы гораздо большее влияние на людские сердца, чем Моцарт». Он с восторгом открывает для себя Тассо: теперь тот занимает место рядом с самыми любимыми его авторами.

Чувства удовольствия и хандры поочередно сменяются в нем — от последней он избавляется лишь посредством сильной физической усталости или усиленных умственных занятий. На него периодически находят приступы ностальгии — его сердце «слишком полно воспоминаний об островах Борромео». Его распорядок дня почти всегда один и тот же: «...Утром читаю какую-нибудь книгу чувствительного содержания; к трем часам дня — несколько обязательных визитов; затем обед — спокойный, дорогой и с удовольствием; вечер — с любезными или любимыми женщинами; бегу как от огня от мужских разговоров, от тщеславия и горечи этой жизни. Это плавное течение жизни нарушается три-четыре раза в неделю некоторыми визитами. Если вечером я не послушаю какую-нибудь хорошую оперу-буфф — для промывания души, — то презрение к людям, которым я наношу визиты, иногда вызывает во мне тоску, и тогда я глубоко задумываюсь над человеческой природой. Когда же я пишу, мой ум занят тем, чтобы как можно точнее выразить мысль, и это не оставляет мне возможности страдать из-за уродства описываемого образца».

10 июня он присутствовал в Отель-де-Виле на торжестве по случаю брака Наполеона с Марией-Луизой Австрийской — «празднике, ничего не давшем для души». Благодаря графине Дарю, он был допущен в тронный зал: «Людей было немного, и почти все — с лентами орденов всех стран мира, за исключением ордена Подвязки, я думаю. У меня было время рассмотреть всех этих персон: разные степени ничтожества и достоинства, разные виды высокомерия». Его раздражает педантичная тяжеловесность

Камбасереса; он находит, что у начальника охраны вид пустой и глупый. И все же через две недели опять присутствует на официальной церемонии — праздновании в честь императорской гвардии в Военной школе — и на сей раз жалуется, что зал был «набит битком проклятыми буржуа, чьи рассуждения было невыносимо слышать».

3 июля Анри вновь принимается за своего «Летелье». Есть и еще один прожект: будучи сам ценителем искусств, он сетует на то, что познания его современников в искусствах содержат много белых пятен, и предполагает написать небольшой том, содержащий жизнеописания художников, музыкантов, литераторов, которых, по его мнению, знать необходимо каждому. Он с головой уходит в эту работу. Единственное, чего не хватает ему для полного довольства жизнью, — это любовницы, с которой он мог бы приятно завершать свои вечера. Что может быть лучше, чем обсуждать свои честолобивые замыслы с тонко чувствующей молодой женщиной?

«С моим образом жизни и моей благопристойностью, к тому же подчеркнутой наличием кабриолета, коляски, лошадей и прочего добра, я мог бы легко завести любовницу-простушку, но лень мешает мне предпринять нужные для этого усилия. Чтобы я мог получать удовольствие от общения с женщиной, ничто не должно рассеивать те иллюзии, которые я себе создал на ее счет. При первой же пошлой мысли, которую я обнаружу в моей гризетке, — я, с моим характером, велю ей надеть платье и уходить — чтобы глаза мои ее больше не видели».

Что бы он ни говорил, а расходов у него и без любовницы слишком много. Чего стоят только его книги и внушительный гардероб! В нынешнем его положении предпочтительнее продолжать фантазировать на тему маловероятной любовной связи с Александриной Дарю — хотя она «не понимает музыки» и «чертовски мало романтичности и меланхолии в ее сердце». Но все эти критические замечания не умеряют его вздохов в ее адрес; он снова сопровождает ее — на сей раз в придворный театр в Сен-Клу.

6 июля Анри Бейль вместе с огромной толпой присутствовал на церемонии в церкви Инвалидов, где покоились останки маршала Ланна, герцога Монтебелло. Маршал умер в мае 1809 года от ран, полученных в битве под Эсслингом: ядро раздробило ему правое бедро и левое колено — обе ноги пришлось ампутировать. Тело умершего было мумифицировано в Шёнбрунне, когда процесс разложения уже начался, и затем помещено в саркофаг. Теперь его останки должны были быть перенесены в Пантеон.

В присутствии большого количества гражданских и военных чинов были произнесены хвалебные надгробные речи. Эта мрачная церемония не

понравилась Анри: ему не запомнилось даже исполнение фрагментов из духовных сочинений Моцарта — он отметил только «нелепые аплодисменты после речи каноника Района, который испражнялся ею в память генерала Ланна».

Этим летом Анри Бейль побывал на всех имперских официальных церемониях, а самое интересное пропустил — впечатляющий пожар, который вспыхнул во время приема во дворце принца Шварценбергского и о котором еще долго говорил «весь Париж», присутствовавший тогда на этой церемонии.

Анри был официально назначен на должность аудитора в Государственном совете указом от 1 августа 1810 года. Ему исполнилось 27 лет, шесть месяцев и девять дней. Надежда потихоньку отделаться от воинской повинности оправдалась: «лионский вопрос» был предан забвению. Пьер Дарю, находившийся тогда с миссией в Амстердаме, написал о своем родственнике герцогу Бассано: «Я желал бы — всегда есть чего желать, — чтобы он был должным образом загружен работой. Ему двадцать семь лет, он приобрел опыт во многих кампаниях, в том числе был интендантом в Брунсвике. Я считаю его способным работать четко, разумно и тщательно. Мои личные пожелания — видеть его занесенным в Гражданский список и причисленным к моей службе. Если есть возможность выполнить одно из этих пожеланий или оба, то я просил бы Ваше Превосходительство принять это ходатайство и с ним — мою благодарность и мое почтение». Из этого письма видно, что, поскольку его молодой родственник сумел доказать свою способность серьезно и четко выполнять служебные обязанности, Дарю подвел жирную черту под своим недовольством его прошлыми промахами.

С течением лет Анри Бейль научился пользоваться своим знанием людей. Ясность стиля и четкость мыслей подтверждают это: «Как я одержал эту победу? Победив г-на Z. Как это произошло? Я позаботился, чтобы он везде слышал обо мне только хорошее; я делал ему честь всем своим поведением. В течение четырех лет я содержал себя достойно, и все мои расходы были направлены только на это». Стоя теперь обеими ногами на земле — став по-настоящему практичным, — он направил по инстанциям просьбу о сохранении за ним титула адъютанта при военных комиссарах и выслуги лет — четыре года упорной работы давали ему на это право. Новая карьера, конечно, могла дать ему все, на что он надеялся, но предосторожность никогда не помешает. Он даже заранее просчитал свои финансовые затраты: «Чтобы преуспеть в этой стране, нужно идти на большие расходы. Мои затраты, по состоянию на 1810 год, не считая

покупок, будут составлять не менее 8000. Так будет продолжаться 5–6 лет, а затем я получу должность с жалованьем в 24 000 фр. К этому времени мои долги составят 36 000 фр., которые я смогу оплатить только за десять лет. Я веду в этом обществе образ жизни почтенный, приличный и солидный, и мне не подобает погрязать в кабальных долгах». Эти фразы в письме, адресованном родным, — весьма прозрачный им намек.

22 августа Анри Бейль заступил на должность инспектора бухгалтерии Службы движимости и недвижимости Империи. Прежде чем приступить к своим обязанностям, он успел еще посетить первое представление сатиры-диалога Этьенна «Два зятя», насладиться «Юными годами Вильгельма Мейстера» Гёте, серьезно поразмыслить над литературными проблемами и написать завещание, в котором обзавывал своих друзей Фора, Крозе и Ламбера употребить его средства на учреждение ежегодной литературной премии.

Как только он расположился в своем кабинете в отеле Шатле на улице Гренель, 121 (там жил теперь и Пьер Дарю со своим семейством), у него сразу же не стало времени на осуществление личных планов и даже на столичные удовольствия, на которые он все же рассчитывал, несмотря на занятость по службе. И дело было не в жестком расписании: «С моими должностными обязанностями можно справиться за сорок часов в месяц», — но Пьер Дарю загружает его работой, не входящей в его обязанности. «А я рассчитывал, что в этот зимний сезон мои служебные обязанности будут лишь дополнением к моей основной жизни», — записал он, сожалея о своей первоначальной наивности. Его должность не давала ему возможности воспользоваться преимуществами своего нового положения — она была слишком многообразна и поглощала его полностью: «Служба крадет все мое время. Хотя собственно служебные дела отнимают у меня восемь-десять часов в день, я все же не могу толком отдаться своей работе. Мыслительная деятельность, во всяком случае для меня, — это не одежда, которую можно надеть, а затем сбросить. Нужен хотя бы час сосредоточенности, а у меня — только минуты».

Аудитор Бейль посвящает свое рабочее время тщательной генеральной инвентаризации картин, статуй, петрографии и других произведений искусства, содержащихся в музеях и дворцах Империи: он должен контролировать аналогичную работу, проводимую Домиником Виваном Деноном, тогдашним генеральным директором музеев. Он следит также за расходами материалов во дворце Тюильри и прилегающих зданиях, а также во дворцах Фонтенбло, Багатель и Муссо. Он наблюдает за положением дел в Сокровищнице и регулирует административную деятельность в тех

областях Голландии, которые были присоединены к Короне 9 июля 1810 года: проверяет документы поставок, производит подсчеты, составляет многочисленные письма и отчеты.

11 октября от военного министра был получен благоприятный ответ на его просьбу: отныне аудитор Бейль не только сохраняет свое воинское звание, но к его жалованью аудитора будет прибавлено жалованье адъютанта, хотя соответствующие обязанности он уже не исполняет.

Указом от 17 октября Бейль был утвержден в должности инспектора при Генеральном интендантстве Императорского дома. По меньшей мере два раза в год он должен будет инспектировать различные подотчетные объекты и документацию Службы мебели и зданий, присутствовать при приемке новой мебели, вести журнал наблюдений, проверять работу архитекторов, следить за составлением бюджетов и расчетных смет. Съемная меблированная комната, в которой живет молодой человек, уже не соответствует его теперешнему положению аудитора при Государственном совете, и он снимает квартиру — «простую, чистую и благородную, украшенную чудесными гравюрами» — на пятом этаже дома № 3 на углу улиц Нев-де-Люксембург (ныне улица Камбон) и Мон-Табор вместе со своим коллегой Луи Пепеном де Беллисем — «самым прекрасным юношей из всех, кого я когда-либо знал, и самым любезным, если не принимать во внимание некоторую постоянную грусть и излишек светского тона». Дружба между ними крепнет, они вместе ходят по театрам и художественным лавкам.

20 ноября 1810 года аудитор Бейль принес присягу. Изрядно ломанный на колесе военной администрации, он уже не противопоставляет себя имперской машине — ему даже удалось усовершенствовать свой деловой стиль. Он занимает выгодное положение, прекрасно одет (шитый золотом костюм аудитора и шляпа с белыми перьями — «как раз то, что нужно молодому человеку»), получает хорошие деньги, но этого ему мало — он хочет любить и быть любимым. Когда однажды вечером он узнал о гастролях Викторины Мунье в театре «Варьете», то бросился туда сломя голову — и безуспешно пытался узнать ее среди шести молодых женщин, окружавших Эдуарда. Был ли это приступ ностальгии по своей юности? Анри чувствует, что его сердце черствеет: «Я как тот холостяк, которого заставляли жениться. Я не люблю или почти не люблю, и меня не любят. Но такое положение нормально для этого общества: в нем ты смешон, только если не можешь скрыть чувство, которым по-настоящему захвачен. Нужно проявлять жесткость, потому что проявления нежности считаются смешными». Вакантный любовник «целомудрен как черт знает что» и

начинает полнеть. Его здоровье, несмотря на временное исчезновение лихорадки, внушает опасения: «Доктор Бель сказал мне, что еще три-четыре горячих мочеиспускания — и я смогу мочиться только с зондом. Мне кажется, что, с тех пор как я стал аудитором, у меня пропал темперамент. Он остался только у меня в голове». Впрочем, в присутствии графини Дарю любовный пыл никогда в нем не угасает.

В салоне Софи Гэ — матери писательницы Дельфины де Жирарден, с которой его познакомил Бел-лист, он встречает мадам Рекамье, эту знаменитую яркую противницу имперского режима: «Она выглядит так, словно извиняется за то, что красива». Теперешнее его положение обязывает — и он часто наносит необходимые визиты вежливости. Потребность стать своим в светском обществе поставила перед ним неожиданную для него самую проблему: он захотел иметь баронский титул. Шерубен избегает ответить прямым отказом на настойчивые просьбы своего наследника выделить ему майоратное владение, он тянет с ответом, надеясь, что со временем неумеренные претензии его «старшего» поутихнут. Его собственное финансовое положение было далеко не цветущим — в противоположность тому, каким его воображал себе Анри. Во всяком случае, Шерубен не был готов к тому, чтобы отписать ему часть своих владений.

Анри завершил 1810 год еще одним посещением божественной «Женитьбы Фигаро» — он сравнивал разные ее интерпретации. Год 1811-й начался для него спектаклем «Ла Молинара» — оперой Джованни Паизиелло, соперника Чимарозы в жанре оперы-буфф, но он аттестовал эту оперу как «музыкально бедную». Он также констатирует, что отныне не склонен заниматься развитием в себе еще каких-либо способностей. Его страсть к музыке остается неизменной, но он не чувствует в себе расположения выучить самому и сыграть на пианино хотя бы одну из арий: «Такая настроенность проистекает из моей превосходящей любви к словесному искусству, а следовательно, и к работе мысли, посредством которой я могу в нем совершенствоваться». Наконец-то литература взяла верх над всеми другими его увлечениями. Даже танцы, которым он ранее уделял много внимания, уходят в прошлое. Все подобного рода занятия остались в какой-то другой жизни.

Начиная с 29 января 1811 года певица и музыкантша Анжелина Берейтер, которая с 1809 года состоит в труппе оперы-буфф Итальянского театра «*seconda e terza donna*» (на вторых и третьих ролях), проводит свои вечера в постели Анри. В первый раз он живет вместе с любовницей. Это его первый опыт, и он же будет последним: подобное больше никогда не

повторится в его жизни.

Обладая ровным и терпеливым характером, Анжелина ответила наконец на его ухаживания. «Она очень хорошо знает музыку, но судит о ней ложно — под влиянием некоторой грубости нынешней французской музыкальной школы». Он упрекает ее в любви к композиторам, которым, по его мнению, недостает широты, — Анри Монтану Бертону и Этьену Анри Меюлю. Зато она разучивает с ним арии Моцарта и Чимарозы и «пишет, как ангел» — всем этим она искупает свои недостатки. В начале этой связи их ежедневно забрасывали анонимными письмами, но постепенно скандализированное светское общество утихло, и теперь уже ничто не нарушало течения их совместной жизни. Но при этом, отмечает Анри, «мне кажется, что физическое наслаждение с Анжелиной отнимает у меня немалую часть мыслительных способностей».

Эта новая связь несколько не повлияла на неизменное желание Анри посетить Италию. Один из аудиторов должен был отправиться туда по служебным делам, и Анри дает знать Пьеру Дарю о своем желании поехать в Рим. Весь в мечтах о путешествии, он с восторгом зачитывается рассказами о путешествиях и даже осмеливается противопоставлять «напыщенную претенциозность» «Коринны в Италии» мадам де Сталь — «подлинной простоте» «Путешествия итальянца по Далматии, Греции и Леванту в 1675–1676 годах» Якоба Спона. По этим литературным предпочтениям можно судить, что Бейлю-путешественнику романтическая настроенность более не свойственна.

12 марта аудитор Бейль узнал, что на должность интенданта в Рим назначен Марсиаль Дарю. Он разочарован, так как опасается, что еще один аудитор может оказаться в Риме ненужным: не достаточно ли одного интенданта, чтобы заняться музеями и библиотеками? И он как в воду глядел. Кроме того, старший Дарю держит его по службе в ежовых рукавицах — и ему становится «до тошноты» скучно у кузенов. Что касается баронского титула, то и это дело никак не продвигается.

Слова «бейлист» и «бейлизм» впервые выходят из-под пера Анри Бейля 17 марта 1811 года. Он обозначает ими людей с душой требовательной, но не удрученной — такие люди не становятся желчными от сознания собственной добродетели. Наслаждение порождается сердцем, утверждает он, и поэтому нужно слушать только свое сердце, чтобы правильно и точно познать себя. Такое познание доступно лишь оригинальным натурам, обладающим подлинно независимым умом и значительной энергией воли, и потому бейлизм — удел избранных. Это определение навсегда останется у него неизменным.

Утром 20 марта с боем часов, отсчитывавших десять ударов, молодая чета на улице Нев-де-Люксембург проснулась от пушечного выстрела в Инвалидах. Затаив дыхание, они прислушались. После двадцать второго залпа — этими залпами было возведено рождение у Наполеона наследника, объявленного королем Рима, — со всех концов понеслись восторженные крики и вся улица задрожала от аплодисментов.

На следующий день после этого события государственной важности коллега и приятель Анри, Пепэн де Беллисл, уезжал в Испанию, «увозя с собой тонкий ум, неизменное благородство и свою постоянную печаль»: он был назначен туда интендантом. Анри старался не показывать своего огорчения этой утратой, но страдал от очередного приступа смертельной тоски. Работы было более чем достаточно: он контролирует распродажу списанных лошадей и карет, составляет отчеты, инспектирует дворец Медон, дабы убедиться, что он готов к приему королевы, проверяет бухгалтерию Музея Наполеона и Музея Французской школы, но в нем растет жажда иной, более живой деятельности. Слухи о возможной войне с Россией усиливаются, и он надеется быть отправленным в действующую армию. А пока среда, в которой он живет, самым неприятным образом возвращает его из сфер идеальных — к низкой действительности.

Да, его ранг открыл ему доступ в общество, и это ему льстит; его неуверенность в себе даже смогла обернуться апломбом — благодаря его служебному положению; его материальное благосостояние неуклонно растет, — Анри Бейль признает все это, но быть послушным придворным ничтожеством не желает. Он хочет занимать достойное место в этом мире, но не хочет подчиняться его законам. Он избегает скучных разговоров, испытывает отвращение ко всем этим противным физиономиям — ко всему, что не имеет отношения к области мысли. Его причудливый ум находит себе своеобразное применение: «...У меня есть один сумасшедший способ развлекать себя: представлять, что меня оскорбляют, чтобы затем придумывать высокомерные и вызывающие ответы и этим как бы раздавать пощечины. Это возвращает во мне преувеличенную чувствительность — как у Альфери, который убивает Эли за выдернутый волос. Мое сумасшествие примерно того же рода».

Будучи принужден к многочисленным светским визитам, он не может сдержаться и дает волю своему характеру, который как раз противится всему, что принято в этом обществе: «Я все более и более нетерпим к человеческой сволочи и бываю доволен, только закрывшись у себя дома и не слыша даже дверного звонка».

17 апреля 1811 года граф Пьер Дарю был назначен государственным

секретарем. Чтобы сменить обстановку, Анри уезжает в Руан — это «страшная дыра, хуже Гренобля, полная противоположность какой бы то ни было красоте и величию». Море ему тоже не нравится: «Этот запах гудрона напомнил мне Марсель и Мелани». Компанию ему составили друзья Феликс Фор и Луи Крозе, но и с ними у него возникают серьезные споры, не связанные на сей раз с его собственным уязвленным самолюбием: «У этих господ лишь один недостаток: они не умеют шутить сами, но на шутки иногда обижаются. Я называю это буржуазным тоном». В общем, ничто и никто не заслуживает снисхождения в его глазах.

Платонические ухаживания Анри за супругой кузена Александриной не могли продолжаться бесконечно. Он решил действовать. 31 мая в поместье Бешевиль Пьера Дарю он предпринял откровенную атаку на Александрину. Его страстное признание: «Вы испытываете ко мне лишь дружеские чувства, а я — я страстно люблю вас» — встретило отпор. «Она мне ответила, чтобы я оставил эти мысли, что я должен видеть в ней только кузину и что она испытывает ко мне только дружеские чувства». Вот все и выяснилось — так быстро: «Мне хотелось смеяться, потому что я испытывал яростную потребность заплакать». Его гордость была уязвлена тем, что такие пылкие чувства остались без взаимности. Напрасно прождав в карете, что его станут удерживать, он возвратился в одиннадцать часов вечера в Париж и разбудил Анжелину, жалуясь ей на жизнь: «С этого момента Париж для меня — сплошная тоска». Но, против всякого ожидания, он и после этого отказывается признать себя побежденным.

Поскольку единственным источником удовольствия для него всегда была новизна, Анри начал уставать от своей любовницы: он «у[потребляет] ее с трудом и з[авершает], лишь думая о другой женщине». Он оказался лишен занимавшей его цели — и это сразу сказалось на его самоощущении. Возможно, Пьер Дарю заметил в нем какую-то перемену настроения: 17 августа он предложил кузену-подчиненному взять отпуск. 25 августа Анри заказал место в дилижансе, который отправлялся в Милан через четыре дня, и решил провести вечер в Версале — там он впервые увидел игру знаменитых фонтанов. Он решил не ставить кузена-начальника в известность о своей поездке: «...Я старательно прячусь от господина министра: евнухи всегда раздражены против сластолюбцев. Я уже готов к двум месяцам холода в наших отношениях по моем возвращении. Но это путешествие доставит мне слишком много удовольствия, чтобы от него отказываться. Да и кто знает, что будет с миром через три недели».

Дарю, находившийся с миссией в Голландии, узнал правду гораздо

позже.

В начале октября он написал брату Марсиалию, находившемуся в Риме: «Ты сообщаем мне, что на твое имя приходят письма для Бейля. Он говорил мне всего лишь о нескольких днях отсутствия по делам, и, поскольку он давно себе такого не позволял, я не мог даже представить, что он совершит подобную эскападу, не узнав, удобно ли это и не требуется ли его присутствие в другом месте. Я нахожу неприличным, что он сделал тайну для меня из своего местопребывания. Это еще одно проявление легкомыслия...» Когда же Дарю узнал об истинной причине отъезда Анри в Италию, он и вовсе разразился гневом: «Пусть себе он любит оперу-буфф, но актерки-буфф — это уже дурной тон. Если хочешь продвигаться по жизни и получать должности, предполагающие доверие к человеку, надо вести себя иначе...» Анри надо было всего лишь соблюсти приличия, чтобы не раздражать своего сурового родственника, но он всегда был и всегда будет свободен душой, ведомой лишь чувствами.

Италия — страна мечты

7 сентября, около пяти часов, покончив с формальностями на таможне, Анри добрался до столицы Ломбардии. Его внимание сразу привлек «легкий запах навоза, характерный для улиц этого города. Он более, чем что-либо иное, свидетельствует о том, что я в Милане». Сначала Анри остановился на две ночи в «Альберго дель Поццо», которая была прославлена Карлом Гольдони как одна из самых знаменитых гостиниц Милана; затем переехал в «Альберго Реале». Он прогулялся по знакомым местам до Порто Ориентале — «здесь, в самом прямом смысле этого слова, прошло утро моей жизни» — и устремился в Ла Скала: «Когда я вошел в театр, то почувствовал такое волнение, что еще немного — и я бы расплакался». Оказалось, что он не забыл и Анжелу Пьетрагруа. Одиннадцать лет прошло со времени их первой встречи, но его воспоминания не угасли. Даже наоборот — они словно ожили: «Я не мог шагу ступить в Милане, чтобы не встретить что-то знакомое, а тогда, одиннадцать лет назад, я любил все это только за то, что в этом городе живет она».

В заново обретенном Милане Анри испытывает восхитительное волнение; он поторопился предстать перед Анжелой, в которой нашел «больше ума, больше величия и меньше грациозности, полной сладострастия», чем прежде. Он поведал ей о своих прошлых чувствах; она

пригласила его в свою ложу и познакомила со сводной сестрой Розальбиной Ламберти, салон которой был одним из самых посещаемых в городе. Общество Анжелы и ложа мадам Ламберти станут его «наблюдательными постами» в Милане.

«Светский лев» снабдил себя книгами и — тросточкой: «Я решил, что тросточка поможет мне сбросить возраст на года четыре, и это мне удалось: оказалось, что я могу повернуть ее в руке раз двенадцать кряду — таким образом, во мне сразу виден человек большого света и ценитель женщин. И теперь я могу не ходить заложив руки за спину — на манер *papashi*». Он посещает все театры подряд. Он восторгается церковными фресками, навещает дворец Брера, становится завсегдатаем у лучшего французского ресторатора в Милане (его ресторация находилась в самом здании Ла Скала), любит миланскую архитектуру и, по контрасту, бранит парижскую грязь: «Хочется крикнуть жителям Парижа, которые воображают себя такими просвещенными в смысле умения распоряжаться собственностью и поддерживать порядок: „Вы варвары, ваши улицы источают дурной запах, по ним нельзя сделать и шагу, чтобы не покрыть себя черной грязью — этой грязью, которая придает столь омерзительный вид людям, вынужденным ходить по улицам пешком. Все это проистекает из вашей абсурдной идеи, что улицы должны быть общественными сточными канавами. А канавы должны находиться *под улицами*. Посмотрите на улицы Милана. Идеальная чистота; по ним можно мягко ехать в коляске, приятно идти пешком — и при всем этом Милан всего лишь вымощен булыжником, в нем нет мостовых, как в Фонтенбло“».

Его отношения с Анжелой становятся все ближе: она не только рассказала ему историю своего разрыва с Луи Жуанвилем, но у нее даже вошло в привычку завершать их беседы милой фразой «*al rivederci questa sera al teatro*» («до встречи в театре сегодня вечером»), что приводит его в умиление. Его воспоминания чудесны, и тем легче они переходят из прошлого в настоящее: он чувствует, что снова влюблен без памяти. Ничто не омрачает его счастья — до того фатального момента, когда его опять охватывают желание и робость признаться в этом возлюбленной: «...С этого несчастного момента ужасная чернота начинает заполнять мою душу». Ла Скала не доставляет более наслаждения меломану, он погружается в черную меланхолию: «Я возвращался к себе в ярости; я готов был рвать на куски какую-нибудь окровавленную плоть — как если бы я был Лапоном. Подобный акт насилия занял бы меня, развлек — и тем бы утешил». Не имея ничего под рукой, что можно было бы искромсать, он набросился на «Королевский альманах», который прочел с чрезвычайным

вниманием, — ища, к чему придраться. Затем опять впал в ярость — на грани безумия. Его негодование продолжало расти. Негодование — по поводу чего? По поводу всего: его раздражают соседи по партеру; он упрекает самого себя — за несоблюдение своего достоинства, так как слишком долго пробыл в ложе своей возлюбленной; он гоняет своего лакея по мелочам... Он не щадит даже свои миланские воспоминания, которые уже не кажутся ему такими трогательными...

12 сентября Анри сделал над собой огромное усилие и объявил Анжеле о своей страсти. Она растрогалась и заплакала; они обнялись и перешли на «ты», но она ему не уступила: «Уходи, уходи; я чувствую, что тебе нужно сейчас уйти, чтобы я могла сохранить спокойствие. Возможно, завтра у меня уже не хватило бы сил так ответить тебе». И разве не говорила она ему уже, что считает подобные связи чем-то вроде брака? «Первые четыре месяца любовники наслаждаются, а затем зевают рядом год или два — в угоду общественному мнению».

В планах Анри — путешествие по Италии, но он никак не может решиться покинуть Ломбардию: возможно, Анжела, несмотря на избыток в ней холодной рассудительности, все-таки его любит?.. Его дальнейшие действия зависят от ее решения: либо он становится ее любовником и остается — либо он уезжает и никогда им не станет. Выбор был слишком тяжел, и жизнь в Милане стала казаться ему несносной. Кроме того, он прекрасно знает прихотливость своих настроений: «Я искренне проклиная свою гордость. Если бы оказалось, что она меня не любит, я переживал бы ужасные моменты моей жизни: мысль о том, что я не любим этой редкой женщиной, отравляла бы мне все иные удовольствия. Но если выяснится, что она меня любит, — меня тут же одолеет скука. Источник этого несчастья — во мне самом. Как хотел бы я иметь рядом друга, который всякий раз выжигал бы каленым железом эту часть моей души!»

Анри наметил день отъезда на 22 сентября и написал Луи Крозе: «Мне думается, что по возвращении в Париж я стану скупым и льстецом — чтобы иметь деньги и получать отпуск от службы». Накануне, 21 сентября, он наконец одержал столь долгожданную победу над Анжелой: он даже записал дату и точное время на своих подтяжках — теперь он мог с легким сердцем покинуть Милан.

Он проехал Лоди, Кремон, Мантую и Моден — «самый чистый и веселый из городов Италии, которые я посетил» — и добрался до одной из целей своего путешествия — Болоньи. Оказалось, что театр в Болонье «пахнет провинцией — он голый и бедный». Здания в городе поразили его простотой и величием. Целыми днями он бродил по художественным

галереям, мог без усталости созерцать полотна Рени Гвидо — его «Портрет женщины» напомнил ему Вильгельмину фон Гресхейм.

25 сентября Анри выехал во Флоренцию и добрался до нее в самую бурю. «Такое ненастье хорошо было бы созерцать из окна какого-нибудь замка в Апеннинах, но оно не располагало к обозрению живописи в церквях — местах слабоосвещенных по своей природе». Первым делом он отдал дань уважения Альфьери, который захоронен в церкви Санта-Кроче — рядом с Микеланджело, Макиавелли и Галилеем. «Надо признать, что немногие церкви почтены такими могилами. И в такой церкви хотелось бы быть захороненным». Он сравнивает эти надгробные памятники с захоронениями во Франции, и его «бросает в краску от негодования по поводу дрянных гипсовых ящиков, в которых покоятся Расин, Лафонтен, Буало и Мольер, — мне думается, все вместе в каком-нибудь углу Музея французских памятников».

Театр в Болонье его разочаровал: он нашел его слишком провинциальным в сравнении с миланскими театрами. Зато здесь он наслаждается прогулками по набережным Арно. Ему нравятся также дворцы и музеи, хотя лишь немногие картины вызывают у него одобрение: «Все их Христы какие-то жалкие. Только вчера я видел одного — он просто корчится...» А бесчисленные ангелы, которые роятся в верхних частях картин! «Это слишком снижает впечатление: если мученик сразу видит ангелов — это ведь сильно умаляет его жертву».

После визита — из чистой вежливости — к кузине Адели Ребюффель в Тоскану, муж которой, Александр Петие, служил здесь интендантом по гражданской части, Анри направился в Рим по жуткой дороге, которая сильно напоминала ему Шампань. В Риме, будучи добросовестным путешественником, он посещает даже маленькие театрики, осматривает здания города — и особенно высоко оценил Колизей: «Это был всего лишь театр. Сейчас он более чем наполовину разрушен. Но он взволновал меня до слез, а Святой Петр оставил равнодушным».

Его кузен Марсиаль Дарю жил во дворце Квиринал и руководил здесь же работами по реставрации — в качестве интенданта достояния Короны. Общась с ним, Анри попал в самое изысканное общество. Так, он имел возможность познакомиться со скульптором Кановой. Когда он собрался покинуть Рим и продолжить путешествие по Италии, Марсиаль, вероятно, настоятельно посоветовал кузену не уезжать из Рима, имея в виду недовольство им брата-министра. На это Анри ответил, что у него нет времени на всякие предосторожности.

В начале октября Анри был уже в Неаполе. Он снял комнату в

«Альберго Реале», на площади Ша-то, — отсюда открывался отличный вид на Везувий. Столица Кампаньи, в которой он оказался лишен светского общества, ему не понравилась: «Неаполитанский люд кричит во все горло и постоянно попрошайничает»; фиакры слишком быстро ездят по тряской мостовой, кафе заполнены жестикулирующими людьми, знаменитое «Лакрима Кристи» пить невозможно — «это обычное бургундское, в каждой бутылке которого растворено сахара на два ливра», — музыка не впечатляет («хорошая музыка оживила бы меня»), а кратер Везувия не произвел на него впечатления кипящего смолой ада. Если бы здесь он имел доступ в высшее общество, как это было в Милане, то местные достопримечательности, дополненные его наблюдениями за нравами, доставили бы ему, конечно, больше удовольствия. Так уж он устроен: всякое открытие, чтобы быть полным, должно сопровождаться у него глубоким изучением человеческой природы. Он посетил Помпеи и Геркуланум в компании Луи де Барраля и Леона Ламбера (оба они служили в Неаполе), позевал на опере Гаспаро Спонтини «Весталка» и пришел в восхищение от театра Сан-Карло, невзирая на его обветшалый потолок.

Эти поездки по всей Италии были, конечно, ему интересны: «Я гораздо лучше вижу жизнь, путешествуя вот так — наудачу», но ничто не могло затмить в его воображении столицу Ломбардии — Милан. По дороге обратно он сделал краткую остановку в Алконе у Ливии Бьяловска, с которой встречался еще в 1808 году в Брунсвике, и нашел ее «свободной и погруженной в тоску». Занятый исключительно своей миланской любовью, он ничего не предпринял, чтобы помочь ей эту тоску развеять.

И вот после месячного отсутствия Анри снова в Милане. Он посещает Варезе, где жадно поглощает вошедшие в моду стихи старинного шотландского барда Оссиана, личность которого породила серьезные ученые споры; возвращается на острова Борромео, посещает Парму и встречается с Анжелой в кафедральном соборе. Его неожиданный приезд привел ее в состояние раздражения. По ее словам, их связь стала известна ее супругу; она выглядит встревоженной и утверждает, что им нужно удвоить осторожность. Действительно ли ревность мужа является тому причиной? Не скрывает ли она от своего возлюбленного какого-нибудь соперника? В душе Анри бурлят сомнения.

Итак, это итальянское приключение окончено, и неудачливый любовник готовится к возвращению на родину. Последний визит — в мастерскую художника Рафаэлли, последний осмотр — галереи Архиепископства и затем — отъезд в Париж. Он уезжает с твердым намерением вернуться в Италию, чтобы узнать ее поближе при более

благоприятных обстоятельствах.

Русская кампания

Бейль прибыл дилижансом во французскую столицу 27 ноября 1811 года. Он пишет Полине: «Представь себе гостя на великолепном балу, где все женщины изысканно одеты; огонь наслаждения сверкает в их глазах, они украдкой бросают нежные взгляды на своих любовников. Украшение прекрасного зала дышит величием и сладострастием; от тысяч свечей льется свет, подобный небесному; пленительный запах довершает ваш восторг. И вот этот счастливый человек, с его чувствительной душой, вынужден покинуть это блаженное место — он оказался вдруг в дождливой ночи, в тумане и грязи; споткнувшись три-четыре раза, он свалился в навозную яму. Таковы краткие впечатления от моего возвращения из Италии».

Конечно, Пьер Дарю не ждал его с распростертыми объятиями — его двери закрыты для Анри, но беглец нисколько не в обиде на кузена. Он записал в своем «Журнале»: «Надо признать, что этот превосходный человек совершенно прав». Его тайный побег произвел дурное впечатление, и он сам понимает, что зашел слишком далеко.

Жизнь Анри вернулась в привычную колею: провинившийся чиновник возвратился к своим обязанностям аудитора и инспектора Главного интендантства Императорского дома, а неверный любовник возобновил свою связь с Анжелиной Берейтер — всего этого ему хватило, чтобы занять себя на первое время. Его дневной распорядок, как и прежде, заполнен до отказа, тем более что его новый начальник Жан Батист Номпер де Шампани, герцог Кадорский, не может ни минуты обойтись без него. Но вскоре повседневная рутина начинает его раздражать. Любовь к Анжелине тоже тускнеет. Перед отъездом в Италию он обещал ей стать более здравомыслящим — и, как видно, сдержал свое слово вполне.

Благодаря заступничеству супруги своего кузена, Анри был приглашен на обед в отель Эстре на улице Гренель, 81 — туда переехало семейство Дарю. Пьер встретил его с непроницаемым выражением лица. Пройдет еще немало времени, прежде чем он обратится сам — да еще с улыбкой — к своему неисправимому кузену.

4 декабря Анри принялся за написание «Истории итальянской живописи» — для этого он набрал книг в Имперской библиотеке, что на улице Ришелье. Кроме этого, он развивает активную деятельность, чтобы

продвинуть дело с баронским титулом, в котором он столь заинтересован. Не изменяет он и своему привычному образу жизни с любовницей, хотя в нем уже наметилась некоторая усталость: «Мы по-прежнему вместе с Анжелиной, и она все так же развлекает меня хорошей музыкой. Но любовь вроде болезни, которая настигает двух человек одновременно, — и тому, кто выздоровел первым, становится чертовски скучно с другим». Он просит отправить его куда-нибудь со служебной миссией. Будучи подписчиком «Имперской газеты», он осведомлен о том, что русский царь Александр I вовсю начищает ружья и что столкновение с ним неизбежно. Великая армия стоит наготове уже с лета 1811 года.

8 апреля 1812 года Наполеон получил ультиматум от русского монарха, что было равносильно объявлению войны. Находящиеся на постое в Германии французские войска приходят в движение. 9 мая 1812 года император покинул Сен-Клу. 16 мая он уже в Дрездене. 29 мая он лично принял командование Великой армией. Франция официально объявила войну России 21 июня 1812 года. Эта кампания должна была утвердить имперское господство в Европе — или же ускорить падение Империи. Спустя три дня семисоттысячная армия Наполеона перешла Неман. Не встретив сопротивления на своем пути, 28 июня Наполеон вошел в Вильно.

За три дня до этого исторического момента, 25 июня, Шерубен передал во владение сыну недавно построенный дом в Гренобле — на углу улицы Бон и площади Гренет; теперь Анри нужно было только заплатить ежегодный налог на собственность. Но у него уже не было времени, чтобы порадоваться этому внезапному удачному повороту судьбы: его жажда бурной деятельности неожиданно нашла удовлетворение — начиналась большая война. Пьер Дарю, находившийся уже в Литве, писал своему брату Марсиалю: «Моя жена предприняла небольшое путешествие в Гавр, чтобы немного развлечь свою мать в ее печали. Она возвращается, а сопровождал ее в поездке Бейль. Я написал ему, в соответствии с его желанием, чтобы он прибыл сюда».

Итак, 23 июля 1812 года аудитор Бейль пустился в путь — он направляется в Вильно в качестве императорского курьера, так как это входит в его должностные обязанности. Но прежде он не преминул попросить денег у своего отца: помимо необходимости купить лошадей на берегу Немана он еще должен был рассчитаться со своим портным, которому «чудовищно задолжал 2010 франков». Шерубен дал все, что мог. Но сыну этого было недостаточно: «Мой отец прислал мне 2000 франков. Он думает, что это много, а на самом деле это ничто. Другие отцы дают 3–4 тысячи франков своим сыновьям на это путешествие». Анри недоволен, но

уезжает с легким сердцем: его любовь к Александрине окончательно угасла «by the sight of the mediocrity of the object» («из-за посредственности объекта любви»).

За несколько часов до отъезда императорский курьер Бейль побывал в Сен-Клу, чтобы получить распоряжения от самой императрицы: «Государыня удостоила меня несколькими минутами разговора: о предстоящей дороге, о длительности путешествия и т. п. и т. д. Выйдя от ее величества, я зашел к его величеству королю Рима, но он спал, и мадам графиня де Монтескью сказала мне, что его нельзя увидеть раньше трех часов, то есть мне нужно было подождать два часа. Это было обременительно — в парадном мундире и в кружевах. К счастью, я вспомнил, что моя должность инспектора дает мне некоторые привилегии при дворе. Я назвал себя — и мне открыли комнату, которая на тот момент пустовала». Так, в ожидании пробуждения царственного младенца, Анри провел свои последние мирные часы посреди чудесной зелени дворца.

Его путешествие не обещало быть мирным. Накануне главный канцлер Камбасерес пожелал ему быть более удачливым, чем один из его коллег, — тот сумел добраться до места своего назначения только за 28 суток. Бейлю пришлось путешествовать «в маленькой хрупкой венской коляске, заваленной кучей свертков». Он вез два огромных портфеля, 50 пакетов для передачи лично в руки, и среди них — письмо императрицы Марии-Луизы ее супругу императору.

В середине августа Анри присоединился к Пьеру Дарю и тут же нашел повод его осудить — на сей раз за нечувствительность к сентиментальным красотам, встречавшимся им по дороге, ведь самого Анри они весьма вдохновляли — пока. Затем он располагается на постой в 60 километрах от Москвы. Впрочем, начиная уже с Вильно, он отмечает, в каком бедственном состоянии находится Великая армия. Настроение у него меняется, он становится ворчливым: «Я стою озлобленный под высохшей березой в небольшом лесочке, полном пыли, прошлогодних листьев, сухих веток и муравьев. Девять часов мы передвигались в пыли, без воды; еще и книг нет...» У него нет сменного белья, и общаться ему приходится только с глупцами — «полное несчастье». В довершение его ожесточения мамелюки устроили себе отхожее место всего шагах в тридцати от того места, где он расположился на отдых. Да, он явно знал лучшие дни! Лишь однажды вечером ему удалось отвести душу в компании Луи де Барраля, с которым он смог поговорить об Анжеле Пьетрагуа. И еще Анри замечает, как он сам постарел: «Как меняется человек! Жажда видеть новое совсем во мне угасла. С тех пор как я узнал Милан и Италию, все, что я вижу, отталкивает

меня своей грубостью. <...> В этом океане варварства ничто не вызывает отклика в моей душе! Все грубое, грязное, зловонное — и физически, и морально». И хотя только от него самого зависело проявить больше интереса к окружающему — он не испытывал к этому ни малейшего желания.

Пожар Смоленска, покинутого жителями, немного вывел его из тоскливого состояния: «Это было захватывающее зрелище. Хотя было уже семь часов и можно было остаться без ужина (а ужин — редкость в таких обстоятельствах) и несмотря на ядра, которыми русские забрасывали французские части на берегу Борисфена (Днепра), мы выбежали за ворота, рядом с которыми находилась красивая часовня. В ней только что разорвалось ядро, и там еще все дымилось. Мы храбро пробежали шагов двадцать, затем перебрались через реку по мосту, который был навешен в спешке генералом Кирженером. Мы добежали до самого края пожара и увидели там множество собак и несколько коз, спасавшихся из полыхавшего города». Такое яркое зрелище, бесспорно, стоило риска оказаться без ужина и получить выговор от начальства.

7 сентября русская и французская армия сошлись под Бородином у Москвы-реки. Под непрерывный гром артиллерии шла ожесточеннейшая битва. Вот, наконец, уцелевшие с обеих сторон покинули поле боя, напоминавшее Апокалипсис, — бесчисленные трупы были изуродованы страшными ранами. Император потерял убитыми 25 тысяч человек (по данным российских историков, 58 тысяч. — *Прим. пер.*) и 47 генералов, но, хоть и такой ценой, дорога на Москву была французам открыта.

Неделю спустя, 15 сентября, Наполеон со своим штабом вошел в Москву. Златоглавый город встретил его тишиной и безлюдьем, и это само по себе уже внушало страх. Около двух часов утра внезапно вспыхнули пожары. Раздуваемые северным ветром, они полыхали пять дней. Жара становилась невыносимой, в окнах лопались стекла — в помещениях находиться было невозможно. Бейль записал, что пожар «заполнял воздух красноватым едким дымом на очень большую высоту». Вынужденный спасаться от пожара, как и все прочие, он все же уступил порыву, на который, вероятно, был способен только он: «Прежде чем покинуть дом, я стащил оттуда томик Вольтера под названием „Фацеции“».

Многие другие рядом с ним были озабочены отнюдь не приобретением роскошных изданий в переплете из красного сафьяна — мародеры потрошили дома, в надежде разжиться вином и едой, иногда — дамасскими скатертями, которые вполне могли пригодиться как простыни. Вскоре слуги Бейля были совершенно пьяны, как и слуги всех других

чиновников — его коллег. Пламя с чудовищной быстротой отвоевывало у французов жизненное пространство. Огромные горящие головни заваливали улицы лохматыми клочьями огня; пожар переметывался из квартала в квартал, и вскоре вся столица была охвачена пламенем — так московский генерал-губернатор граф Федор Васильевич Ростопчин успешно осуществлял тактику выжженной земли.

«Мы покинули город, освещенный самым величественным пожаром в мире, — он напоминал огромную пирамиду, которая, словно огненная молитва, шла от земли и восходила к небу. И над этим высоко в небе висела яркая луна. Это было великое зрелище, но его надо было бы созерцать одному. Вот печальное обстоятельство, которое отравило мне всю русскую кампанию: я вынужден был проделать ее с людьми, которые были способны сделать Колизей маленьким, а Неаполитанское море — мелким».

Вдали от горящего города Анри плотно поужинал сырой рыбой, фигами и белым вином, а затем почувствовал себя плохо. Тот день стал одним из «самых тоскливых и тяжелых» в его жизни.

Великая армия, которая до этого прошла победным маршем через всю Европу, была не в состоянии двигаться дальше. И у Империи не было больше на это средств. Солдаты укрывались среди пожарниц в хибарах, сооруженных из обгорелых досок, и грабили все, что можно было, чтобы как-то улучшить свой рацион: ведь обычное их пропитание состояло теперь из мутной похлебки и кусков конины — порой еще кровоточащих. Дисциплина в войске неуклонно падала.

В ожидании предложения о перемирии Наполеон расположился в Петровском дворце — летней резиденции русских царей. Посланца от царя Александра I почему-то все не было.

Интендант Бейль испытывал крайнюю усталость. К нему вернулась лихорадка, к тому же он страдал от ужасной зубной боли. И все же посреди московского бытия он вдруг сделал для себя важное открытие: «Я думаю, что моя любовь к музыке Чимарозы объясняется тем, что она рождает во мне чувства, которые я сам хотел бы заронить в ком-то однажды. Эта смесь легкости и нежности в „Тайном браке“ совершенно мне созвучна». Будущий литератор явно перестал утруждать себя мудреными теориями. Впрочем, пробыв восемь дней в одиночестве, он решил вновь взяться за своего «Летелье».

6 октября новый генеральный интендант Великой армии генерал Матье Дюма поручает Анри Бейлю общий надзор за резервными припасами и учетом реквизиций — это функции чрезвычайной важности. Бейль был поставлен во главе всех интендантов Смоленска и отбыл туда 16

октября, сопровождая обоз с полутора тысячами раненых и конвоем из трех сотен солдат. Три дня спустя был получен приказ об отступлении за пределы России: отступить было гораздо разумнее, нежели оставаться зимовать.

7 ноября, на 48 часов опередив французскую армию, Бейль наконец прибыл в Смоленск (по пути их обоз выдержал две атаки казаков). В городе не оставалось ровным счетом ничего. Тогда он направляется в Вильно. В письме сестре Анри сообщает: «Я потерял все, я имею лишь то, что на мне. Лучше всего то, что я здесь сильно похудел. Я имел много физических трудностей — и никакого морального удовлетворения. Но все забыто, и я готов вновь служить Его Величеству».

В армии царил всеобщая усталость, а холод становился нестерпимым. Анри постоянно следует за Пьером Дарю. Похоже, он был одним из тех немногих, кто в этой тяжелейшей ситуации не пал духом. Вынужденная возвращаться по той дороге, по которой пришла, некогда победоносная Великая армия превратилась в орды голодных оборванцев. Марши на большие расстояния изнурили, пропитание становилось неразрешимой проблемой. Впереди была река Березина — последнее страшное испытание для отступающих.

Покинув Смоленск 11 ноября, Анри Бейль должен был добираться в Кёнигсберг, где находился штаб армии. Предвидя, что мосты будут забиты, он решил побыстрее перебраться через реку. Ему повезло: он сумел переправиться вечером накануне подхода французской армии к переправе. Русская армия успела разрушить в Борисове единственный мост через реку, и в ночь на 26 ноября понтонные бригады французов в спешке навели два моста. 27 ноября войска начали переправу. На следующий день завязался ожесточенный бой. Один из мостов был разбит — и это стало началом катастрофы. Солдаты генерала Эбле восстанавливали его, стоя по грудь в ледяной воде.

Переправившись, французская армия сожгла за собой мосты. Трупы уносило течением. Отставшие — а это были тысячи раненых — оказались брошенными на произвол судьбы на том берегу. Русская кампания обернулась бедствием. Анри Бейля спасло его чутье: если бы не оно, он вряд ли остался бы жив.

30 декабря он выехал в деревянных санях из Кёнигсберга в Данциг. «Я видел, что он горел нетерпением уехать отсюда, — ему здесь было страшно», — писал о нем в письме Пьер Дарю. Незадолго до этого было получено известие о гибели Гаэтана Ганьона — сына дяди Ромена. Молодой человек и еще 20 тысяч таких, как он, были брошены по дороге из

Вильно в Ковно под предлогом того, что у них обморожены ноги и они не могут идти в строю. Людские потери доходили до четырехсот тысяч, включая попавших в плен. Пьер Дарю написал Ромену Ганьону: «Родители должны винить только себя в том, что отправили его туда, несмотря на мое нежелание. Я не хотел брать его из Парижа — тогда его направили ко мне прямо в Москву».

Пробыв некоторое время в Берлине, Анри вернулся в Париж 31 января 1813 года; проездом он побывал в Брунсвике, Касселе и Франкфурте. Ужасы войны остались позади. Полным ходом шла ломка Империи.

Анри исполнилось 30 лет, и теперь это был уже совсем другой человек. Еще из Смоленска он писал Феликсу Фору: «Стоило покинуть Париж ради такого предприятия: здесь я столько всего увидел и перечувствовал, сколько литератор, сидящий в своем кабинете, не узнал бы и за тысячу лет».

Последний вираж наполеоновской эпохи

Эти последние полгода жизни сильно изменили Анри Бейля. Хотя ему не пришлось защищать свою жизнь с оружием в руках, но опыт русской кампании нанес ему настоящую душевную травму. Суровая русская зима — морозы доходили до 40 градусов, — лишения, физическое истощение и постоянная опасность ожесточили его: «Сейчас я нахожусь в состоянии безразличия ко всему — я растерял все свои увлечения. Я уже не могу напиваться парижскими удовольствиями с прежней жадностью — жадностью раба, который вырвался на свободу...» Оперы и обеды оставляют его равнодушным, даже желание писать не посещает его. Свои тетради с «Историей итальянской живописи» он потерял в неразберихе отступления и не ощущает в себе желания их восстанавливать: «Вернется ли когда-нибудь моя страсть к писательству? Не знаю. В данный момент я мертв. Я холоден, как шестидесятилетний старик». Он знает свою натуру — он может заниматься каким-либо делом, только когда в него влюблен: «...Без любви я ничто. Мой гений (в том же смысле слова, что и „гений христианства“) слишком непостоянен, то есть давно не был в состоянии влюбленности». Он потерял интерес к маленьким светским кружкам, но продолжает, из признательности, появляться у Пьера Дарю — этот, во всяком случае, не мешает его слабым попыткам вести спокойный образ жизни.

От прежних любовных связей этому другому Анри не осталось ничего.

Анжела Пьетрагруа не подает признаков жизни; Анжелина Берейтер отправлена в область дружеских воспоминаний; Александрина Дарю, по неизвестным ему причинам, окончательно отказала ему в своем расположении. Мелани Гильбер, ставшая супругой русского генерала, появилась однажды в столице, но он ей не рад: «Остывший пепел не загорится вновь — такова моя теория». Его здоровье расстроено: «Вот уже два дня, как я ем втрое больше обычного — и все равно голоден. Кофе не бодрит мой ум, а вино, выпитое с утра, не нагоняет сон». Он выглядит ужасно и составляет уже второе завещание, хотя и с оговоркой: «Завещание — это, конечно, смешно, даже если меня и угораздило побывать в Москве». Когда его вкус к интеллектуальной работе все-таки ожил, он принялся дорабатывать наброски своей комедии: посещает литературный кабинет на улице Граммон, обдумывает характеры персонажей и набрасывает план «Летелье». Но на душе у него по-прежнему пусто и холодно.

Понемногу возвращается Анри и к театральной жизни. Так, он присутствовал на первом представлении в Сен-Клу «Интриганки» — пятиактной комедии в стихах Этьена: «Стиль напыщенный, а действие немного оживляется лишь в четвертом акте». Публика изнывала от скуки, однако Наполеон, учув в пьесе некоторые намеки на имперский режим, запретил ее. Тогда Анри поспешил купить у книготорговца два последних экземпляра этой пьесы: «Абсурдность суждений императорского двора прелестна — ее можно осязать». Не признавая цензуры, он раздобыл также текст речи Франсуа Рене Шатобриана при его вступлении во Французскую академию: она не понравилась Наполеону, писателя попросили ее переделать, он отказался — и не был принят в академию. Сидя в кафе «Фуа», Анри внимательно прочел ее: «Общественное мнение должно признавать писателями только людей такого таланта. Они чувствуют все красочные оттенки стиля. Такая речь — бесспорный входной билет в Академию. Но когда он [Шатобриан] был уже в нее все-таки принят — я нахожу его посредственным, и безнадежно посредственным: ему не хватает рассуждения, и он фальшив <...> Шатобриан грешит против хорошего тона: он слишком много говорит о себе. Его похвалы вызывают недоумение. В общем, он не мыслит. Этот человек *не переживет свой век*. Держу пари, что в 1913 году никто и не вспомнит о его произведениях».

Будущий Стендаль, конечно, не оракул. И тем лучше: через какое-то время он так же будет относиться к собственным произведениям.

Слабость французской империи теперь ни у кого в Европе не вызывает сомнений, и потому естественным образом против нее начинает формироваться коалиция — она имеет целью сведение Франции к ее

границам, существовавшим до 1791 года.

14 февраля 1813 года Бейль присутствовал на заседании Законодательного корпуса, на котором Наполеон попросил его членов проголосовать за решения, позволяющие ему начать новую кампанию. 22 февраля Пруссия подписала альянс с Россией. 17 марта она объявила войну Франции. 14 апреля Австрия также порвала свой договор с Францией и предложила свое посредничество. Спустя два дня Наполеон возглавил в Эрфурте свою новую армию, составленную главным образом из новобранцев. Неопытным новичкам приходилось обучаться военному ремеслу прямо на марше.

Бейль, разочарованный тем, что не получил должности префекта или докладчика в Государственном совете, ни даже голубого креста (хотя эти ордена раздавались направо и налево), надеялся уклониться от саксонской кампании. Ведь участие в русской кампании обещало ему больше выгод, чем многим другим, а он не получил ничего. С какой стати было ему принимать участие в следующей? Он еще не успел отдохнуть и не хотел снова заниматься делами интендантства: «Гораздо лучше спокойно пожить год в Париже и съездить ненадолго в Швейцарию или Италию». Но он получил приказ об отъезде по служебным надобностям: «Никогда еще мне не было так трудно решиться. Я определенно превращусь в варвара и умру для искусства».

19 апреля Бейль был уже на пути в Майенс. 20 мая он наблюдал пожар в Баутцене и «все, что можно видеть после битвы, — то есть ничего». 6 июня Пьер Дарю назначил опытного аудитора в Саган, в Силезию. «Я читал, нарочно после всех, этот список, питаю смутную надежду не быть назначенным туда и провести десять-двенадцать дней из тех пятидесяти, которые еще будет продолжаться перемирие, — в Венеции». Но удача отвернулась от него: именно он и был назначен.

На следующий же день интендант Бейль приступил к своим обязанностям в Сагане: «Я тут важная персона, моя дорогая Полина, но, как все короли, зеваю от скуки». Ему удалось раздобыть пианино, ему доставляет книги главный уполномоченный герцогини Курляндской. При этом он обращается к своему кузену с просьбой заменить Марсиаля в Риме, как только там освободится место. Он так загружен работой, что у него не остается свободного времени. Но, записывает он, «поскольку нежных чувств во мне самом нет, девушки внушают мне ужас».

Ровно в день годовщины своего отъезда в Россию Анри записал в «Журнале»: «Что это был за год! Для полноты картины я получил еще это интендантство, и теперь не хватает только болезни». Как в воду глядел.

Вернулась сильная лихорадка по утрам с приступами бреда — впрочем, от нее была и польза: он был отправлен на лечение в Дрезден. Весьма довольный этим, больной добрался до столицы Саксонии 28 июля — и как раз успел на представление любимой оперы «Тайный брак». Но он совершенно обессилен.

12 августа 1813 года Австрия объявила войну Франции. Пришел черед империи расплачиваться — падение имперского лагеря становилось неизбежностью. На следующий день состояние здоровья Анри резко ухудшилось и он не смог выехать с миссией во Франкфурт. Он болен уже два месяца. Пьер Дарю разрешил ему вернуться в Париж, и 14 августа Анри отправился в обратный путь — в тот самый день, когда прусский маршал Блюхер развернул боевые действия. Дрезденская битва была уже в самом разгаре, когда Анри вернулся в Париж с тысячей франков золотом и тридцатью одним наполеондором в кармане. Он доверительно сообщил сестре: «Под большим секретом — его сиятельство герцог К[адорский], очарованный моей физиономией, позволил мне отправиться на юг кормчим на галерах — чтобы немного согреться. Так что я еду в Милан. Для посторонних — я в Куларо и со своей семьей. Как раз там я действительно был ровно два года и два дня тому назад». С дороги он написал Александрине Дарю: «Я очень устал. Мне очень хотелось бы, чтобы обо мне вообще забыли, пока М[арсиаль] или господин Петие не освободят свой пост».

7 сентября перед Анри вновь предстали купола Милана. Он еще очень слаб, а езда на казенном месте в карете его совершенно измучила. Поклонник Италии решает теперь «искать удовольствий более разумно». Впрочем, театры, оперы, галереи, визиты следуют один за другим, но не опьяняют его радостью, как это бывало прежде. Вероятно, причиной тому его здоровье, которое не торопится на поправку. Другой причиной, вероятно, является Анжела Пьетрагруа: она не слишком расположена к нему и часто отсутствует. Анри подозревает о существовании соперника и оказывается в тягостном положении неопределенности. Ему остаются пока чтение и записи наблюдений за итальянскими нравами. «Я не вцепляюсь ни в какую книгу, и только в таком состоянии могу читать плодотворно, пополняя запас мыслей, а точнее — укрепляясь в своих воззрениях, и тем самым я все более приближаюсь к правде. Она для меня (в смысле познания человека) как картина, покрытая слоем известки: с каждым осыпавшимся куском она открывается мне все более».

Мгновения удовольствия случаются у Анри все реже. Его сильно заинтересовали мысли врача и философа Пьера Жана Жоржа Кабаниса о

памяти: «Как только я стану стареть, именно память начнет меня подводить в первую очередь». Он открывает для себя озеро Ком и Венецию, довольствуется крохами близости с Анжелой в ее сельском владении Монца, но настоящего занятия себе найти не может. Должен ли он отчаиваться, что не в состоянии стать для своей возлюбленной тем, чем был для нее Луи Жуанвиль? И вправе ли он также рассчитывать на любовь этой редкой женщины? К тому же пребывание Анри в Италии было сильно омрачено известием о смерти дедушки Ганьона — это случилось 20 сентября.

Дела по службе потребовали его присутствия в Париже — он вернулся туда 14 ноября. Хотя он попросил освободить его от воинской повинности в связи со своим служебным положением и получил такое разрешение, но обязанности аудитора требовали его присутствия в департаменте Изер, где он должен был набрать военный контингент численностью до трехсот тысяч человек. Оказавшись под началом сенатора Жана Дени Рене Лакруа де Шевриера, графа де Сен-Валье, Анри Бейль вынужден был сопровождать его в Гренобль и помогать ему в его деле: от них требовалось обеспечить защиту национальной территории силами 7-го военного дивизиона. Оказаться в родном Гренобле по такому поводу — худшего наказания нельзя было придумать: «Моя сестра, эта добрая душа, ни минуты не обольщалась и искренне жалела меня, видя, в какое дерьмо я попал».

5 января 1814 года он с отвращением ступил на землю родного города. Первые две ночи он провел в доме отца, но постарался как можно скорее снять себе комнату. «В ней у меня было хотя бы несколько минут одиночества, которые были не столь заражены тоской и моральной тошнотой, как все остальное время в Гренобле».

Организация защиты целого региона — дело непростое. Надо было мобилизовать национальную гвардию и отряды добровольцев, наблюдать за противником, дислоцировавшимся поблизости, сконцентрировать войска, следить за изготовлением снарядов, снабжать ими гарнизон, предупреждать возможные беспорядки, исполнять разнообразные поручения начальства и еще осуществлять связь с Шамбери. Анри толково и усердно принялся за дело, но сразу же пал жертвой различных препятствий. Префекты Фурье и Фино возложили на него слишком трудные задачи — и его здоровье не выдержало. Анри серьезно заболел, так что вынужден был даже соблюдать постельный режим. Работа, возложенная на него, была настолько сложной, что граф де Сен-Валье направил ходатайство о награждении орденом своего талантливого

помощника. Затем начальник удовлетворил его просьбу о возвращении в Париж.

27 марта, после короткой остановки в отеле «Гамбург» на улице Жакоб, Анри вернулся на свою парижскую квартиру. 30 марта воюющие стороны сражались уже на склонах Монмартра и Пантена. Эти исторические события оставили Анри равнодушным. «Все шло нормально, никаких беспорядков не было», — написал он сестре, имея в виду, что ничто не сгорело и не было разграблено. Конечно, в сравнении с московским пожаром, ущерб был невелик. К тому же Огюст де Мормон, маршал Франции и уполномоченный по защите столицы, в тот же день начал переговоры и подписал перемирие, вступавшее в силу со следующего дня. Наполеон ушел с политической арены.

1 апреля 1814 года по предложению Шарля Мориса де Талейрана Генеральный совет департамента Сены провозгласил реставрацию Людовика XVIII, внука Людовика XV и младшего брата Людовика XVI, который пробыл в изгнании 23 года. В этот же день интендант Бейль узнал, что он лишен денежного довольствия. 3 апреля сенат объявил о низложении императора. 6 апреля император сделал заявление о своем безоговорочном отречении.

7 апреля бывший интендант Бейль «поспешно выразил согласие со всеми актами сената, принятыми начиная с 1 апреля». Он никогда не скрывал своей враждебности по отношению к Бурбонам, но теперь пытался сохранить свои прерогативы или, в случае невозможности, хотя бы быть занесенным в «Королевский альманах» как почетный инспектор движимого имущества Короны. Заодно он предпринял все необходимые шаги, чтобы получить должность в Италии. Он не одинок в этих своих хлопотах: «Великие и малые бросились на защиту своих интересов, не заботясь о том, что о них подумают».

Теперь он лишился помощи Пьера и Марсиала Дарю — те были слишком заметными сторонниками павшего имперского режима. Других нужных связей у Анри было слишком мало, так что он вынужден был выпутываться из трудного положения сам. Вакантных мест не хватало, тем более что «тридцать тысяч дворян, которые никогда ничего не умели делать, возвращаются сюда со всех сторон, чтобы теперь потребовать себе всего и сразу». Не видя для себя никакой ясной перспективы, предчувствуя неудачи, к которым он не привык, Анри потребовал у дяди свою часть дедушкиного наследства и решил продать дом, который был передан ему во владение Шерубеном.

Договор, подписанный в Фонтенбло, сохранил за Наполеоном его

титул, и 28 апреля 1814 года бывший император отплыл под надежной охраной на остров Эльба. 3 мая Людовик XVIII въехал в Париж: так Бурбоны были восстановлены на троне — это было начало Первой реставрации.

Анри занялся публикацией в издательстве Пьера Дидо эссе, над которыми работал уже десять лет, — «Жизнеописание Гайдна, Моцарта и Метастазия». Одновременно он наслаждается чтением книги Бенжамена Констан «О духе завоеваний и узурпации и его значении в европейской цивилизации».

При всей неопределенности своего положения отставной чиновник Бейль все еще способен на сильные чувства: «Я побывал в театре на „Севильском цирюльнике“, где играла м-ль Марс. Рядом со мной сидел молодой русский офицер, адъютант генерала Вайсикова (что-то вроде этого) <...> Этот любезный офицер, если бы я был на месте его женщины, вызвал бы в моей душе самую сильную страсть — страсть, достойную Гермiony. Я уже чувствовал ее зарождение, я даже оробел. Я не осмеливался бросать на него взгляды так часто, как мне бы хотелось. Если бы я был его женщиной, я бы последовал за ним на край света. Как не похож на француза этот мой офицер! Сколько в нем естественности и деликатности! Если бы какая-нибудь женщина произвела на меня такое впечатление, я провел бы ночь в поисках ее жилища. Увы! Даже графиня Симонетта лишь иногда вызывала во мне нечто подобное такому чувству». Его «бейлизм» не признает никаких моральных ограничений, когда речь идет о восхищении красотой. С этой опасной точки зрения, как и со всех других, он поражает своей созвучностью нашему времени.

3 июля он сменил свою квартиру на улице Нев-дю-Люксембург на скромную меблированную комнату в доме 27 по улице Мэль. Не имея ни должности, ни определенных занятий, весь в долгах, он принимает решение уехать в Милан: «...Сегодня оставаться жить здесь в полунищете для меня невыносимо — тем более что своим образом жизни я связан в основном с богатыми людьми». На что он мог надеяться в теперешней Франции, где оказался лишенным всяких прав? 20 июля 1814 года изгой покидает Париж. Военная карьера Анри Бейля осталась в прошлом. Ему исполнился 31 год.

МИЛАНСКИЕ ГОДЫ. 1814–1821

Любовь умирает, но не сдается

Развал империи под ударами европейской коалиции, падение «Орла» и возвращение на родину старой аристократии стали препятствием на пути парижских карьерных амбиций Анри Бейля. Зная цену мундирному тщеславию, устав от светского общества, «от должности аудитора и назойливой глупости сильных мира сего», он попытался устроить свои дела по другую сторону границы и как-то найти свое место в менявшемся мире. Он рассчитывал, как и некоторые другие, на предполагаемый перевод по службе в Неаполь своего старинного товарища по Центральной школе Гренобля Жана Антуана Плана, который мог бы оказать ему протекцию.

В ожидании благоприятных жизненных перемен Анри занялся устройством сердечных дел. Сделав краткую остановку на севере департамента Изер, в шато Тюэллен, где жила Полина с мужем Франсуа Даниэлем Перье-Лагранжем, он прибыл в Милан 10 августа 1814 года. Сдержанный прием со стороны Анжелы Пьетрагруа сразу охладил его порывы. Под предлогом явных антифранцузских настроений, вызванных возвращением австрийцев в Ломбардию, и ссылаясь на нежелание компрометировать себя общением с ним, она сразу же отдаляет его от себя. С какой стати тратить время на бывшего имперского чиновника со слабым здоровьем, без состояния и, судя по всему, без будущего? Анжела Пьетрагруа не останется без поклонников. Анри не заблуждается насчет причины этого охлаждения: «Я не могу поверить в ненависть, которую здесь вызывает француз, поскольку меня все принимают очень вежливо и только ей якобы говорят об этой ненависти. Так что я вполне могу подозревать ее в ее собственном непостоянстве...» Но он покорно принимает это вынужденное изгнание. С 29 августа по 13 октября 1814 года он ездит по Италии — весь в муках ревности: перед отъездом он предложил своей любовнице пожить с ним в Венеции или любом другом городе на ее выбор, но она уклонилась от ответа. Хотя он и осознает неминуемость своего поражения, Анжела остается постоянным предметом его мыслей. Анри не из тех, кто сдается, не попытавшись дать последнего сражения.

Он побывал в Генуе, но не нашел в ней ничего живописного; затем отплыл в Ливорно на судне водоизмещением 70 тонн, при сильном ветре,

— путешествие морем заняло у него 45 часов. Оказалось, что он совершенно не подвержен морской болезни, и это плавание открыло ему «простой и экономный способ посещать большие города». Не найдя ничего примечательного в этом городе, окруженном крепостными валами, — в нем не было даже оперы! — он в скором времени отправился в Пизу и прибыл туда под проливным дождем. Старинные картины в часовне Кампо-Санто он нашел «неприятными» — ему понравилась только одна мадонна, написанная с большим мастерством: «Ее красота вполне современная, узнаваемая; живо ощущаешь, как упруга может быть кожа этих очаровательных щек под поцелуем».

23 сентября извозчик доставил Анри во Флоренцию. Арно почти пересохла, но празднества, устроенные в честь возвращения великого герцога Тосканы Фердинанда III, были настолько пышны, что только ради них стоило сюда приехать. Анри опять пустился в культурное паломничество, посетил литературный кабинет Молини, где перечитал «Жака-фаталиста», — эта книга еще в 1805 году оказала «самое благотворное влияние» на его ум. Он колеблется: посетить ли еще Рим или сократить свое путешествие? Затем он провел два дня в Болонье и несколько часов в Парме — посмотрел в ней все картины Корреджо, да и вообще «почти все картины в этих двух городах».

Анри вернулся в Милан 13 октября и сразу предоставил себя в распоряжение Анжелы. Эта встреча разочаровала его так же, как и предыдущие. Она обращалась к нему на «вы» и объявила о разрыве их отношений под фальшивым предлогом: потому якобы, что он 15 дней ей не писал! И в то же время она назначила ему встречу на завтра... Таким образом, он был отвергнут лишь наполовину, но при этом, не позволяя себе впасть в безосновательный оптимизм, даже подумывал о том, чтобы «покончить с собой, как какой-нибудь простофиля, выстрелом из пистолета». Эти бесконечные перепады ее отношения к нему привели Анри с его чувствительной душой в состояние полной растерянности. Он понимает, что только усиленная работа может помочь ему преодолеть эту полосу огорчений. Он прилежно читает Дестута де Траси, возмущается монархической угодливостью Фенелона, совершает «ритуальное турне» по ложам Ла Скала и внимательно следит за происходящим в мире — это несмотря на то, что решил искоренить в себе всякую политическую мысль: «Я презираю как тех, кем управляют, так и тех, кто управляет. И последний, на кого падает мой взгляд, кажется мне самым омерзительным».

Его письменное общение с Полиной в основном сводится теперь к тысяче разных поручений: посылка ему коробочек с ароматическими

пастилками, что необходимо ему для общения с дамами миланского света; отправка бесчисленных ящиков и баулов с книгами; просьбы о переводных векселях, выплаты по различным доверенностям... Не говоря уже о том, что он постоянно напоминает, чтобы она сделала все возможное для ускорения продажи дома, — хотя это мероприятие лишит ее наследства. Шерубен всеми силами восстает против этой продажи и обвиняет сына в намерении их разорить.

Анри постоянно озабочен денежными проблемами, его настроения зависят от капризов его любовницы, но литературные занятия все же поддерживают его в бодром состоянии духа: он упорно работает над своей «Историей итальянской живописи». Начинающий литератор записывает: «С 13 октября — это день моего приезда — и по сей день, 18 декабря, я упорно работаю, будучи несчастлив в любви. Начиная с середины ноября — исключительно над стилем».

1814 год закончился для Анри известием о смерти Александрины Дарю, случившейся 26 декабря в результате родов, которые, однако, прошли без осложнений. Из письма, которым кузен Дарю сообщил ему об этой трагедии, явно видно, что пресловутая стойкость Пьера сменилась на сей раз бездонным отчаянием: «Ее здравый ум, ровный характер, нежные чувства — все это ушло навсегда. Вы ее больше не увидите по возвращении в Париж. Вы застанете всю семью в слезах и одинокого отца, оставшегося с семьей детьми. <...> Обнимаю Вас, но сердце мое полно боли». Анри умалчивает об этой драме в своем «Журнале», зато там проскальзывает намек об исчезновении с его горизонта некой мадемуазель Рокур. Он поделился своей печалью только с Полиной: «Ах! Мой дорогой друг, какую печальную новость я узнал из газеты, которую мне доставляют! Смерть мадам Дарю. После тебя она была моим лучшим другом в этом мире. Я не могу больше писать. До свидания. *О боги, Ахилл умер, а Терсит еще дышит!*» Жизнь нанесла ему еще один удар.

28 января 1815 года в Париже вышла его книга «Жизнеописание Гайдна, Моцарта и Метастазии», и это на короткое время его подбодрило.

Первая книга, первый плагиат

Если музыкальный вкус Анри, бесспорно, развивался с годами — «имея счастье бывать в Ла Скала <...> я, можно сказать, стал знатоком музыки», — то его познания в истории музыки были близки к нулю. Более того, он и сам прекрасно это осознавал. Опубликовав под осторожным

псевдонимом Луи Александр Сезар Бомбе «Жизнеописание Гайдна, Моцарта и Метастазии», Анри Бейль официально вошел в литературу, — но вошел... плагиатом. Этот факт, возможно, остался бы незамеченным, если бы эта публикация не привлекла внимания итальянского литератора и музыковеда Джузеппе Карпани — он сам был автором эссе о Гайдне, которое вышло в 1812 году. Итальянец решил публично обратиться к своему «двойнику» через «Газетта ди Милано». Его отповедь была красноречива: «Я не имею чести Вас знать и никогда не имел бы впредь, если бы Вас не посетило желание, как Вы выражаетесь, стать автором: Вы издали в 1814 году у Дидо на французском языке записки о знаменитом композиторе Гайдне. Мой книготорговец, как только получил эти записки, украшенные Вашим почтенным именем, сразу предоставил их мне. Гайдн, изящные искусства, беллетристика, Париж! Какое счастье! В нетерпении открываю я книгу и вижу, что *Ваши* записки на самом деле — *мои*, мои „Haydine“, опубликованные два года назад у Бучинелли в Милане и принятые благосклонно итальянской и французской публикой, — Вы лишь перевели их на французский язык!»

Для итальянского музыковеда самое страшное заключалось даже не в том, что его материал украден, а в том, что он искажен: «...Укрыв у меня четыре пятых моей работы, Вы прибавили к ней пятую часть — Вашу собственную. Вы можете знать, что эта часть уж точно не принадлежит мне. Я Вам отвечу: оставьте ее себе. Во-первых, я не люблю присваивать чужие вещи. Во-вторых, она не стоит того, чтобы ее присвоить. Но я должен поблагодарить Вас за эту некорректность в Вашем переводе: в результате этих Ваших каверз получился несвязный текст, который сразу выдает подделку. <...> Я благодарен Вам за то, что Вы сами дали мне в руки средство защитить от Вас мое произведение, но вынужден пожаловаться на некоторые из Ваших приемов. Зачем Вы опустили некоторые пассажи из моего текста? Зачем Вы исказили некоторые другие — по невежеству или из хитрости? <...> Вы не удовольствовались тем, что украли мое дитя, — Вы вырвали ему глаза, отрезали уши и изуродовали тело. Пусть бы Вы хотя бы оставили его таким, каким нашли в колыбели!» Он завершает свой лапидарный памфлет так: «Проявите благодарность мне за мою терпимость — тем, что не отвечайте мне ничего. Этим Вы поможете мне подавить в себе чувства, которые обокраденные авторы в подобных случаях не стесняются выражать».

Оказавшись в неудобном положении, Анри Бейль все же решился ответить Карпани через прессу, не боясь пущенных в него стрел. Задетый за живое, он в свою очередь бросает адресату упреки: «Вопреки Вашему

утверждению, Вы не присутствовали в 1808 году в Вене на втором исполнении „Творения“ на итальянском языке. Тосканская поговорка гласит: осел повредил себе шкуру на колючках, а в данном случае — попался на уликах. Это о нас двоих. Вы сказали, что концерт проходил во дворце князя Лобковица и там присутствовало полторы тысячи человек. Вы, должно быть, спали с открытыми глазами, когда читали мои записки. Иначе почему Вы так плохо их поняли? Вы не увидели там, что концерт был дан не в упомянутом дворце, а в зале Университета, который в тот день действительно вместил полторы тысячи человек. Вся Вена может Вам это подтвердить. И я Вам не верю, что во дворце Лобковица можно найти зал, способный вместить более двухсот человек, — если не считать, конечно, его обширных конюшен. <...> Вы говорите также, что, когда „Времена года“ исполнялись в первый раз, Вы (то есть я) пошли к Гайдну, чтобы засвидетельствовать ему успех его музыки. А я говорю, что это Вам тоже приснилось. Гайдн сам дирижировал своими „Временами года“, так что он не нуждался ни в Вашем визите, ни в моем, чтобы иметь сведения о своем концерте. Прочтите меня повнимательнее — и Вы окажетесь ближе к правде».

Аргументов и конкретных примеров было приведено немало. И все же надо признать: когда Анри Бейль не переписывал оригинальный текст, он действительно присочинял то, чего не знал, и перемежал текст собственными рассуждениями, иногда даже не связанными с основным сюжетом. Его незнание основных музыкальных понятий очевидно, но его неспособность хитрить, чтобы скрыть это, тоже очевидна. Он не старается ловко объединить части чужой мозаики со своей. В этом случае речь идет о бесхитростном плагиате.

Джузеппе Карпани нанес ответный удар: «Я устал бить лежачего. Встаньте, если в Вас сохранилось немного любви к музыке. А если Вы мертвы для музыки, употребите оставшиеся Вам дни жизни на что-нибудь другое, вместо того чтобы красть чужие книги и выдавать себя за их автора». Он настаивал на своей правоте с тем большим основанием, что самые знаменитые музыканты уже подписали декларацию, в которой подтверждали факт плагиата, — Антонио Сальери, главный маэстро Капеллы императорского и королевского двора Вены, Джузеппе Вейль — музыкант императорских и королевских театров Вены, Карло Фребер — музыкант императорской и королевской капеллы, Марианна фон Курцбек — ученица и друг композитора Гайдна. Итак, биограф Луи Александр Сезар Бомбе перестал существовать как автор.

Эта полемика, однако, вновь ожила 26 мая 1816 года в «Ле

Конститусьонель»: «Записки о Гайдне, которые все любители симфонической музыки уже прочли и оценили, шесть месяцев назад стали предметом забавной рекламации со стороны г-на Карпани из Милана. Он утверждает, что г-н Сезар Бомбе является не их автором, а лишь переводчиком. Г-н Бомбе в свою очередь адресует своему сопернику обвинение в плагиате. Мы испытываем затруднения в столь серьезной ситуации: пробные камни в ней полностью отсутствуют. В любом случае, эта работа заслуживала быть переведенной на французский язык, если написана на итальянском, или быть переведенной на итальянский, если была написана на французском. Книга г-на Бомбе, подлинник или подделка, продается в Париже, у Дидо, улица Пон-де-Лоди».

Джузеппе Карпани ответил на эту публикацию в номере от 20 августа. Анри, при поддержке своего друга Луи Крозе, решил выдать себя за брата г-на Бомбе и попытался покончить с этой дискуссией в заметке, не лишенной юмора, которая была напечатана в том же «Ле Конститусьонель» 1 октября 1816 года: «Я хотел бы, чтобы г-н Карпани нам сообщил, имеет ли он право на авторство тех вопросов, которые г-н Бомбе поднял первый: о подлинных источниках того удовольствия, которое нам доставляет искусство, и особенно музыка; принадлежат ли ему интересные суждения о великих композиторах, которые нам излагает г-н Бомбе. Я просил бы г-на Карпани признаться, являлось ли его произведение образцом этого изящного стиля, полного чувствительности, но без аффектации, имеющего в себе даже нечто пикантное, — что и является, возможно, главной заслугой творения г-на Бомбе. Но я замечаю, что в свою очередь тоже краду кое-что у г-на Карпани, — я впадаю в его тяжеловесный и скучный тон. Г-н Бомбе, мой старший брат, не терпит этого принятого ныне стиля, но не поостерегся скрыть особенности собственного стиля от г-на Карпани. Теперь он, конечно, будет упрекать меня за то, что я взял на себя смелость докучать таким образом публике от его имени».

30 октября Джузеппе Карпани, испуская громкие крики, восстал уже против этого новорожденного Бомбе, требуя признания за собой и «отцовства» для двух сотен страниц из двухсот восьмидесяти семи данного плагиата. Позднее историки и критики возьмутся определить, какая часть биографии Моцарта принадлежит Винклеру, а какая — Крамеру, а также какова доля Джузеппе Баретти в биографии оперного либреттиста Метастазиио. Но «Жизнеописание Гайдна, Моцарта и Метастазиио» более не будет подвергаться критике при жизни их автора — «Сезара Бомбе».

Милан — мертвая равнина

Устав от уединенной жизни на острове Эльба, не в силах смириться со своей судьбой, Наполеон высадился в Гольф-Жуане 1 марта 1815 года и направился маршем на Париж; на каждом из этапов марша к нему присоединялись части королевской армии. Непопулярность Бурбонов во Франции росла, и многие рассчитывали на возрождение революционных настроений в народе. Через 18 дней Людовик XVIII, напуганный «полетом Орла», спешно покинул Париж. Таким образом, утром 20 марта Франция проснулась без правительства. Наполеон занял дворец Тюильри, не встретив никакого сопротивления. Изгнанный из Европы коалицией союзников, которая отказывалась от каких бы то ни было переговоров с ним, Наполеон вынужден был атаковать первым. Анри Бейль высказался по этому поводу определенно: «Появление императора на десять лет ускорило созревание Франции. В этом смысле ей повезло. Оно уберегло Францию от небольшой потери крови и большого морального скотства».

Этот внезапный зигзаг истории не меняет, однако, жизненных планов нашего «миланца»: дав такую оценку наполеоновским «Ста дням», он сам не собирается возвращаться в Париж. Да и под каким предлогом он мог бы поехать туда? И главное — на какие средства, если с каждым разом он вынужден перебираться на этаж выше в своем жилище по причине облегчения своего кошелька? «Я вернусь, только если узурпатор назначит мне жалованье. Он этого не сделает, а я не буду просить. Так что я остаюсь. После смерти мадам Дарю меня ничто не влечет в Париж». Он даже подписывает свое письмо Полине «Дон Флегма».

30 мая его сестра Зинаида вышла замуж за его друга Александра Маллеина. Брат отреагировал на это единственным комментарием: «Я узнал, что мой отец дал Зинаиде 30 000 к свадьбе. Как он оправдается в глазах порядочных людей — ведь он третирует своего уже поседевшего старшего сына больше, чем одну из своих дочерей? Мой единственный источник дохода — дом. Но, похоже, интриги моего отца всем внушают страх, и никто не отваживается подать руку помощи отсутствующему бедняге». Его здоровье в очередной раз ухудшается, и ему снова делают несколько кровопусканий.

18 июня 1815 года в половине десятого вечера французская армия потерпела окончательное поражение в битве при Ватерлоо. Армия упорядоченно отступила; армии коалиции против «узурпатора» перешли французскую границу. 22 июня Наполеон, вновь побежденный, подписал

второй акт о своем отречении и выехал из столицы в Рошфор. Его обращение к английскому правительству с просьбой об убежище имело следствием его высылку на остров Святой Елены. 3 июля войска Веллингтона и Блюхера заняли Париж, была подписана капитуляция. Анри узнал об этом «в печальной падуанской дыре», где он встретился с Анжелой, и отметил по этому историческому поводу: «...все потеряно, даже честь». Его ненависть к королевской власти остается неизменной, хотя он, конечно, не отказался бы от хорошей должности и при режиме Людовика XVIII.

Когда Людовик вновь занял трон — так началась Вторая реставрация Бурбонов, — Анри в это самое время открыл для себя прелести «жизни по-венециански, с женщинами в кафе и светской жизнью до двух часов утра». Он надеется в скором времени с приятностью пожить в Венеции вместе со своей любовницей, но не может не выразить и свою политическую позицию: «Партия мракобесов торжествует». И немного позже: «Конец династии Бурбонов был бы очень полезен Франции». Того же мнения был и парнишка-сапожник Этьен Лувель, когда пятью годами позже попытался положить конец правящей династии.

22 июля Анри приехал в Венецию один — падая от усталости, раздраженный. Он снял комнату в отеле «Реджина Ингильтерра», считавшемся одним из лучших в городе, — по той причине, вероятно, что в нем не было ножа для очинки перьев. Он открывает для себя красоту этого города дождей, его кафе, салоны, свободу нравов: «По нынешнему времени это самый веселый город в Европе. Легкость, с которой здесь можно завести знакомство, просто поразительна. Сядишься рядом с женщиной, завязываешь разговор без всяких церемоний, повторяешь эту процедуру три-четыре раза. Если вы друг другу нравитесь — идешь к ней в гости. Через пару недель, в первый же раз оказавшись с ней в гондоле, ты ее имеешь». Теперь счастье для него сводится к возможности «бродить одному по большому городу, а вечера проводить в обществе хорошей любовницы». Чтобы вполне достичь его, он изо всех сил уповает на приезд Анжелы. Впрочем, в любом случае жизнь в Венеции более всего соответствует его темпераменту. Он серьезно подумывает о том, чтобы остаться здесь жить — тем более что его страсть к перемене мест поуменилась: «Новизна уже не захватывает меня всего, как раньше». Это и понятно: в постоянных переездах нельзя всерьез заниматься литературной работой. Участие в наполеоновских кампаниях также охладило его: «То грязное обличье, в котором предстает человечество в тяжелых ситуациях — к примеру, то, что я видел в России, — отвратило

меня от путешествий хоть сколько-нибудь опасных. Никакой Америки, в крайнем случае — Константинополь. В Италии я не видел только Феррару. Могу посмотреть Швейцарию — когда-нибудь, по дороге в Париж. Из того, что более значительно, я не бывал только в Англии. Но я не стремлюсь в эту страну пуритан». Одно он знает точно: во Францию он вернется нескоро — «это страна без свободы и без славы».

Когда Анри в августе вернулся в Милан, их разрыв с Анжелой стал очевидным. После краткого примирения произошло неизбежное: «Любовь была убита 15 октября 1815 года». Подавленный, он ищет прибежища в упорной работе над своей «Историей итальянской живописи» — невзирая на состояние здоровья. 1 декабря любовники расстались окончательно.

В январе 1816 года в Архиепископстве была организована выставка итальянских картин, реквизированных ранее Францией и возвращенных Италии после поражения при Ватерлоо. Эта выставка доставила Анри Бейлю краткое удовольствие между двумя кровопусканиями. Он страдает от удушья и полнокровия.

23 февраля он закончил свою «Историю итальянской живописи». Он перечитывает эссе по теории эстетики Ричарда Пейна Найта — «чтобы насобирать еще чего-нибудь». Луи Крозе, который взял на себя перечитывание рукописи друга и связь с издателем, отнесся к этой его работе с воодушевлением: «Твои замечания весьма остры: они даже не колют — они кусают. Это хорошо для тебя и для меня, и это плохо для толпы — она жестока и опасна по отношению к тому, кто возвышается над ней».

8 марта Анри прошел процедуру кровопускания в пятнадцатый раз со времени своего приезда в Италию. Из-за сильного сердцебиения он чувствует себя так плохо, что на следующий день даже записал в дневнике: «I thought of death this morning» («Сегодня утром я думал о смерти»). От этих горестей его отвлек Шекспир.

5 апреля, очевидно, желая привести в порядок свои денежные дела, он ненадолго возвратился в Гренобль.

От Гренобля до Лондона

Не пробыв с родными и десяти дней, Анри поставил ребром вопрос о финансовом состоянии семьи. И тут с ужасом узнал, что Шерубен находится на грани разорения и что его долги составляют от ста пятидесяти до двухсот тысяч франков. Анри убеждает сестер и зятьев помочь отцу

решиться на продажу дома: «Каким бы ни был результат этой продажи, это наше единственное и последнее средство. Нам не придется упрекать себя за то, что мы убедили отца воспользоваться последним, что нам остается. Наша беда в том, что из-за того уважения, которое он всем внушает, ему никто не может сказать печальной правды о его денежных делах, а мы ее слышим со всех сторон». Положение семьи было настолько серьезным, что он нигде даже не упомянул о роспуске Политехнической школы, объявленном 13 апреля, причиной роспуска было то, что учащиеся школы приняли сторону императора во время его «Ста дней». Может быть, до Анри дошли лишь смутные слухи об этом? Зато он лично присутствовал при революционных событиях, начавшихся в его родном городе 4 мая. Бывший эмигрант Поль Дидье составил заговор с целью свержения режима Людовика XVIII — ему удалось организовать четыре-пять сотен восставших. На улицах города произошли ожесточенные столкновения. Репрессии последовали немедленно: Гренобль был объявлен на осадном положении, приговоры посыпались как из рога изобилия. Главарь заговора был арестован в Савойе 13 мая и гильотинирован 10 июня. Шерубен благоразумно успел подать в отставку — без всяких объяснений — за несколько часов до начала этих событий.

Через восемь дней после казни Дидье Анри собрал свой багаж, но нигде в своих дневниках он не упоминает о гренобльском восстании. Между тем он был непосредственным его свидетелем. Был ли он до такой степени озабочен семейными делами и собственным здоровьем?

Едва вернувшись в Милан, он спешно консультируется у доктора. Ему 33 года, а весит он 94 килограмма и страдает от перемежающейся лихорадки, повышенного потоотделения, обмороков, онемения левой стороны тела, приливов крови и головных болей. На тот момент явных признаков сифилитического поражения организма нет, но он очень слаб и опасается самого худшего: «Когда я страдаю нервным расстройством, дрожью, тяжестью в левой стороне тела, — я боюсь смерти; тогда я обращаю внимание даже на возраст литераторов, о жизни которых читаю. Но в более здоровом состоянии я презираю смерть». И тогда он вновь жалеет, что не влюблен. Впрочем, одиночество не мешает ему прийти к заключению, что разрыв с Анжелой — гораздо большая потеря для нее, чем для него: «Мадам де Сталь права: в светском обществе только глупцы бывают хитрецами».

Анри часто бывает в Ла Скала, и это дает ему возможность встречаться — в ложе капеллана Эжена де Богарне Лодовико ди Бремо — с либеральным «всем Миланом» и его многочисленными сочувствующими;

среди них — английский поэт лорд Байрон «с очаровательным профилем ангела» и политический деятель Джон Кэм Хобхаус. «Они просветили меня, и тот день, когда они дали мне возможность почитать „Эдинбург ревью“, стал великим днем в истории моего разума...» — признавался он своему другу Луи Крозе. Анри утверждает: «Байрон, Байрон — это имя должно звучать громко. „Эдинбург ревью“ ставит его на второе место после Шекспира по силе передачи страстей». Анри Бейль открыл для себя периодику — и это стало своеобразным переворотом в его сознании. Этот переворот даже помог ему легче перенести резкий ответ военного министра на его неоднократные просьбы о выплате ему жалованья хотя бы в половинном размере. Этот ответ звучал категорично: «Прежде чем вынести решение, необходимо, чтобы Вы представили мне достоверные сведения, какой деятельностью Вы были заняты с 1 апреля 1814 года и что Вы делали в отсутствие короля в течение 1815 года».

8 декабря Анри приехал в Рим, чтобы изучить как следует «Страшный суд» Микеланджело и составить жизнеописание художника — нечто вроде приложения к своей «Истории итальянской живописи». Он дописывал его в Неаполе, где жил около месяца начиная с 28 января, а затем вернулся в Милан 4 марта 1817 года.

13 апреля он навестил в Гренобле сестру: ее муж Франсуа Даниэль Перье-Лагранж умер 14 декабря 1816 года. После краткой остановки в Планси-сюр-Об у Луи Крозе он направился в Париж, чтобы передать последнюю правку своей рукописи Пьеру Дидо. Он договорился с издателем Адриеном Эгроном, располагавшимся на улице Нуайе, 37, о публикации своей книги «Рим, Неаполь и Флоренция в 1817 году», которую только что закончил. Затем, чтобы немного развлечься в ожидании публикации двух своих творений, он отплыл в Лондон и прибыл туда 3 августа 1817 года.

Анри остановился в отеле «Тэвисток» в Ковент-Гардене в компании с Жаном Жозефом Мари Шмитом ван Дорселаэром — бывшим чиновником Министерства полиции времен империи, ставшим политическим интриганом и шпионом, и Эдуардом Эдвардсом — комиссаром английской оккупационной армии герцога Веллингтона. Он осматривает город вместе со своими новыми знакомыми. Конечно, собор Святого Павла внутри — «сухая клоака в сравнении со Святым Петром», но бродить по лондонским улицам — настоящее удовольствие. От двух английских мадемуазелей он узнал, что содержат в себе «большие стеклянные стаканы с чем-то желтым, желеобразным, приятным на вид и недорогим», которое так заинтересовало его в каком-то кафе: «Это было „djelee de piai de voo“. Конечно, никогда

французские девицы не заговорили бы с двумя мужчинами, тем более по вопросам гастрономическим». В конечном счете «страна пуритан» оказалась не лишенной приятности. Он славно проводит время в музеях, обедает в «Бифстик-хаус», посещает библиотеки и спектакли в опере и театре «Сюррей» — и с удивлением подмечает, что женщины, обычно одетые очень скромно, «странно декольтированы на спектаклях и в обществе». В Париж он возвращается очарованный Англией.

Откуда взялся Стендаль

2 августа 1817 года «Журналь де ла либрери» сообщил о выходе из печати «Истории итальянской живописи» в двух томах автора Г. Б. Б. А. — «господина Бейля, бывшего аудитора». 13 сентября «Библиографи де ла Франс» сообщил о публикации книги «Рим, Неаполь и Флоренция в 1817 году» г-на Стендаля, кавалерийского офицера. Вернувшись из Англии, Анри Бейль получил возможность взять в руки обе свои книги.

Над первой из этих книг, на две трети состоящей из плагиата, он работал в течение двух лет по четыре-шесть часов в день; в ней он излагал, вперемешку с чужими мыслями, свои соображения об искусстве, истории, эстетике и политике: «Я действительно создал свой собственный стиль. Большую часть времени, которое я проводил, слушая музыку „Alla Scala“, я употреблял и на то, чтобы примирить Фенелона и Монтескье, которые поделили между собой мое сердце». Поскольку он опирался в своей работе не столько на оригиналы картин, сколько на гравюры, он не исключает возможности написать еще два тома на ту же тему.

Для второй книги — «Рим, Неаполь и Флоренция в 1817 году» — Анри Бейль впервые использовал псевдоним «Стендаль». Он позаимствовал его у небольшого города Стендаль в прусской Саксонии — родины искусствоведа Иоганна Иоахима Винкельманна: Анри действительно бывал там в 1806 году. Эта книга была построена главным образом на личных впечатлениях; если добавить к этому еще оригинальность композиции, легкость стиля, оживленного огнем импровизации, то становится понятным, что она стала первым действительно авторским произведением — так необычный псевдоним «Стендаль» ознаменовал собой первую настоящую удачу автора.

Уладив текущие дела и поручив Луи де Барралю рассылку своих книг адресатам, начинающий писатель счел, что не имеет более причин оставаться в Париже. За время своего пребывания в нем он возобновил

отношения с бароном Адольфом де Марестом — со временем барон станет его ближайшим доверенным другом. Еще Анри познакомился с Жозефом Линге — секретарем министра полиции Эли Деказеса и активным сотрудником «Журналь де деба». 6 сентября он встретился с философом Антуаном Луи Клодом Дестутом де Траси, и тот подарил ему свой «Комментарий» на «Дух законов» Монтескье — в благодарность за его «Историю итальянской живописи». Пора было пускаться в обратную дорогу: «В Париже я приятно существую на поверхности жизни. Но как только я хочу углубиться — наталкиваюсь на бедный и сухой слой. В Милане, наоборот, я живу на скучноватой поверхности — из-за недостатка внешней жизни, но, стоит мне захотеть углубиться — не знаю, иллюзия это или реальность, — я обретаю ощущения самые блистательные, самые страстные, лишенные какого бы то ни было налета скуки».

Анри прибыл в Милан 21 ноября 1817 года вместе с сестрой Полиной: он хотел на несколько месяцев вырвать ее из провинции и печали траура по мужу. Он нашел ей жилье отдельно от себя, снял ей ложу в Ла Скала, а сам занялся литературой в тот самый момент, «когда романтики давали решительный бой классикам». Он объявляет себя сторонником «Эдинбург ревью» — то есть романтиков. 26 ноября он приступил к своей «Жизни Наполеона».

Счастливой любви не бывает

В Милане Анри не мог держаться в стороне от политических проблем и принялся на все лады костить ультраправых: «Я не скрываю, что я — скотина либерал, вот так». Он активно участвует в битве за романтизм и успевает «вечерами с семи часов до полуночи послушать музыку и посмотреть два балета». Настоящей его страстью, однако, стала Матильда Дембовски: его познакомили с ней 4 марта 1818 года — и он тут же страстно в нее влюбился. Анри всегда придавал огромное значение чувствам в жизни человека. Он убежден: бедность чувств — самое большое несчастье. И только изнеженный современный человек может видеть в них опасность для себя. В тот же день Анри записал в дневнике: «Великая опасность для цивилизации — это отсутствие в ней опасности. Достаточно посмотреть на Париж»...

Матильда (урожденная Висконсини, родилась в 1790 году) в 17 лет вышла замуж за польского офицера Яна Дембовского, но вскоре покинула его, не вынеся его раздражительного и грубого характера. Метильда (так ее

называл Анри) сразу установила дистанцию между ним и собой — ее не смягчило даже его нескрываемое обожание. Прошло лишь несколько недель со времени их первой встречи, а она уже старалась отдалить его от себя. Анри записал в своем «Журнале»: «29 марта он получил чувствительный удар в самое сердце — этот удар подтвердил то, в отношении чего он бывает так робок. М[атильда] проявляла к нему благосклонность; казалось, ее душа стремится к его душе. И вдруг ее слуга дважды отвечал ему, что ее нет дома. Он увидел ее сегодня, но она не дала себе труда проявить хотя бы любезность — сказать, что давно его не видела. Разговор тянулся скучно. Вместо того чтобы встречаться с ней каждые три дня, ему разрешено увидеться с ней только в воскресенье. Эта встреча накрыла траурной вуалью весь день». Любовь Анри останется неразделенной, и рана от этого в нем никогда так и не заживет.

Тем временем в Милане, этой республике искусств и любви, складывалась нестерпимая для Анри Бейля политическая ситуация — впрочем, как и во всей Италии. «Вопли дворянства и священников — этих врагов цивилизации — оказали сильное влияние в Австрии на умы богатых и пресыщенных буржуа, а в Милане они составляют основное население города. Исходя из понятий честности и справедливости, по-немецки глупых, г[убернатор] задумал навязать блестящей Италии патриархальные законы, созданные для тяжеловесных обитателей Дуная».

Чтобы ускорить внедрение в жизнь этих законов, были возвращены трибуналы, а итальянские судьи устранены. Народ роптал, зрели заговоры, страна кишела шпионами. Эта наэлектризованная атмосфера не могла не нравиться фрондерскому духу Анри, тем более что литературный мир также разрывали противоречия, и он присоединяется к тем, чьи идеи близки ему: «...Война между романтиками и классиками доходит в Милане до неистовства — прямо как между партиями „зеленых“ и „синих“. Каждую неделю выходит какая-нибудь злободневная брошюра. Я страстный романтик, то есть я за Шек[спира] против Расина и за лорда Байрона против Буало».

Когда он не сражается с противниками с пером в руке, он пишет очерки: «Что такое романтизм?», «Об опасностях итальянского языка», «Трудности грамматики», «О романтизме в изящных искусствах». «Три раза в неделю или даже больше» он проводит время «с одиннадцати вечера до двух часов ночи у мадам Елены Вигано, дочери известного балетного композитора», в светском кружке которой он принят. Здесь он опускает дворянскую частицу «де» перед своей фамилией — она не вяжется с его принадлежностью к клану либералов.

2 апреля Анри вместе с сестрой снова выехал в Гренобль через Турин и Шамбери — ради судебного процесса, касавшегося интересов Полины. 5 мая он уехал обратно «из этой ненавистой страны, которая пахнет убийством», на сей раз оставив свою несчастную сестру в Дофине. Брат с сестрой прожили вместе в Милане совсем недолго, но подобное никогда более не повторится: Анри кажется, что он слишком многим пожертвовал ради сестры. «Мадам Перье прилипла ко мне как устрица, возложив на меня вечную ответственность за ее судьбу. К тому же мадам Перье наделена всеми возможными добродетелями, здравомыслием и желанием мне только добра. Так что я вынужден был вступить с ней в ссору, чтобы освободиться от скучной устрицы, которая прилипла к днищу моего корабля и волей-неволей делала меня ответственным за ее будущее. Ужас!» Действительно ли они поссорились? Во всяком случае, их переписка заметно сокращается. Теперь Адольф де Марест, которому поручены связи с парижскими издателями Анри, а также выполнение его многочисленных книжных заказов, становится первым, с кем он делится своими размышлениями о политике и литературе.

В Милане Анри увлекся статьями в «Il Conciliatore», автором которых был один из главных провозвестников *романтизма* философ Эрмес Висконти. Он огорчен тем, что во Франции слишком мало интересуются этими литературными схватками: «Какая трагедия нам нужна — в духе „Ксифарес“ или в духе „Ричарда III“?.. Эх вы, французы, ваше внимание поглощено только политикой. Лет на сорок литература сбежала от вас в те страны, которые еще не имеют удовольствия лечить свой сифилис свинцовыми примочками двухпалатной системы. Когда Франция все же излечится — ее литература предстанет миру „мощной и прекрасной“ как никогда: все тот же Расин в королевской карете и г-н Шатобриан, доказывающий, что знал времена своего величия, — и тогда она обнаружит вокруг себя пустыню, лишенную читателей».

Однако в Италии своя беда: цензура свирепствует, газеты выходят редко — и Анри опять с горечью вынужден констатировать, что «вне Лондона и Парижа интересных разговоров нет. Есть свои величины — Канова, Россини, Вигано, но просвещение не распространяется». С кем бы он мог здесь разделить свое восхищение Гельвецием — «этим единственным французом, который умел мыслить»? Или Бентамом, «чья гениальность сродни Монтеスキе, только значительно усовершенствованному»? Или Констаном? И с кем поделиться отвращением, которое вызвала в нем книга мадам де Сталь «Рассуждения об основных событиях Французской революции»? Это «произведение

противоречивое и инфантильное; это коленопреклонение перед самым большим злом современного общества — аристократией». И с кем разделить презрение к Шатобриану? «Шатобриан — это даже не половина Менандра. Это четверть Бюрге». В Италии, находящейся под австрийским игом, светлый и требовательный ум Анри оказался в изоляции. Здесь много внимания уделяется музыке, но обмен мыслями происходит в основном в письмах, а не в живых беседах. Споры, которые вызывает теория, объединяющая либерализм и литературный модернизм (эту теорию исповедует окружение Лодовико ди Бремо), его не удовлетворяют.

Матильда продолжает держать Анри на расстоянии, вынуждает его бывать у нее все реже, и он решил предпринять в августе 1818 года недельную экскурсию «между двумя ответвлениями озера Комо» с адвокатом-либералом Джузеппе Висмара, которого числил тогда среди своих близких друзей: «Какое разнообразие и живость в наших занятиях и ощущениях на протяжении всего дня! Вот это и называется путешествовать». Затем он возобновляет посещения Ла Скала и кафе на площади Дуомо, но мысли его по-прежнему прикованы к той, которую он боготворит. Это отражается даже на любимом занятии — чтении: «Прочел Рене с приличной грустью — в мыслях о М[атильде]. Без этого я его не закончил бы».

Вот уже в течение целого года он с головой погружен в писательство, но при этом отчаянно страдает и не в состоянии обуздать свой темперамент. Когда в начале июня 1819 года Матильда отлучилась в Тоскану, чтобы навестить двух своих сыновей, живших в пансионе колледжа Сан-Микеле де Вольтерра, Анри не устоял против искушения последовать за ней. Он был уверен, что останется незамеченным, если водрузит на нос зеленые очки, сменит костюм и будет выходить в город только с наступлением темноты. Ему нужно было всего лишь видеть ее, знать, что она поблизости. Но его благоразумная стратегия лопнула сразу же, как только случай свел их лицом к лицу: его первым импульсом было снять свои зеленые очки... Это переполнило чашу терпения Матильды. В гневе она обвинила его в том, что он хочет ее скомпрометировать. Он старался оправдаться: «Ах, мадам! Легко быть умеренным и осторожным тому, кто не испытал всей силы любви. Я тоже сдерживаю себя, когда в состоянии прислушаться к самому себе. Но сейчас меня обуревают роковая страсть и я не владею своими поступками. Я клялся себе не следовать за Вами или, по крайней мере, не искать встреч с Вами и даже не писать Вам до Вашего возвращения, но сила, превосходящая всю мою решимость, повлекла меня вслед за Вами. Все мои соображения и интересы померкли

перед нею. Несчастливая потребность видеть Вас меня влечет, побеждает, уносит. Бывают мгновения в моих долгих одиноких вечерах, когда, если бы нужно было совершить убийство, чтобы Вас увидеть, — я бы стал убийцей. В моей жизни было лишь три страсти: мое честолюбие — в 1800–1811 годах, моя любовь к женщине, которая меня обманывала, — в 1811–1818 годах, а теперь — вот уже год — любовь к Вам, которая владеет мною и все возрастает».

Теперь Анри был вынужден покинуть место действия своего неудавшегося спектакля: он уехал во Флоренцию, а затем в Болонью до конца июля — при этом он забрасывает Матильду письмами в надежде исправить этим свою оплошность.

20 июня 1819 года в Гренобле умер его отец, и он должен был отправиться во Францию, как только получил известие об этом. Утрата родителя несколько его не опечалила — его обида на отца с годами не прошла, а лишь окрепла. В дороге он мечтает о предполагаемом приличном наследстве и вынашивает химерические прожекты.

Приехав 10 августа в Гренобль, он был вынужден спуститься с небес на землю: Шерубен оставил ему практически одни долги. «Все, что ненависть, самая глубокая, самая безжалостная и самая расчетливая, может воздвигнуть против сына, — все это я получил от моего отца». Когда права наследства были урегулированы и раздел имущества произошел (Анри предложил сестрам каждой по одной трети), ему досталась лишь малость. В другие времена он бы пережил это гораздо легче, но теперь ему трудно было выдержать такой удар судьбы. Жестоко разочарованный убогим наследством, удрученный медлительностью процедуры ликвидации, он без всякого настроения приехал в Париж: «18 сентября я превратился в скептика».

Должен ли он попытать счастья в Париже? Перипетии политической ситуации во Франции не вдохновляли его на это: «Наименее тоскливое, что можно было бы здесь иметь, — это тридцать часов в неделю работы в каком-нибудь бюро, но только в то время дня, которое меня больше всего бы устраивало». Поделившись этими мыслями с Адольфом де Марестом, он, однако, несколько не тешит себя иллюзиями: «Я уверен, что буду в Париже нежелателен, то есть несчастлив. Моя чрезмерная чувствительность всегда отравляла мне даже радостные моменты моей карьеры — как это было, например, при въезде в Берлин 26 октября 1806 года. К тому же Вам известно мое смертельное отвращение к ношению шелковых чулок — и я с каждым днем все дальше от желания появляться в них просителем в разных приемных».

11 сентября состоялись выборы в Законодательное собрание, и Анри Бейль отдал свой голос аббату Батисту Анри Грегуару, бывшему епископу и бывшему члену Конвента, поддержанному либеральной партией (его должность в Изере будет отменена палатой депутатов 6 декабря).

14 октября Анри отправился в почтовой карете обратно в Милан. Здесь его тоже вскоре постигнет огорчение: австрийская полиция запретит его любимый свободолюбивый «II Conciliatore». Да и прием, оказанный ему Матильдой, вызывает у него горькое ощущение «дежа вю»: «23-го, наконец, после стольких вздыханий — холодная встреча». Она позволяет ему являться с визитом не чаще одного раза в две недели и запрещает всякое упоминание о любви в их разговорах. Анри в последний раз попытался высказаться в свою защиту: «У меня несчастный характер — созданный для любви и восторга, поэтому мне недостает осторожности, даже в делах вполне прозаических», — но Матильда твердо стоит на своем, и ему остается лишь «тянуть часы, чтобы протянуть дни» — в ожидании намеченного визита.

29 декабря 1819 года вновь проявились слишком хорошо знакомые ему признаки венерического заболевания. Невзирая на болезнь, опальный возлюбленный принимается за литературную работу — начинает писать трактат «О любви». Как еще можно утолить свою неразделенную страсть? Только давая ей выход в теоретических рассуждениях. И вот на бумагу ложатся знаменательные строки: «Есть четыре вида любви: 1) любовь-страсть, как у португальской монахини, как у Элоизы и т. п. 2) любовь-развлечение — такую часто встречаешь в Париже; ее можно сравнить с картиной без теней — она ни под каким видом не должна быть омрачена неприятностями; 3) физическое удовольствие: когда, охотясь в лесу, встречаешь красивую свежую крестьянку и она убегает от тебя, мелькая между деревьями, — как это было в Фонтенбло в 1811 году; это знакомо всем: каким бы желчным и мрачным ни был характер, в шестнадцать лет все начинают с этого; 4) любовь-тщеславие — это как похвальба хорошей лошастью. Если однажды нам доведется испытать любовь-страсть, то любовь-развлечение, которая есть уменьшенное, ослабленное подобие первой, затем приходит к нам с легкостью».

В этом своем произведении Анри Бейль рассматривает страсть как болезнь, лихорадку: в ней есть «сначала заражение, затем кульминация болезни и, наконец, смерть или выздоровление» — она характеризуется «естественным ходом событий». Он развивает здесь свою знаменитую теорию «кристаллизации», вкладывая в это слово новый смысл: «Я изобрел новое слово. Я называю *кристаллизацией* этот процесс безумия, который

заставляет вас приписывать предмету вашей любви исключительные достоинства... В соляных копиях Зальцбурга можно бросить в глубину шахты голую веточку дерева — через два-три месяца она окажется вся покрыта сверкающими кристаллами соли. Самые крошечные отростки, не более лапки синицы, будут выглядеть как украшенные бесчисленными бриллиантами, ослепительными и переливающимися, — простую веточку будет не узнать. Я называю кристаллизацией подобную же операцию, которую проделывает наш мозг: он извлекает из всего окружающего доказательства все новых совершенств любимого человека». Впоследствии Анри Бейлю припишут намерение создать философский трактат, в данном случае — о физиологии.

11 января 1820 года, вопреки всякому ожиданию, военный министр утвердил за ним титул, необходимый для получения выплат, задержанных за период вынужденного неисполнения им служебных обязанностей. Вот только, уйдя с головой в перипетии своей любви, Анри раздумал возвращаться на родину — это означало бы надолго покинуть Милан. Он находит себе оправдание: «Все равно я никогда не буду жить во Франции. При виде французов меня бросает в дрожь от неудовольствия, отчуждения, нерасположения, презрения».

Убийство герцога дю Берри, заколотого у дверей Парижской оперы 13 февраля 1820 года Этьеном Лувелем, повлекло за собой падение правительства Деказеса и ознаменовало конец умеренного периода Второй реставрации. Ультраправые обвинили либералов в пособничестве убийце; Францию раздирают политические противоречия, правые приходят к власти: это означает возврат к чрезвычайным мерам — отмене личных свобод и установлению цензуры. Столь смутное время, само собой разумеется, противопоказано либеральному бунтарю-«бейлисту» — ему гораздо приятнее продолжать развлекаться на спектаклях и маскарадах столицы Ломбардии. В марте Анри посетил Болонью и Мантую. 21 мая он получил воспаление легких в результате «восхитительной лодочной прогулки по Тессену и По — чтобы полюбоваться садами Бельджиожозо». Вдобавок он узнал от одного врача, что страдает еще и подагрой, которая «воздействует прежде всего на желудок и уж затем — на голову». Все эти болезни не мешают ему, однако, увлеченно оттачивать стиль своего трактата «О любви», а в «Журнале» появилась запись: «Он пишет под влиянием того, что диктует ему собственная страсть. Вот что должен угадывать читатель. Поскольку все это — правда, то не надо слишком приглаживать».

Осознавая невозможность переломить ситуацию и признавая себя

побежденным, Анри в конце концов отказался от завоевания Матильды. В то самое время, когда в Париже молодые роялисты и либералы ожесточенно воевали друг против друга, он здесь, в Милане, не находя выхода избытку своих чувств, дописывал свой трактат «О любви» — это был первый вариант книги.

Конец партии — «горький уход»

4 июня специальным указом правительства во Франции были запрещены собрания. Три дня спустя Этьен Лувель был обезглавлен на Гревской площади. Тем не менее стычки и манифестации продолжались. «Я не отваживался писать Вам во время всех этих больших и малых волнений в Париже, потому что еще не знаю сам, что обо всем этом думать», — сообщал Анри Адольфу де Маресту. Могло ли это молчание быть следствием либерального восстания, имевшего место уже в Неаполитанском королевстве 2–9 июля? В конце того же месяца Анри обнаружил, что в миланском обществе он стал объектом тяжких подозрений: «Со мной случилось самое большое несчастье, какое только могло пасть на мою голову. Завистники — а кто их не имеет? — оказываются, распускали слухи, что я являюсь здесь агентом французского правительства. Это продолжается уже около шести месяцев. Я и раньше замечал, что некоторые избегают со мной здороваться, и плевал на это. Но вот уже и добрейший Плана написал мне нехорошее письмо, которое я пересылаю Вам. Я не в обиде на него. Но это ужасный удар! <...> Никогда эти простодушные миланцы не смогут правильно понять меня, то есть мой философский подход к жизни и еще то, что я на 5 тысяч франков в месяц могу жить здесь лучше, чем в Париже — на 12 тысяч. <...> Вот уже три месяца меня не допускают в один салон, потому что некая непримиримая персона заявила: „Если он там будет, некоторые оттуда уйдут“, впрочем, речь идет о людях, которые меня просто ненавидят. Я узнал об этом всего лишь два часа назад. Но это самый чувствительный удар, который я когда-либо получал в жизни».

Как разубедить миланских знакомых Анри? Даже его друг Луи Крозе признает, что ему «следовало бы прислушаться к советам своих друзей и не создавать себе соответствующей репутации, демонстрируя высокомерие и делая широкие жесты». Он не надеется, что отношения Анри с его миланскими знакомыми могут вернуться в нормальное русло, о чем пишет Адольфу де Маресту: «...Зло свершилось, и я не вижу, как мы можем его

исправить. Сам он не может ничего сделать, так как, стоит такому подозрению появиться, полностью опровергнуть его самому невозможно. Можно сто раз доказать ложность обвинения, но всегда найдутся те, кто продолжает опасаться, другие же будут распространять слухи из лукавства, и в любом случае враги обязательно этим воспользуются. <...> Его положение, состояние и образ жизни должны были вызвать подозрения, и это был бы, кстати, ловкий ход со стороны австрийской администрации — дискредитировать его в глазах либералов, с которыми он общался, несомненно, гораздо больше, чем с прочими».

Крозе уговаривает Мареста и Плана заставить их общего друга Анри прислушаться к голосу рассудка и убедить его как можно скорее покинуть Милан, но он знает, до какой степени «этот характер подвержен непостоянству в соединении с гордостью», и не может поручиться за его реакцию. Анри подтверждает его опасения: вместо отъезда он отвечает на враждебность окружающих тем, что приступает к написанию романтической трагедии «Графиня Савойская» и предается любимому времяпровождению меломана: «Четыре часа музыки каждый вечер мне необходимы — я не променяю их на м-ль Марс или Тальма». Возможно, удовольствие для него и заключается в том, чтобы его «воображение было постоянно занято», а чем — не имеет особого значения? В любом случае, он еще не готов примириться с Францией. Анри с жадностью предается чтению Шекспира: надо разумно использовать время, раз уж он изолирован от общества. Он записал в «Журнале»: «Талант Шекспира — больше всего того, что существовало до сих пор в драматическом жанре, но философия его века и знания были ограничены». Он полагает «Виндзорских насмешниц» и «Много шума из ничего» — скучными; дает высокую оценку «Генриху V» и «Как вам это понравится»; объявляет «Антония и Клеопатру» холодной пьесой и «Тимона» — справедливым, но тоже холодным. Заодно он возмущается Шлегелем, признается в своих антипатиях к «Вольтеру — в особенности и всегда, а также к мадам де Сталь и Бюффону» и дает объяснение своему растущему пренебрежению к стихам: «они менее точны, нежели проза».

Короче говоря, он задействует все свои литературные интересы, чтобы вырваться из пут любовного разочарования: «Воображение должно считаться с железными законами реальности. Чтобы излечиться от сильной страсти, беспечность большого света и жизнь в движении подходят гораздо больше, чем одиночество. Это еще более верно для излечения от ревности». Вот только «беспечность большого света» не годится как средство тому, кто изгнан из него как пария, — поэтому бодрость духа все

же покидает его и все становится безразличным: «Я стал совершенно безразличен даже к политике». И действительно — безразличен до такой степени, что не проявил интереса даже к неудавшемуся восстанию либералов в Париже 19 августа — «заговору Базара» — и аресту 138 заговорщиков: «Вчера говорили о большом заговоре в Париже. Мне п[левать]». Италией он тоже разочарован: «Либеральные газеты полны преувеличений относительно итальянского либерализма. На самом деле в Риме — сплошные священники, лакеи или сводники священников; аристократы глупы как пни; здесь нет ни капли либерализма». В других городах зреет революция, всех лихорадит, во многих областях — волнения, но в Милане, как и в Венеции, «все — либералы на словах, но не в своих чувствах». Анри Бейль становится все более сомнительным в глазах австрийцев, которые подозревают его в сочувствии «Карбонарии» — тайному обществу, основанному в 1815 году, настоящему оплоту либерализма. Анри удваивает осмотрительность в своей переписке, использует коды, чтобы обмануть бдительность цензуры.

25 сентября 1820 года Анри Бейль отослал рукопись «О любви» Адольфу де Маресту и с нетерпением ждал его отзыва. Страдая воспалением простаты, он на три недели слег в постель и трижды прошел процедуру кровопускания. Все нагоняет на него тоску — даже «театр „Ла Скала“ стал сплошной серостью, с тех пор как его покинули гениальные артисты». В моду входила лирическая декламация, а традиционная опера Чимарозы, Саккини, Паизиелло и им подобных композиторов, которая так вдохновляла его, более не соответствовала духу времени. Теперь почти всегда «давали» новых — Герольда или Мейербера. Меломан Анри считает, что эта новизна «гораздо более удовлетворяет искусству, чем нашему вкусу. Этим новая школа противоречит французскому вкусу, который предпочитает наслаждаться всеми признанным *прекрасным старым*, — теперь она уже начинает накладывать свой отпечаток и на итальянский вкус». При этом Россини, с которым Анри посчастливилось лично встречаться несколько раз, стал, по его мнению, слишком часто повторяться. Короче говоря, от его милой Италии осталось только название. Все, чем он увлекался, для чего жил, вдруг исчезло — так ему теперь кажется.

В начале 1821 года случилось ужасное: Анри узнал, что две красные тетради рукописи «О любви», посланные им де Маресту, не были получены адресатом и, по всей вероятности, затерялись. Сама судьба, казалось, восстала против него: «Я очень устал от этой своей „Любви“. Если придется восстанавливать рукопись по неразборчивым черновикам,

которые я забросил в мешок полгода назад, то легче умереть». Хватит ли у него сил заново выуживать свои идеи из вороха черновиков? Маловероятно. Эта неудача переполнила чашу его терпения, он совершенно пал духом. Годы спустя он вспомнит об этом грустном периоде: «В 1821 году я едва удержался от искушения пустить себе пулю в лоб. Я рисовал пистолет на полях плохой любовной драмы, которую тогда марал. <...> Мне кажется, что только политическое любопытство помешало мне покончить с собой; возможно также, что я бессознательно боялся боли».

На севере Италии, в Пьемонте, произошли волнения, спровоцированные либералами. Австрийская армия сумела восстановить режим абсолютизма, и началась охота на итальянских патриотов. По стране прокатилась волна невиданных дотоле репрессий. Джузеппе Висмара успел вовремя бежать, но был приговорен к смерти заочно.

1 апреля Анри наконец «созрел» — и написал Адольфу де Маресту: «Я думаю, дорогой друг, что принял самое трудное решение в своей жизни: вернуться в отель „Брюссель“. Несколько часов назад я получил письмо из Куларо — после него я был бы безумцем, если бы не принял такого решения. Хотя ничто в мире не может быть для меня тяжелее. По окончании этого года у меня оставалось бы всего три тысячи франков — до конца моей жизни. Я намерен отправиться в Куларо и там дожидаться этих трех тысяч франков, после чего торжественно возвращусь в Лютецию приблизительно в мае».

5 мая 1821 года Европа была взбудоражена известием о смерти Наполеона на острове Святой Елены. Как многие современники, Анри Бейль не одобрял политику режима Реставрации и потому был склонен превозносить бывшего генерала революции. Довольно скоро в сознании многих произошел парадоксальный переворот: образ Наполеона как «спасителя народов» стал вытеснять из людской памяти образ деспота-завоевателя. Так начал свою «военную кампанию» уже сам миф о Наполеоне.

Напоследок проведя десяток дней на берегах озера Комо, 13 июня 1821 года Анри распрощался с Матильдой. «Когда вы вернетесь?» — спросила она. «Надеюсь, что никогда». Но он не знал, что и на самом деле больше не увидит ее. «Эта ангельская душа, заключенная в столь прекрасном теле», покинет этот мир 1 мая 1825 года. Он попрощался и с Миланом, где пережил две самые большие любовные драмы в своей жизни: «Я думал, что для меня остаться в этом городе значит умереть; и вот, наоборот, покидая его, я чувствовал себя так, словно у меня вырывают

душу, словно здесь остается моя жизнь. Что я говорю? Сама жизнь могла быть только рядом с ней. Я умирал с каждым шагом, который отдалял меня от нее».

Он добрался до Сен-Готарда через Эроло, Беллинцону и Лугано и еще долго при одном лишь воспоминании об этом будет вздрагивать — в 1832 году он запишет: «Я хотел перебраться через Сен-Готард верхом на лошади: я надеялся, что свалюсь с нее, обдерусь до крови, и хоть это меня отвлечет. Но пусть я бывший кавалерийский офицер и провел половину жизни падая с лошади, — все же было бы ужасно неприятно падать на камни, которые катятся из-под ног лошади в пропасть. Я договорился с проводником, который заявил мне, что моя жизнь его мало волнует, но, если я погибну, это лишит его заработка, и к тому же никто впредь не захочет идти с ним через горы, если узнают, что один из путешественников свалился в пропасть».

Одолев швейцарские горы, он пересек затем «ужасное плоское убожество Шампани». 38-летний Анри Бейль вернулся во Францию живым и невредимым, но с пустотой в сердце: «1821, 21 июня я приехал в Париж».

ПАРИЖСКИЕ ГОДЫ. 1821–1830

Гнетущее однообразие

Разочарованный миланец вернулся в «этот мелкий Париж, родину посредственности: ведь только благодаря его большим размерам и тому малому вниманию, которое здесь уделяют своему соседу, такие качества, как зависть, ревность, большое самолюбие, в нем оказываются на три четверти парализованными». Он сразу снял комнату в отеле «Брюссель» на улице Ришелье, 45 — там же, где жил во время своего краткого пребывания в Париже в 1819 году. Его соотечественник и друг Адольф де Марест — «самый сухой и жесткий пьемонтец, которого я когда-либо встречал, более всего напоминающий Злопамятность (из „Комического романа“)\», — жил здесь уже несколько лет. Он служит начальником бюро паспортов префектуры Парижа и, хотя всего на год моложе Анри, «обладает душой и умом пятидесятилетнего». При этом они неразлучны: «Мы находим друг друга в любом конце Парижа».

Атмосфера пансиона «Брюссель» вполне устраивает Анри — его пансион в немалой степени обязан личности самого хозяина, некогда служившего лакеем правящего дома в Дамаске: «Вежливость и предупредительность этого г-на Пети, его бесстрашие и ужас перед любым глубоким движением души, его тщеславные воспоминания тридцатилетней давности и безукоризненная честность в денежных делах делали его в моих глазах идеалом француза старого образца». Анри уверен, что найдет здесь покой и порядок, которые так необходимы ему сейчас — в этом вынужденном возвращении на родину. Его преследует только один страх — чтобы здесь не стало известно о его неудачном миланском приключении: «Верхом несчастья было бы, восклицал я про себя, если бы мои друзья, эти черствые люди, среди которых я вынужден жить, узнали о моей страсти к женщине, которая так и не стала моей!» Этот страх будет отравлять ему жизнь на протяжении десяти последующих лет его жизни, но только в 1832 году он по-настоящему осознает это.

Мало сказать, что ему трудно было вновь привыкать к нравам и обычаям столицы, — он по-настоящему страдал от неустроенности своей жизни «в изгнании»: «Мне было тяжело в 1821 году заставить себя посетить в первый раз те дома, в которых меня так хорошо принимали ранее, когда я служил при дворе Наполеона. Я все время медлил и

откладывал. Но поскольку мне все-таки нужно было пожимать руки знакомым, которых я встречал на улицах, то о моем приезде в Париж все вскоре узнали. И тогда стали жаловаться на мое невнимание».

Знакомые Анри стараются вывести его из тоскливого состояния и вернуть ему вкус к светской жизни. Граф д'Аргу, бывший аудитор Государственного совета и пэр Франции — «славный малый, усердный труженик, но без малейшего признака ума», — достал ему билет, позволявший присутствовать на заседании Суда пэров: там «был устроен процесс над несколькими бедолагами — неосторожными и безрассудными». (Палата пэров была преобразована в суд и исполняла роль Верховного суда при Реставрации и Июльской монархии.) Анри присутствовал на последних днях процесса над 34 обвиняемыми по «делу Базара» — такое название процессу дал «Базар Франсе», что на улице Каде, где имели обыкновение собираться эти либералы-заговорщики. «Ежедневное лицезрение этих заговорщиков в Палате пэров навело меня на неожиданную мысль: в сущности, убить кого-либо, с кем даже ни разу не разговаривал, — это же как обычная дуэль. Так почему никому из этих бездельников не пришла в голову мысль последовать примеру Л[увеля]?» Трое из них были заочно приговорены к смертной казни, и среди них Жозеф Рей — тот, что когда-то познакомил юношу Анри с идеями Дестута де Траси. В общем, этот процесс на некоторое время отвлек Анри от его собственной боли.

Однажды, выходя из Люксембургского дворца, он встретился с кузеном Марсиалем Дарю: «„Вы в Париже! И как давно?“ — „Уже три дня“. — „Приходите к нам завтра, мой брат будет рад вас видеть...“ Каков же был мой ответ на столь любезное, дружеское обращение? Я нанес визит моим превосходным родственникам лишь спустя шесть или восемь лет. Мне было настолько стыдно, что я не посетил сразу своих благодетелей, что я даже потом не побывал у них и десятка раз — за все время до их преждевременной смерти».

Анри не был склонен осваиваться в светской среде, он даже отказывается использовать возможности, причем многочисленные, войти в светские кружки, которые помогли бы ему найти хоть немного того самого забвения, которое он так отчаянно искал. Мыслями он весь — в Милане, в доме на площади вблизи театра «Ла Скала», — там осталась Матильда Дембовски. Он пережевывает одни и те же мрачные мысли во время своих долгих одиноких прогулок на Монмартре и в Булонском лесу: «Я был тогда так несчастлив, что с тех пор ненавижу эти чудесные места». Похоже, он даже не старается излечиться от своей тоски.

Его образ жизни в этот тоскливый период оставался, впрочем, неизменным. Он вставал в десять часов, в половине одиннадцатого завтракал в кафе «Руан» в компании с Адольфом де Марестом и со своим кузеном Роменом Коломбом — «человеком цельным, справедливым и рассудительным, другом моего детства». Но беда в том, что его собеседники в разговоре не блещут умом: «Плохо то, что эти два человека не понимают ровным счетом ничего в науке человеческого сердца и в описании этого сердца средствами литературы и музыки. Бесконечные обсуждения этих материй и те выводы, которые можно извлечь из каждой новой *достоверной* жизненной истории, — вот разговор, который мне по-настоящему интересен. Кстати, выяснилось, что г-н Мериме, которого я так уважаю, также не испытывает интереса к беседам такого рода. Мой друг детства, мой замечательный Крозе (главный инженер департамента Изер), превосходно рассуждает на эти темы. Но его жена вот уже несколько лет как отняла его у меня — она ревнует к нашей дружбе. Как жаль! Превосходный ум у г-на Крозе — а если бы еще он жил в Париже! Но женитьба и особенно провинция удивительно быстро старят человека: ум становится ленивым, движение мысли совершается редко и потому становится затрудненным, а потом и вовсе невозможным».

Насладившись чашкой кофе с двумя булочками, Анри провожал Мареста на службу: «Мы идем через Тюильри, затем по набережным, останавливаемся возле каждого торговца гравюрами». Но, когда они расстаются, — «наступает самое ужасное время дня». Возможно, чтобы отвлечься, он посещает Лувр? «В 1821 году во мне еще сохранялись остатки любви к итальянской живописи». Но и тогда вид шедевров, хранящихся там, сразу напоминал ему дворец Брера и Матильду.

Возможно, он ищет тени и прохлады под старыми каштанами Тюильри и читает там одну из пьес Шекспира — он недавно приобрел английское издание. Время от времени чтение прерывается, и тогда Анри опять возвращается мыслями к ней. «Я почти не помню того времени — все дни тогда были похожи один на другой. Все, чем обычно привлекает Париж, меня отталкивало. Сам либерал, я находил либералов возмутительно ничтожными. Я понимаю сейчас, что сохранил лишь печальные или обидные для себя воспоминания о том, что видел тогда. Тучный Людовик XVIII, с бычьими глазами, в карете, медленно влекомой шестеркой серых лошадей (я встречал его постоянно), особенно внушал мне неприязнь. <...> Наконец наступало время обеда, 5 часов, и я устремлялся на табльдот в отель „Брюссель“».

За табльдотом Анри встречается со своими знакомыми и «некоторыми

оригинальными фигурами, являющими собой нечто среднее между мошенниками и мелкими конспираторами» вроде депутата Жана Жозефа Антуана Курвуазье, бывшего адъютанта генерала Мишо и будущего хранителя печатей. После обеда он идет в кафе; это приятные моменты, так как там случаются неожиданные встречи — как, например, с Луи де Барралем, хотя Анри, повстречавшись с ним, не знал, о чем с ним разговаривать. Он пропадает от тоски и скуки. В очередной раз Париж оказывается для него чужим: «Я находил в себе только недостатки. Я хотел бы быть другим человеком».

Кроме Адольфа де Мареста он поддерживает отношения с Никола Реми Лоло, который спустя полтора года станет одним из трех владельцев компании стекла и хрусталя «Вонеш Баккара»: «Честнейшее сердце, твердый характер; человек наименее интеллектуальный и наименее образованный из всех, кого я знаю. Но у него есть два таланта: первый — зарабатывать деньги, при этом никогда не играя на бирже, и второй — знакомиться с женщинами на спектаклях или во время прогулок. В этих талантах он не имеет себе равных, особенно во втором». Был еще и некий Пуатвен, но ни одному из исследователей впоследствии не удалось установить, кто он такой.

В августе эти трое приятелей Анри, желая отвлечь его от мрачных мыслей, устроили ему «чудную вечеринку с девушками» в известном заведении на улице Кадран, на углу улицы Монмартр. Его свели с юной дебютанткой, о которой было сказано, что она превзойдет все их ожидания: «При виде ее в глазах моих товарищей помутилось...» У Анри с ней ничего не вышло. Войдя к ней в комнату, он сразу подумал о Матильде, и этого было достаточно, чтобы его посетила «забавная добродетель — целомудрие». И хотя в общем такое состояние для него далеко не характерно, но парижская жизнь до такой степени ему опостылела, что его раздражает абсолютно все: «Поскольку я не могу ее забыть — не лучше ли покончить с такой жизнью?»

Что есть Лондон?.. Это великий Кин

18 октября 1821 года Анри принял решение: «Любовь к Шекспиру, к которой добавляется моя любовь к большим деревьям, второй раз призывает меня в Англию». Он уезжает туда в надежде найти лекарство от «сплина»: «Нужно заслонить себя холмами от вида миланских куполов».

19 октября он прибыл в Лондон. Случай привел его в тот же отель

«Тависток» — там для него нашлась только крошечная комнатка размером восемь на десять футов. Зато его разочарование компенсировал огромный салон, выходящий аркадами на площадь Ковент-Гарден. Кроме того, «здесь можно было поесть всего чего угодно и сколько угодно — за 50 су (два шиллинга). Вам делают огромные бифштексы или ставят перед вами кусок жареной говядины в добрых сорок фунтов и кладут хорошо заточенный нож, чтобы разрезать ее. Затем подают чай — чтобы вы хорошенько переварили все съеденное...».

Утром, завтракая, Анри заодно приучает себя к чтению английских газет, и это становится для него некоторым развлечением в его душевном состоянии. Но только по вечерам, в театре, ему удастся действительно отвлекаться от своих миланских воспоминаний. Он посмотрел комедии «Ночь ошибок» Оливера Голдсмита и «Стратегию щеголей» Джоржа Фаркара, высоко оценив злое остроумие последнего; посмотрел также историческую драму «Ричард III» и трагедию «Отелло» Шекспира, в которых играл Эдмунд Кин. (Кин (1787–1833) — был живым воплощением романтического актера: Александр Дюма-отец даже посвятит ему пятиактную драму «Кин, или Гений и беспутство», которая будет поставлена в театре «Варьете» в 1836 году.) Спектакли с его участием стали для Анри Бейля событием. В театре «Друри Лейн» всегда аншлаг: «Я едва не был раздавлен, пока добирался до своего места в партере». Он слышал, что Эдуард Эдвардс отзывался о Кине как о «герое кабаков, личности дурного тона», и этот актер, достойный шекспировских страстей, действительно был известен своим экстравагантным поведением и бурной личной жизнью, но Анри все равно не мог сдержать восторга. Он также отметил: «Мое удовольствие при виде игры Кина было смешано с большим удивлением. Англичане, народ сердитый, делают совсем иные жесты, нежели мы, чтобы выразить те же душевные движения». До сих пор он считал Тальма первым трагическим актером своего времени, и ему нелегко теперь признать, что эта звезда «Комеди Франсез» оставлена далеко позади его английским коллегой. Он находит в Кине трагизм, который созвучен ему самому: «...Я думал тогда, что никогда не смогу испытать более сильного переживания в театре...»

Впрочем, эти восторги не помешали ему направить письмо редактору «Экзаминер», которое будет напечатано вскоре после его отъезда из Англии: в нем он публично выражает свое возмущение тем, что в Англии играют «усеченного» Шекспира, пренебрегая оригинальными текстами: «Приехав в Лондон, я увидел афиши о представлении „Ричарда III“ и подпрыгнул от радости. Я бегом бросился в „Друри Лейн“ — и увидел там

всего лишь мелодраму, достойную какого-нибудь „Порт-Сен-Мартен“. Мне показалось, что я очутился в „Комеди Франсез“ на представлении „Аделаиды дю Геклен“ или „Митридата“. <...> Я ничего не имею против правок в некоторых стихах „Ричарда III“ или изъятия некоторых сцен — если бы редактор пользовался при этом только ножницами. Но я нахожу абсолютно смехотворным, когда современный автор навязывает нам свои мелкие чувства — взамен великих мыслей Шекспира. <...> В заключение, месье, я настаиваю на том, что стыдно английской нации, с ее-то вкусом, позволять, чтобы место шекспировского шедевра занимала плоская мелодрама, где идет простой пересказ сюжета — тихий и бесконфликтный».

В этом лондонском паломничестве Анри сопровождали друзья — Адольф де Марест и Никола Реми Лоло. Их английский лакей договорился с тремя проститутками, чтобы те угостили французов чаем и добрыми услугами всего за 21 шиллинг. Только предвкушение опасности и возможной западни (девицы жили в каком-то убогом квартале за Вестминстерским мостом) подвигло Анри и Лоло — из принципа — принять это приглашение. И действительно: сначала они столкнулись нос к носу с какими-то матросами-сутенерами, вознамерившимися их поколотить, и лишь потом с трудом нашли крохотный трехэтажный домик, в котором жили бедные девушки, которые сами варили пиво в маленьком чане. «Их нищета, старенькая, но чистая мебель меня растрогали», — записал потом Анри. Он послал за вином и холодным мясом, на следующий день опять заявился к ним с шампанским и стал проводить оставшиеся вечера с одной из них — мисс Эпплби. Потом она умоляла его забрать ее во Францию, убеждала, что «будет есть только яблоки и ничего не будет ему стоить». Его удержали от этого шага тяжелые воспоминания о совместном проживании в Милане с сестрой Полиной. Но все время его пребывания в Лондоне, во всяком случае, было согрето приятной мыслью о ласковом, спокойном вечере, который его ожидает: «Это было первое настоящее утешение в том несчастье, которое отравляло мне все мое одинокое существование».

22 ноября 1821 года Анри сел на корабль в Дувре. Спустя два дня он вернулся в Париж и «...обнаружил, что немного больше стал интересоваться людьми и всем окружающим».

Светский человек и литератор

По приезде его ждала совершенно неожиданная новость: некая Фишер, супруга директора почт Страсбурга, переслала ему рукопись «О любви». Уже более года — с 25 сентября 1820-го — невезучий автор считал ее безвозвратно утерянной. Душевное здоровье начинает понемногу возвращаться к отставному влюбленному — он уже способен подумать о публикации рукописи и для начала подправляет текст: «Я переписал чернилами то, что было написано карандашом». Анри упорно работает, вновь лихорадочно принимается за чтение, не пропускает ни одного представления в Итальянском театре и постепенно становится вхож в самые элитные салоны. В своем «Журнале» он записал: «Будучи меланхоликом по темпераменту, он мог в ходе умственной работы прийти в состояние веселости. Серьезный и холодный в начале вечера — даже в приятном доме, — он в два часа утра мог почувствовать, как не хочется ему этот дом покидать». Он часто обедает у графини Беньо и два-три раза в неделю бывает в чудесном садике у Жозефа Линге — «лучшего из людей» — на улице Комартен, где летними вечерами для него всегда приготовлены бутылки со свежим пивом. Он начинает «понемногу возрождаться к жизни», ему удается забывать о Милане на целых пять-шесть часов подряд — и «только пробуждение еще имеет для меня горький привкус».

Начинающий литератор даже сумел познакомиться с Проспером Мериме: «В этом молодом человеке было что-то упрямое и очень неприятное. Его глаза, маленькие и невыразительные, смотрели всегда одинаково, причем сердито». Таково было первое впечатление, произведенное на Анри известным писателем, который вскоре станет его лучшим другом. Это впечатление не вполне изгладится и потом — позднее он напишет о Мериме: «Я не уверен в его сердце, зато уверен в его таланте...»

Теперь Анри быстро сводит знакомство с самыми заметными личностями мира искусства и литературы. Наиболее посещаемым салоном остался для него салон графа Дестута де Траси на улице Анжу: «Я десять лет посещаю этот салон; меня принимают вежливо, с уважением, но с каждым разом я все менее свой здесь, если не считать моих друзей». Уже более двух десятков лет он восхищается идеями этого философа, пэра Франции и члена Академии. Внешне это «замечательно сложенный маленький старик, с особенной, элегантной манерой держаться». Впрочем, оговаривается Анри, у него «безукоризненные манеры, если только он не находится в своем ужасно мрачном настроении»; это «старый донжуан», который «умеет извлекать радость из всего», к тому же близкий друг генерала Лафайета. Этот философ интересен Анри с разных точек зрения,

но его симпатия к нему лишена взаимности: «Этот изящный старик, всегда в черном, с огромным зеленым лорнетом, стоящий перед камином то на одной ноге, то на другой, — имеет манеру говорить, совершенно не схожую с его писаниями. Его речь состоит из тонких, элегантных наблюдений, он чурается всякого энергичного высказывания, как ругательства, но при этом пишет, как сельский мэр. Мне же была свойственна в то время энергичная простота выражений, которая поэтому совершенно ему не подходила». К тому же Анри в то время носил огромные черные бакенбарды: «Моя голова, как у итальянского мясника, по всей вероятности, не соответствовала вкусам этого старого полковника времен царствования Людовика XVI». Но, что гораздо вероятнее, граф де Траси не одобрял, прежде всего, его политических взглядов — резких и жестко утвердившихся. Однажды вечером граф задал Анри вопрос о его воззрениях, и тот не колеблясь ответил: «Если бы я оказался у власти, то приказал бы заново напечатать список эмигрантов: Наполеон присвоил себе право вычеркивать любого из этого списка, хотя этого права не имел. Сегодня три четверти из них уже умерли. Остальных я отправил бы в департамент Пиренеи и в два-три соседних с ним. Я оцепил бы эти департаменты небольшими армиями, которые, для острастки, несли бы там службу не менее шести месяцев в году. И любой эмигрант, которому вздумалось бы выбраться оттуда, был бы безжалостно расстрелян».

Вообще в светском обществе Анри Бейль никогда не выглядел затерянным и скромным. Скорый на вызывающие и резкие высказывания, он своей прямоотой и смелостью оттолкнул от себя многих: «Действительно, я удивлял и даже скандализировал своих знакомых. Меня воспринимали как чудовище или божество. <...> Как чудовище аморальности, скорее всего». Он не давал себе труда скрывать, что презирает тех, в ком живет «министерская душонка, которая якобы заботится о своей чести буквально на каждом шагу — за исключением тех случаев, когда нужно сделать в жизни решительный шаг», он способен уважать «в сто раз больше какого-нибудь каторжника на галерах или убийцу, который поддался минуте слабости». Анри обескураживает и раздражает собеседников: «...Я казался жестоким этим мелким душам, отшлифованным парижским политесом». Только графиня де Траси восхищается его прямоотой и особенно — крайне неосторожной формой ее выражения. Исключительная благожелательность этой союзницы утешает его «во многих неудачах». Анри не умеет нравиться и еще менее — выбирать тех, кому нужно понравиться; он и не пытается это делать. Наблюдать человеческую душу в ее неприкрытой наготы — вот что

является для него смыслом — «костным мозгом» — этих светских вечеров.

Осуждение, которое он навлекает на себя в свете, не мешает ему поддерживать постоянные отношения с салоном улицы Анжу, где собираются сливки либеральной общественности, — хотя он и пренебрегает всем, что могло бы расположить их к нему. Граф де Траси, будучи другом врача и философа Пьера Кабаниса, однажды привел Анри к его вдове. «...Я сбежал оттуда из-за жары. В то время мои нервы были в состоянии *итальянской* чувствительности. В закрытой комнате сидели десять человек — я почувствовал себя настолько дурно, что чуть не упал. Представьте себе плотно закрытую комнату, в которой разведен адский огонь». Он немедленно удрал оттуда и отметил по этому поводу: «Г-н де Траси никогда мне этого не простил». В любой ситуации его поведение соответствует той свободе разума, которую он исповедует. Впрочем, за то краткое время в салоне Шарлотты Фелисите де Кабанис Анри успел познакомиться с историком Клодом Фориэлем, создателем сравнительной истории языков, эрудиция которого основательно помогла ему при переписывании трактата «О любви». «Он, не считая Мериме и меня самого, единственный известный мне не-шарлатан из всей пишущей братии». К тому же Фориэль уже двадцать лет сожительствовал со своей любовницей Софи де Кондорсе, и такой образ жизни не мог не быть одобрен Анри. У Дестута де Траси он сблизился также с молодым натуралистом Виктором Жакемоном, но не преминул заметить, что тот, имея репутацию очень умного человека, «не давал себе труда рассуждать».

Впрочем, мысль о том, чтобы ускользнуть из мирка светских салонов, теперь редко посещает этого сурового критика: «Один вид какого-нибудь знакомого на улице меня сердит. Увидев его издалека, я думаю о том, что надо будет с ним поздороваться, и это меня раздражает еще за пятьдесят шагов до него. И наоборот, я обожаю встречаться с друзьями по вечерам где-нибудь в обществе». Если же количество собеседников, делами которых приходится интересоваться из вежливости, повергает его в затруднение, — тогда он выступает в роли блестящего остролова.

Заинтересовавшись личностью физиолога Вильяма Фредерика Эдвардса, Анри настойчиво просил его брата Эдуарда познакомить его с ученым — будущим членом Медицинской академии и Академии моральных и политических наук, который уже был известен своим трудом «Замечания об асфиксии, исследуемой на земноводных». Ученый «резал по тысяче лягушек в месяц и, говорят, вот-вот откроет, как мы дышим, а также найдет лекарство от грудных болезней красивых женщин». Анри с ним познакомил — и он нашел там «маленький антибуржуазный салон,

женщину самых высоких достоинств, которая рассуждала о морали и которую я принял за квакершу, и, наконец, самого доктора, человека редких качеств, заключенных в маленьком хрупком теле, из которого, казалось, медленно вытекала жизнь». Он был принят весьма прохладно, так как ученый мало верил в достоинства людей, которых ему рекомендовал его повеса брат. «Какой черт толкнул меня представляться ему! Это был каприз, безумие! В сущности, все, чего я хотел, — это лучше узнать людей». Однако Анри не собирался сразу же расставаться с этой мало к нему расположенной компанией: «Мне понадобилось три года стараний, чтобы преодолеть отвращение и страх, которые я внушал всем в салоне мадам Эдвардс». Он был вознагражден за терпение: в этом светском кружке он свел знакомство, в числе прочих, с ирландцем Бартоломью Стритчем — директором «Германик ревью» и будущим посредником между ним и английскими издателями.

В одно из воскресений к двум часам дня Анри привели к критику Этьену Жану Делеклюзу («он принимает именно в это неудобное время») — как выяснилось, тот прочел его «Историю итальянской живописи». Критик Делеклюз оказался «типажем в духе доброго викария из Уэйкфилда», а его «литературная академия» располагалась под крышей дома на улице Шабане, которым он владел совместно со своими сестрами. Анри пришлось одолеть 95 ступенек, чтобы попасть в его «академию». Четыре маленькие комнаты, которые тот занимал, были «украшены гравюрами и предметами искусства — любопытными и приятными». Там был также великолепный портрет кардинала Ришелье, а «рядом с этой крупной, тяжеловесной фигурой — мелкая фигура Расина. Таким великий поэт был в молодости и лишь потом стал громоздким — и телом, и чувствами: именно такие чувства были необходимы ему для создания „Андромахи“ и „Федры“».

Здесь Анри застал избранный кружок из восьмидесяти человек (и среди них «орлеанист» Поль Луи Курье, который будет убит 18 августа 1825 года), они свободно разговаривали абсолютно обо всем: «Я был поражен их здравомыслием, широтой ума и особенно — тактичностью хозяина дома, который незаметно направлял беседу таким образом, чтобы не говорили трое одновременно или, наоборот, не наступали вдруг неловкие паузы в разговоре». И все же, хотя разговор на любые темы здесь шел определенный и открытый, Анри не смог обойтись без резких выпадов, которыми даже умудрился вывести хозяина дома из терпения.

Он, кстати, сам признавал: «Из-за недостатка обхождения и ловкости я раз пять-шесть упустил возможность сделать большую карьеру —

политическую, финансовую или литературную». Анри до такой степени не умел быть приятным в обществе, что даже не мог заставить себя поухаживать за некоторыми влиятельными дамами — и тем прибавлял их к списку своих врагов. Что поделаешь, таков уж он есть — ярый антиконформист, лакомый до парадоксов! Но, как бы то ни было, светская жизнь начинает понемногу заполнять его время «не то чтобы чем-то приятным, но, по крайней мере, чем-то, что становится между мною и последним предметом моего обожания».

В Париже большим его увлечением остается опера-буфф, которой он уделяет не менее трех вечеров в неделю. Волна «россинизма», которая захлестнула Европу в 1820-е годы и которую Анри застал еще в Милане, не миновала и Париж: Итальянская опера здесь также включила в свой репертуар творения этого композитора. Джудитта Паста, триумфально выступавшая в «Танкреде» и «Отелло», способствовала его широкому признанию и сама еще при жизни стала легендой итальянской романтической оперы. Ее голос неподражаемого тембра, точность и сила драматического исполнения приводили Анри в восторг: «В моем представлении, в ней не было никаких пороков, никаких недостатков; это был характер простой, цельный, правдивый, естественный; это был самый большой трагический талант, который я когда-либо знал». Он ценил в ней чистый трагизм — совершенный, без всяких примесей, ее драматический дар с блеском довершали великолепные вокальные данные, так что «слух углублял силу чувств, создаваемых зрением».

В салоне «дивы» Джудитты — на втором этаже отеля Лилуа на улице Ришелье, 63 — каждый вечер собирались наиболее горячие ее поклонники; здесь же встречались друг с другом и все миланцы, находящиеся в Париже. Анри чувствовал себя здесь как дома, хотя ему случалось вздрагивать, если кто-то упоминал вдруг имя Матильды Дембовски. Здесь он познакомился с лондонским адвокатом Саттоном Шарпом и неаполитанским адвокатом Доменико Фиоре, который нашел убежище во Франции после падения эфемерной итальянской республики 1799 года. И в какое бы время ни совершались выходы Анри в свет, он неизменно заканчивал свои вечера — иной раз это было уже далеко за полночь — у «La Giuditta», играя в фараон: «Эти вечера составили целую эпоху в моей жизни». Их добрые отношения вызывали порицание в свете: «У нас самая порядочная женщина, которой совершенно чужда мысль о какой-либо непристойности, не прощает даже мысли о связи с актрисой». В салоне на улице Анжу — «который все же был наиболее уважаемым мною обществом» — его тоже осуждали за эту открытую связь, пусть и вполне невинную. Причем все — начиная с самого

старого философа.

Для удобства Анри снял комнату на третьем этаже того же отеля Лилуа. Соседнюю комнату снимал композитор Александр Мишруа, которого он характеризовал как «холодную душу»: «Он выучил музыку, как ученый Академии письменности выучил — или сделал вид, что выучил, — персидский язык. Он научился любить музыку кусками; главное достоинство для него — в точности звука, в правильности музыкальной фразы. А по-моему, главное достоинство — в *экспрессии*».

Слывя фаворитом и наперсником «дивы», Анри не позволял никому резких выпадов по этому поводу. Тем более не должна была вся эта светская возня быть помехой его работе. В январе 1822 года он опубликовал свою первую статью — о Россини — под псевдонимом Альцест в английском журнале «Paris Monthly Magazine», с которым ему предстояло сотрудничать более года. В следующем месяце он вынашивает идею издания собственной литературной газеты «Аристарх» и даже набрасывает соответствующий проект, но воплотить его в жизнь ему не удастся. 6 мая он подписал договор об издании своего трактата «О любви» с Пьером Монжи-старшим — книгоиздателем с бульвара Пуассон, 18, с которым его познакомил Эдуард Эдвардс. В июне и июле он правит гранки «О любви» сначала в Монморанси, где снял комнату, а затем — в парке графини Беньо в Бонней-сюр-Марн. Именно здесь, по всей вероятности, он в первый раз за последние несколько лет вновь встретился с Клементиной Куриаль, дочерью своей хозяйки-графини, и на сей раз уделил ей больше внимания, чем в прошлом.

17 августа «Журналь де ла либрери» сообщил о выходе в свет трактата «О любви» — того же автора, что и «История итальянской живописи» и «Жизнеописание Гайдна, Моцарта и Метастазियो». 1 ноября Анри вступил в сотрудничество с «New Monthly Magazine». Затем пишет статьи для «London Magazine» и «Athenaeum». Эти публикации позволяют ему не только решить свои денежные затруднения, но и дать читателям по ту сторону Ла-Манша достоверную картину литературной и политической жизни Франции эпохи Реставрации. Таким образом, Бейль-журналист успешно предшествовал Стендалю-романисту. И хотя он пишет в своих тетрадах: «Париж мне нравится, но не увлекает» — столица Франции уже не внушает ему столь горького разочарования, как это было сразу по возвращении в нее.

31 июля 1822 года английская труппа давала «Отелло» Шекспира в театре «Порт-Сен-Мартен». Этот старинный драматург елизаветинских времен был вообще мало известен парижской публике, да и англофобия

военных лет была еще жива в ее сознании — в результате во время представления стал раздаваться шум недовольства, и освистанные комедианты вынуждены были сократить представление, опустив часть пьесы. В октябре Анри опубликовал в «Paris Monthly Review» статью, в которой высказал свое возмущение таким поведением публики. Шесть месяцев спустя он закончил написание первой книги «Расин и Шекспир», и начальной главой в ней стала уже упомянутая статья.

Литературная перепалка

Анри Бейль принялся за написание «Жизни Россини», когда «Издательская газета» 8 марта 1823 года сообщила о выходе в свет книги «Расин и Шекспир» — автора г-на де Стендаля. Это было первое выступление против законов классицизма во Франции: автор порицал существовавшую в литературе жесткую систему правил. За кем нужно следовать — за Расином или за Шекспиром? Какому принципу отдавать предпочтение — эпическому или драматическому? Речь шла не о том, чтобы предать огню всю культуру прошлого, но о том, чтобы создавать пьесы, способные вызвать интерес современной публики — публики 1823 года. Великолепие размеренного александрийского стиха пора было сменить живым эмоциональным языком. «Романтизм — это искусство создавать литературные произведения, которые, при современном состоянии обычаев и верований, могут вызвать наибольший отклик у публики. Классицизм же, напротив, это литературное направление, которое доставляло удовольствие нашим прапрадедам. <...> Я не решусь заявить, что Расин был романтиком: в его изображении чувства маркиза эпохи Людовика XIV пронизаны исключительной сдержанностью, которая была тогда в моде, так что он или какой-либо иной аристократ в 1670 году даже в приливе самой нежной отцовской любви обращался к сыну не иначе как „месье“... <...> Шекспир был романтиком, потому что еще в 1590 году живописал английской публике сначала кровавые катастрофы, вызванные внутренними распрями, а затем, чтобы дать ей передохнуть от этих печальных зрелищ, услаждал картинами тончайших движений сердца и нюансов страстей».

Анри Бейль перерос свои же идеи, которыми были вдохновлены его ранние произведения. В «Расине и Шекспире» он представил читателю свои рассуждения — литературные и личные, которые свидетельствуют уже о зрелости мышления. Спустя 12 дней поэт и дипломат Альфонс де

Ламартин написал Адольфу де Маресту: «Я прочел с величайшим удовольствием произведение г-на Бейля. Он высказал то, что давно было у всех на языке. Он сделал ясным и осязаемым то, что до сих пор лишь смутно бродило во всех честных умах. Остается пожелать, чтобы он воплотил свои идеи, чтобы он первым создал нечто вроде кода для современной литературы. <...> Я хотел бы еще, чтобы г-н Бейль разъяснил людям, тугим на ухо, что наш век не претендует на романтический образ самовыражения, то есть что мы якобы обязаны писать иначе, чем те, кто хорошо писал до нас, — просто иное время несет с собой иные идеи. Ему следовало бы сделать уступку: литература должна быть классической по форме и романтической по мыслям — на мой взгляд, это именно то, что нужно».

Позднее Шарль Огюстен Сент-Бёв назовет Стендаля «гусаром», «уланом» и «легкой конницей авангарда, которая гонит врага вплоть до самых его укрытий». Теофиль Готье в более поздних своих высказываниях будет более сдержан, чем в первоначальных: «Романтическая школа состояла из нескольких адептов — защитников абсолютной реальности в литературе. Если Тальма говорил: „Не надо красивых стихов!“ — то Бейль утверждал: „Не надо стихов вообще“». Среди современников Анри Бейль становится известной личностью, особенно в парижских литературных кругах.

С 21 июня 1821 года — дня его печальной памяти возвращения в Париж — изменилось многое: его воспоминания о Матильде заволоклись дымкой, а сам он упрочил свое положение в обществе. Он сумел восстановить присущую ему остроту работы ума, которой ему так не хватало в Милане; его жизнь целиком посвящена литературной работе; самые блестящие салоны столицы числят его своим почетным гостем; но на представлении «Атали» ему уже скучно... Одним словом, пришло время развлечь себя приятным путешествием, которое он вполне заслужил.

18 октября 1823 года Анри Бейль отправился в Италию. Он везет с собой рекомендательные письма от Бьянки Милези, кузины Матильды Дембовски, — она самого высокого мнения о нем и в этих письмах поручает его заботам своих лучших друзей. Анри проехал Геную, отплыл на «французской фелуке Беппо» в Ливорно и 7 ноября прибыл во Флоренцию. В палаццо Буондερмонти, что на площади Санта-Тринита, он посетил знаменитый научно-литературный читальный кабинет Джованни Пьетро Вьессе, которому был рекомендован бельгийским историком Луи Поттером.

15 ноября «Библиографи де ла Франс» сообщила о публикации его

книги «Жизнь Россини» в двух томах. Его трактат «О любви» почти не продается, и потому первый настоящий литературный успех пришел к нему именно с этой книгой — исследованием музыкальной эволюции композитора, с которым он лично встречался в Милане; в ней же хвалы, возносимые Джудитте Паста, идут рука об руку с колкостями, которые он говорит в адрес французской музыки. Позднее, в 1832 году, Анри Бейль смело назовет музыку Россини «взбитым кремом и фанфаронадой», но сейчас, хотя и не без некоторой критики в адрес композитора, он написал в начале его биографии: «После смерти Наполеона нашелся еще один человек, о котором постоянно говорят в Москве и Неаполе, в Вене и Лондоне, в Париже и Калькутте. Слава этого человека не знает других границ, кроме границ самого цивилизованного мира, — а ему всего тридцать два года!»

В декабре Анри прибыл в Рим и нашел там себе блестящую компанию. Это были Этьен Делеклюз, историк и писатель Жан Жак Ампер, сын ученого Андре Мари Ампера, журналист и будущий политический деятель Проспер Дювержье де Оранн. Он и сам уже достаточно известен, так что одиночество ему не грозит: «Друзей у меня — хоть косой коси...» Он обедает с композитором Саверио Меркаданте — это «маленький молодой человек с умным лицом; у него есть свой стиль — это уже много для молодого человека»; он относит Розамунду Пизарони к разряду первостатейных певиц: «...это великолепное контральто, которое с легкостью преодолевает все трудности и которое, временами как бы впадая в гнев, придает движение всему сценическому действию»; он даже имеет смелость объявить Гаэтано Доницетти (тот имеет настоящий успех со своей «Zoraide di Granata», но по-прежнему остается в тени Россини) «начисто лишенным таланта».

Визиты, разнообразные прогулки, светские вечера... Иногда «известный господин Бейль» так устает, что ложится спать, «вместо того чтобы пойти на раут к господину послу Австрии». При этом он пишет: «Самыми приятными в моем путешествии были три дня на островах Борромео и переезд из Генуи в Ливорно. Самые тяжелые дни — в середине декабря в Риме, с его сирокко и вонючей грязью». В Париж он вернулся в начале марта 1824 года, посетив проездом Болонью, Парму, Женеву и Лион.

По возвращении Анри — «г-н Стендаль» — принялся за переписывание своей книги «Рим, Неаполь и Флоренция в 1817 году»; он также усердно работает над вторым своим памфлетом — «Расин и Шекспир № 2, или Ответ на манифест против романтизма, произнесенный г-ном Оже на торжественном заседании Университета». Речь этого

академика была тогда одобрена всеми государственными учреждениями — от газет до Университета, и Анри воспользовался этой возможностью, чтобы дать отповедь и королевской власти, и патриархам от литературы: «Пять или шесть месяцев назад Французская академия, шествуя размеренным ходом, почти незаметно, невозмутимо вершила свою неторопливую работу по составлению словаря. Все в ней мирно спало — бодрствовал только постоянный секретарь и референт Оже, но вдруг, по счастью, было произнесено фатальное слово „романтизм“. Это возмутительное словечко, внесшее в нашу жизнь разлад, сделало свое доброе дело: общая усыпленность сменилась более живыми чувствами. Здесь я представляю себе сцену, как если бы перед великим инквизитором Торквемадой, в окружении судей и прочих отцов-инквизиторов, был приведен вдруг Лютер или Кальвин (случай исключительно благоприятный для распространения полезных доктрин). И тогда на лицах всех суровых судей — хотя и разных — прочиталась бы одна и та же мысль: „Какой самой мучительной казни можно его подвергнуть?“».

Анри Бейлю с его бесподобным остроумием удалось защитить от враждебных нападок своих единомышленников-романтиков — «этих разнузданных новаторов, которые в безумии своем надеются, что в наши дни будет позволено наконец-то (или не дай бог?) создавать произведения более интересные или хотя бы менее скучные, чем произведения самих господ из Академии».

«Расин и Шекспир № 2» был издан в марте 1825 года у «Дюпона и Рорея» — книгоиздателей с набережной Августинов. Виктор Жакемон, который прочел книгу, как только она поступила в продажу, не скупился на похвалы: «Вы нам говорили, что пишете памфлет, а Артус Бертран скажет, что Вы написали брошюру. По моему мнению, это ни то ни другое. Это лучше, чем они вместе взятые: по величине — как брошюра, а по остроумию — как памфлет». «Расин и Шекспир № 2» принес Анри Бейлю бесспорный успех.

Дело «Менти»

3 апреля Анри получил письмо от издателя Пьера Монжи-старшего: «Я хотел бы прибыть к тому времени, когда нужно будет отчитаться перед Вами в доходах, которые я надеялся получить от Вашей книги „О любви“, но начинаю опасаться, что это время никогда не наступит: я не продал и сорока экземпляров этой книги и могу сказать о ней, как о „Священных

стихах“ Помпиньяна: они священны, потому что никто до них не дотрагивается». Несмотря на эту неудачу, литературная деятельность Анри Бейля не ослабевает.

Оживают и его любовные устремления: 22 мая он становится любовником графини Клементины Куриаль, которую в своих записях обозначает под именем «Менти». Эта своенравная женщина несколько не похожа на Матильду — она менее всего озабочена тем, чтобы держать его на приличном светском расстоянии, — но у нее свое представление о любви: «Я хотела бы проводить целые месяцы с тобой, и чтобы при этом у меня не было возможности быть твоей любовницей — только тогда я чувствовала бы себя по-настоящему любимой. Что же касается отношений определенного рода, я их допускаю, но не придаю им слишком большого значения. Я клянусь тебе: только потому, что ты, кажется, слишком высоко ценишь эту сторону отношений, я почувствовала к тебе некоторое охлаждение. Я полагала, что это слишком грубый способ доказывать тебе мою нежность».

Любовники испытывают сильную взаимную страсть, но уже вскоре Менти начинает упрекать Анри в том, что он любит ее чисто физически, а также в умении избегать серьезных отношений: «Ты всегда ускользал от меня. В течение двух лет ты избегал признания, а когда я сама сделала тебе признание, ты распрощался со мной спустя восемь дней. Ты мог быть доволен собой, лишь вонзив мне кинжал в сердце». Эта связь — искренняя и бурная — продлится два года. Их любовь, с привкусом скандала, балансировала на острие и знавала самые резкие перепады: от «как тяжело видеть низость в человеке, которого любишь, видеть в нем лишь варварство и недостаток обхождения, тогда как ты сама отдалась ему безоговорочно и с полным доверием» — до «твое субботнее письмецо ввергло меня в трепет, подобный тому, который дарит мне твоя прекрасная рука, когда совершает прогулку по моей старой шкуре». Письма графини Куриаль были уничтожены после смерти Бейля — следует ли из этого, что они содержали в себе нечто компрометирующее? Если бы этого не произошло, то об их отношениях можно было бы составить более верное представление.

29 августа 1824 года Анри опубликовал в «Журналь де Пари» первый из своих семнадцати фельетонов, посвященных Салону 1824 года: «...У меня резкие мнения обо всем, должен честно признаться в этом читателю. Это главный мой недостаток, который мешает мне быть приятным в свете, но у меня нет ни малейшего желания исправляться. Я доволен своим скромным состоянием, я горд и ни у кого ничего не прошу, и потому щажу

только то, что люблю, а люблю только гениев». Фельетон содержал беспристрастную критику выставленных произведений и справедливые рассуждения о незавидном состоянии искусства скульптуры в Европе — таков результат «чрезмерной поддержки, которую министерство из своего бюджета оказывает только живописи», а также верные замечания об ограниченности современных условий в городских жилищах: «Наш новый образ жизни — без отелей, без дворцов — делает невозможным украшение жилищ картинами; остаются только гравюры, и, соответственно, только они и признаются публикой».

9 сентября в том же «Журналь де Пари» появился его первый фельетон об Итальянском театре (всего их будет 42).

15 сентября Анри первый раз ночевал в своем новом жилище на улице Ришпанс, 10. И здесь ему сразу довелось вновь испытать смешанное чувство надежды и разочарования. На этот раз, впрочем, вовсе не Матильда Дембовски стала тому причиной. День спустя умер Людовик XVIII; его брат, граф Артуа, стал Карлом X, и 27 сентября совершился его торжественный въезд в Париж. В результате цензура над прессой была, к счастью, упразднена, но сама-то Реставрация продолжалась...

В ноябре господин Бейль стал вхож в дом к палеонтологу Жоржу Кювье — тот принимал гостей в своем кабинете в Королевском саду (ныне Ботанический сад), — и там он подружился с его падчерицей Софи Дювосель. Он принят в салонах Виржини Ансело, супруги известного драматического актера, исторического живописца барона Франсуа Жерара, начальника бюро в Королевском интендантстве Эммануэля Вьоле-ле-Дюка. В новых кружках — новые знакомства. Он встречается с Эженом Делакруа, Виктором Кузеном, Бенжаменом Констаном, поэтом Пьером Жаном Беранже, художником голландского происхождения Ари Шеффером, историком Огюстеном Тьерри, переводчиком немецкой литературы Альбертом Штапфером, ботаником Адриеном Жюсье, а также с Теодором Леклерком, автором книги «Драматические пословицы»... У господина Бейля всегда живой взгляд и наготове ироническое словечко, поэтому он забавляет одних, выводит из терпения других и особенно блистает в парадоксах. В 1842 году Проспер Мериме будет так вспоминать о его манере вести беседу: «...Чаще всего он в спор не вступал. Те, кто его не знал, приписывали чрезмерной гордости то, что было, возможно, лишь уважением к чужому мнению. „Вы — кот, а я — мышь“, — говорил он часто, чтобы покончить с дискуссией».

В этот период Анри взялся перечитывать свою «Историю итальянской живописи»: «Я нахожу ее почти нечитаемой. В 1814 и 1817 годах я писал

так, словно все должны были думать, как я». В конце 1824 года он записал: «Перечитывать свои произведения грустно. Это напоминает любовь, которая давно умерла».

После «Расина и Шекспира № 2», выпущенного в продажу 19 марта 1825 года, 3 декабря опубликован его очерк «О новом заговоре против промышленников» — это была критика «Катехизиса промышленников» Клода Анри де Рувруа, графа де Сен-Симона, который вышел в свет еще в 1823 году.

«Г-н де Сен-Симон писал: „Способность к предпринимательству должна цениться прежде всего. С этой точки зрения должны оцениваться все прочие способности, которые должны работать на благо этой главной способности“. Если мы не остережемся такого подхода, то дойдем до смешного. Меня самого можно считать предпринимателем, так как я беру чистый лист бумаги, который стоит мне два су, а затем покрываю его чернилами и перепродаю уже в сто раз дороже. Если назвать это мелким предпринимательством, то под этим нужно подразумевать, что я не богат и не благороден. Я действительно занимаю наилучшее положение — между двумя противоположными лагерями, чтобы видеть смешные стороны как привилегированного сословия, так и предпринимательского». Тут же последовали многочисленные отклики сторонников сен-симонизма. К сожалению, графиня Беньо, умершая 10 марта, не успела прочесть последний памфлет своего друга.

10 января 1826 года Анри Бейль подписал с Симоном Сезаром Делоне, книгоиздателем с Пале-Рояля, контракт на публикацию нового издания книги «Рим, Неаполь и Флоренция», над завершением которой он работал. В начале этого же года он делает и первые наброски романа «Арманс», но почти сразу оставляет их.

Анри предчувствует неизбежность конца своей связи с Клементиной Куриаль — она упрекает его за слишком частые визиты и недостаток действительной заботы о ней: «Физически я не нуждаюсь в любовнике, это даже излишество, вредное для моего здоровья. Но я желаю, я испытываю потребность быть любимой». Он решает совершить очередной побег, покидает Париж и отправляется в Англию: «Третье путешествие в августе 1826 года, ф[аталь]ное».

28 августа он прибыл в Лондон, где возобновил добрые отношения с Саттоном Шарпом. На сей раз познавательные экскурсии в лондонский свет и посещения театров сменились у него острым любопытством к самой стране, и он пустился в поездки по ней: «Я наконец увидел настоящую Англию — страну, которая всегда встречала меня по-доброму, но был

опечален образом жизни ее обитателей. Религия, принявшая здесь ужасные формы, почитает самым страшным грехом „нарушить субботу“, то есть немного развлечься в воскресенье. Например, пойти на прогулку — это „нарушить субботу“. В году пятьдесят два воскресенья — то есть пропадает шестая часть жизни...

Правосудие здесь восхитительно неподкупно, но существует только для богатых. Хорошо одетый человек с тридцатью луидорами в кармане — столько нужно, чтобы начать судебный процесс, если он того захочет, — самая свободная личность в мире. Бедняга же, который перебивается со дня на день, — хуже раба в Марокко. <...> В сельских домах, куда меня приглашали пожить несколько дней, я видел, что к английским женщинам относятся как к *низшим существам*. Главной их добродетелью считается *преданность* — добродетель рабов».

Анри вернулся в Париж 27 сентября, но прежде не мог упустить в Лондоне возможности вновь горячо аплодировать своей подруге Джудитте Паста, которая как раз завершала здесь свое турне; здесь же он получил письмо от графини Куриаль об окончательном разрыве. Позднее он напишет в своей «Жизни Анри Брюлара»: «...Она любила его два года, и только шесть месяцев была его любовницей. Он был несчастен и вернулся в Италию». Впрочем, Италии придется подождать его еще полгода.

Прощание навеки

Возвращение Анри из Лондона в Париж свершилось под несчастливой звездой, так как его английский издатель перестал платить ему за статьи и вообще подавать признаки жизни. «Коль[берн] написал мне 7 февраля (после того как воспользовался моими статьями 1 января и 1 февраля), что 1) в 1827 году он продолжать сотрудничество со мной не будет 2) он считает эти статьи *дополнениями* к статьям 1826 года — это означает, что он не хочет за них платить. Да здравствует порядочность!» Итак, с английскими доходами парижского корреспондента было покончено.

Вновь почувствовав потребность в серьезной работе — чтобы преодолеть горечь очередного расставания с женщиной, — Анри с головой ушел в писательство. 10 октября 1826 года он поставил последнюю точку в своем первом романе — «Арманс, или Сцены из жизни парижского салона 1827 года». Источником вдохновения для него стала неопубликованная рукопись романа «Оливье, или Секрет», автором которого была герцогиня Клер Леша де Керсен, — она прочла его в своем литературном салоне

узкому кругу слушателей, но те оказались недостаточно скромными и распустили об этом слух по всему городу. Писателю Анри де Латушу, поднаторевшему в искусстве мистификации, пришла в голову мысль опубликовать своего «Оливье», близкого к первоисточнику, и ловко выдать его за произведение самой герцогини. Анри Бейль распутал эту интригу и рассказал о ней в одной из своих английских публикаций, но во Франции периода Реставрации роман вызвал скандал — настолько это общество полагало себя преисполненным добродетели.

Год спустя Анри Бейль также взял за основу этот сюжет — невозможность любви из-за физического бессилия, сначала он тоже назвал своего главного героя Оливье, но только в двух частных письмах откровенно обозначил свой замысел. Одно из них — Просперу Мериме: «Импотентов гораздо больше, чем принято считать. Оливье, как все Пустопорожние, силен вспомогательными средствами. <...> Ловкая рука и услужливый язык доставляют живые наслаждения Арманс. К тому же я уверен, что большинство наших юных девиц не знают в точности, в чем заключается физическая сторона брака. Тот род живописи, которому я служу, — живописи черным по белому, не позволяет мне изображать всю правду. Когда-нибудь, в 2826 году, если цивилизация еще будет существовать и я вернусь на улицу Дюфо, я расскажу, как Оливье приобрел красивое португальское приспособление из эластичной резины, которое он умело прикрепил себе к поясу и с его помощью довел до полного экстаза, *почти настоящего* экстаза, свою жену, и таким образом вполне удачно осуществил на деле свой брак — тем более что было это в Марселе на улице Паради [Райской]. Если ты в этой области способен лишь на пустые мечты, но у тебя работает голова и ты даже воспитанник Политехнической школы, как мой Оливье, — вот так ты можешь выйти из положения. Приводить в экстаз рукой — какая дивная перифраза вместо грубого слова...»

Позднее Оливье преобразился в Октава, и в письме к Саттону Шарпу автор тоже признался: «Мой герой Октав — импотент». Прочие современные ему читатели не получили никакой подсказки, чтобы разгадать этот секрет, который в романе постоянно выставляется на вид, но нигде прямо не раскрывается.

14 января 1827 года Анри впервые встретился с Джулией Риньери (родилась в Сиене в 1801 году), воспитанницей официального представителя Тосканы в Париже Даниэлло Берлингьери, с которым он познакомился у Кювье. Девушка явно привлекла его внимание, но пройдет еще три года, прежде чем она действительно займет место в его жизни.

24 февраля «Библиографи де ла Франс» сообщила о поступлении в продажу нового издания книги «Рим, Неаполь, Флоренция». 8 июня «Журналь де Пари», который вскоре перестанет выходить, напечатал последнюю статью Бейля-публициста. Финансовая манна иссякает.

24 июня была уже в который раз восстановлена цензура, и подобная политика Карла X все более начинает внушать презрение литератору Бейлю. Повсюду в стране росла напряженность. «Отвращение к Б. и К. (Бурбонам и Карлу) везде — чрезвычайное. Это как чесотка, от которой каждый хотел бы поскорее избавиться». Бунтарский дух, который он считал уже почившим, снова поднимался в стране. Во время парада, который принимал на Марсовом поле Карл X, многие национальные гвардейцы покинули ряды, чтобы освистать президента Совета Жозефа Виллеля и министра Шарля Пейронне. Братание парижской гвардии с народной толпой еще более подогрело страсти.

11 июня Анри Бейль подписал контракт с издателями Жозефом Бюро и Урбенем Канелем о первом издании «Арманс»: «Книга будет издана на хорошей бумаге, в изящном переплете — один или два красивых тома. Владелец рукописи обязуется завершить правку корректурных листов к 5 июля 1827 года». Автор романа возражал против того, чтобы его имя фигурировало на фронтисписе: «Я хотел бы, чтобы невнятная фамилия „Стендаль“ появилась только в газетах. Не надо идти против обычаев и напускать на себя претенциозность».

Ровно через месяц Анри Бейль получил паспорт. Он предполагал добраться в Нион через Женевское озеро, сесть на пароход в Лозанну и оттуда — на острова Борромео и в Геную. Там, на месте, ему останется только выбрать: отплыть в направлении Ливорно и Флоренции или же — на Неаполь, Корфу и Палермо. Не желая быть связанным какими-либо светскими обязательствами, он сообщил о своих планах только Саттону Шарпу. Сейчас он более чем когда-либо ранее нуждается в одиночестве. 18 июля он узнал печальную новость о смерти своего кузена Марсиаля Дарю: «Я видел, что он становится грузным и бесформенным — из-за злоупотребления афродизиаками». Два дня спустя Анри покинул Париж — этот город перестал занимать его мысли и чувства.

18 августа 1827 года «Журналь де ла либрери» сообщил о выходе в продажу романа «Арманс» — Анри Бейль в это время выехал из Ливорно в Неаполь. Так, во время его отсутствия, в Париже состоялся его дебют как романиста — ему было 44 года. Еще до выхода романа, в конце 1826 года, автора мучили сомнения: «Этот роман слишком *erudito*, слишком ученый. Достаточно ли в нем живости, чтобы заставить очаровательную

француженку-маркизу зачитываться им до двух часов ночи? That is the question». («Вот в чем вопрос» — цитата из трагедии Шекспира «Гамлет». — *Прим. пер.*) И действительно, роман не имел особого успеха у публики, скорее он вызвал у нее недоумение.

22 августа Анри прибыл в Неаполь. Он пишет Адольфу де Маресту: «Лучшее, что было у меня с тех пор, как я вас покинул, — это двенадцатидневное плавание на корабле — и при этом никакой морской болезни». Наконец-то он наслаждается покоем: «В течение двух дней я любовался Портоферрайо, Капо д'Анцо и т. п. Я прожил десять дней на полном пансионе у одного крестьянина в Казамиччия, на острове Искья. <...> Это было чудесно. Каждое утро я ездил в Фуриа или Искью — на осле».

Проведя затем три недели в Риме, 17 октября он прибыл во Флоренцию. Как и в Генуе, где его приветствовало лучшее общество («как в салоне г-на Д[елеклюза] — в основном женщины») и где он познакомился с писателем Алессандро Манцони, здесь, во Флоренции, благодаря посредничеству Джованни Пьетро Вьессье, он свел знакомство с поэтом Джакомо Леопарди и имел возможность побеседовать с Ламартином — тогда секретарем французской миссии. «Здесь проходит много прекрасных вечеров, балов и обедов, и здесь много красивых англичанок — все глупы, как гусыни. Похоже, сюда съехала вся старушка Европа...» Ему посчастливилось также услышать хрустальный голос певицы Джудитты Гризи, которая пела в театре «Кокомо» в опере Чимарозы. Настроение Анри постепенно улучшается: «В итальянском обществе много импровизируют; здесь есть воодушевление, блеск и нет этой французской сдержанности; наоборот — бесшабашное веселье...» 23 декабря в бодром настроении он выехал из Флоренции в Болонью и Феррару — здесь он посетил темницу Тассо.

31 декабря ночью Анри наконец прибыл в свой любимый Милан. Но тут сразу же выяснилось, что в столице Ломбардии он не является желанным гостем. В донесении миланской полиции о нем было сказано: «В ночь на 1 января сюда прибыл француз Анри Бейль на обратном пути из средиземноморской Италии. Этот иностранец, который в империи Бонапарта служил аудитором Государственного совета, известен как автор недоброй славы произведения под названием „Рим, Неаполь и Флоренция“ г-на Стендаля. В нем автор не только провозгласил пагубные политические принципы, но и сильно скомпрометировал клеветническими заявлениями добрую репутацию многих лиц в этих провинциях и других итальянских государствах и даже имел наглость рассуждать самым предосудительным

образом об австрийском правительстве».

Отзывы австрийских цензоров об этой книге Стендаля были не менее категоричны, чем полицейские отчеты: «Рим, Неаполь и Флоренция» — это «собрание безнравственных и похотливых анекдотов вместе с поверхностными и беспринципными наблюдениями за жизнью, но главным образом — оскорбления в адрес австрийского правления в Милане». О его «Истории итальянской живописи» говорилось: «...Автор не только доказывает превосходство античного идеала, но также... предлагает в соответствии с ним „религию художников“ — с целью вменить в вину нашей религии как таковой все пороки, которыми на самом деле ее позорят эгоизм и деспотизм духовенства. Отсюда у него следует, что все богословие абсурдно... что Библия вредна эстетическому идеалу современности... что религия направила живопись по ложному пути... что миссия христианства сомнительна, что итальянские художники достойны сожаления за то, что вынуждены были писать на столь печальные сюжеты, и что религия, которая выводит на первый план божественность властителя, отнимает у него доброту, справедливость и другие добрые качества и оставляет ему лишь мстительность и мрачную жестокость, а потому, заодно уж, лишает всех скульпторов возможности стать Фидиями...»

В Италии первой половины XIX века нельзя было шутить ни с австрийскими властями, ни со священной и неприкасаемой церковью — так что Анри Бейлю пришлось заплатить за свои убеждения: было принято постановление о его высылке. Он вынужден был покинуть Милан в течение двенадцати часов. Это короткое его пребывание в любимом городе оказалось последним: он никогда более сюда не вернется.

От тоски — к возрождению

В Париже путешественник еще не успел распаковать свой багаж, как сразу попал в водоворот литературной жизни. Его близкие словно сговорились высказывать ему свои критические замечания: им в руки попала «Арманс». «Моя „Арманс“ упрекают в слишком прихотливом и возвышенном стиле. Я возражаю: в моем стиле нет ничего смелого и авантюрного... Когда я писал роман, я пребывал в меланхолии... Мое убеждение таково: роман должен представлять собой действие, а не диссертацию, более или менее интеллектуальную, о предметах, занимающих наши мысли». Анри Бейль не из тех писателей, которые огорчаются из-за посторонней критики, но на сей раз — и это было совсем

на него не похоже — он порвал первоначальную рукопись романа, которую в свое время набросал за девять дней: «Я удивлен тем, как мало изменений я сумел внести в текст за четыре-пять месяцев работы». Он спешно принимается за первый акт исторической трагедии «Генрих III», но она останется неоконченной.

Затяжной политический кризис во Франции мог вывести из равновесия кого угодно — тем более того, кто вернулся в нее после шестимесячного отсутствия. 3 января Виллель, осуждаемый всеми, подал в отставку, и было создано новое правительство. Левым было сделано немало уступок; на открытии парламентской сессии 5 февраля Карл X произнес речь в либеральном духе — и все же эта мирная передышка оказалась недолгой.

22 февраля Анри написал Феликсу Фору, который спустя два месяца будет избран депутатом от департамента Вьенн: «Чтобы дать Вам некоторое представление о политическом хаосе, посреди которого мы живем, я просто сообщу Вам новости вчерашние и сегодняшние, утренние. Всего через три дня они будут иметь уже столетнюю давность — ведь что значит для безумца его вчерашний припадок? Никто из людей у власти не умеет думать, никто не знает, что он будет делать через неделю. Так, большой честный министр клянется в Палате пэров, что в стране царит мир, а завтра разражается война». Для Бейля «большинство либеральных депутатов, избранных в этом году, — глупцы: они просто умирают от желания произвести эффект».

Утешением ему служат открытия в мире музыки. «Концерты м-м Мерони божественны, — пишет он Саттону Шарпу, — а м-м Малибран-Гарсия, которую вы знаете, станет величайшей певицей в мире, если не будет злоупотреблять высокими нотами и не истратит раньше времени свои голосовые связки».

В целом Париж принес ему только разочарования: его денежные ресурсы сокращаются, как шагреновая кожа, и в довершение всего военное министерство опять отказало ему в выплате пенсии. Не без труда Анри удается выиграть дело, но у него «нет никаких планов из-за отсутствия денег». Его литературные способности не вызывают сомнений в узком кругу образованных людей, но его книги продаются недостаточно хорошо, чтобы обеспечить ему приличный доход. Не видя выхода из финансового кризиса, он составил в августе и сентябре завещания в пользу Ромена Коломба, Адольфа де Мареста, сестры Полины и Луи Крозе — это говорило о том, что никаких надежд на будущее он не питал. В очередной раз он совсем пал духом. Писательская работа всегда помогала ему

выстоять в житейских неурядицах, но на сей раз запрет на пребывание в Милане стал для него, очевидно, слишком уж грубой пощечиной. В конце 1828 года он жаловался Просперу Мериме: «Сегодня вечером в Милане, Венеции, Генуе, Неаполе и т. д. даются новые оперные представления... я в ярости от этого». Его неумолимо тянет в Италию — и он опять затосковал.

Последние парижские годы Анри Бейля отягчены мрачными мыслями: «В 1829 и 1830 годах меня больше угнетало отсутствие дел и забот, нежели нехватка средств...» Он проводит дни в литературной работе, появляется на спектаклях и в салонах — и старается не обнаруживать свою печаль. Виржини Ансело в письме Саттону Шарпу отмечала: «Г-н Бейль всегда любезен, умен, забавен и весел, тогда как г-ну Мериме достался, судя по его виду, самый печальный удел на свете».

23 января Виктор Гюго опубликовал свои «Восточные стихотворения». Суждение о них Анри Бейля было категоричным: «Г-н Виктор Гюго — человек неординарный, но ему *хочется быть экстраординарным*, и потому его стихи навевают на меня скуку...» Ни лирическая поэзия, ни Восток, бывший тогда в большой моде, не пользуются его благосклонностью — он предпочитает этому стихотворному сборнику Гюго комедию Скриба — «восхитительную маленькую драму, от которой сжимается сердце». Его литературные вкусы определяются: ему становятся ближе Вольтер и Дидро; он отдает предпочтение Роджеру Бэкону — английскому философу, писавшему на латыни, перед Аристотелем: «Философские произведения Аристотеля, Платона, Декарта, Спинозы, Лейбница — это скучные поэмы, хотя и созданные великими умами. Только Бэкон продолжает быть нам интересен. Тех же перечитываешь только из чувства долга и при этом сильно зевая. Если бы сделать из произведений каждого из них резюме в сорок страниц, по возможности более понятное, то его можно было бы прочесть с удовольствием».

6 февраля Альберта де Рюбампре (она чаще проходит в записях Анри под псевдонимом «д'Азур» — «лазурная», так как обитала на улице Голубой), кузина художника Делакруа, становится его любовницей, но спустя шесть месяцев она предпочтет его Адольфу де Маресту. С тех пор отношения двух друзей хотя и не прервутся совсем, но станут несколько отчужденными: Анри, ничего ему не сказав, перестанет посещать кафе «Руан», сменив его на кафе «Лемблен». Но пока Альберта успешно отвлекает Анри от неприятных мыслей и забот.

В начале 1829 года знакомые Анри принимаются хлопотать о нем, так как его положение становится все более непрочным. Так, экс-аудитор Государственного совета Амедей де Пасторе пытается добиться для него

должности в Архивах, которая предоставила бы Анри квартиру в отеле Субиз — в ней он, кстати, мог бы устроить свою сестру Полину. Затем он же пытается получить для него место помощника библиотекаря в Сен-Женевьев. Эдуард Мунье, граф д'Аргу и Пьер Дарю объединяют свои усилия, чтобы найти ему место, дающее средства к существованию. При поддержке кузена и виконта Симеона Анри делает запрос о должности служащего в отделе рукописей Королевской библиотеки. Все эти хлопоты не увенчались успехом. Его подавленное настроение, однако, не помешало ему присутствовать на представлении пьесы «Генрих III и его двор» Александра Дюма-отца, премьеры которой с настоящим триумфом прошла в «Комеди Франсез».

14 марта он подписал контракт с Делоне об издании «Прогулок по Риму»; в нем было сделано уточнение, что книга «должна быть напечатана на столь же хорошей бумаге, как и роман под названием „1572“ автора г-на Мериме». Он полностью погрузился в завершение этой работы, и 5 сентября «Журналь де ла либрери» сообщил о выходе в свет «Прогулок по Риму». «Поскольку публика не смогла понять некоторые объяснения и тонкие теоретические замечания в моих „Истории живописи“ или „Любви“, я поясняю их здесь. „Прогулки“ — легкая книга, не отягощающая ум, и потому вышеназванная публика — несколько простоватая — рискует понять здесь даже то, что напугало ее в предыдущих книгах».

В тот же день в кафе, открыв газету, он увидел в ней сообщение о смерти графа Дарю. «Весь в слезах, я запрыгнул в кабриолет и помчался на улицу Гренель, 81. Я нашел там плачущего лакея и горько заплакал сам. Я корил себя за неблагодарность...» Он тут же принял решение ускорить отъезд в путешествие по юго-западу и югу Франции: «...Я бы умер от горя, посещая этот дом».

8 сентября Анри покинул отель Валуа на улице Ришелье; перед отъездом он, вероятно, имел возможность прочесть благодарственное письмо от Сент-Бёва: «Весьма благодарю Вас за любезную посылку в мой адрес. Ваши „Прогулки по Риму“, как и все другие Ваши произведения, большая радость для меня: я всегда нахожу в них для себя и познания, и развлечение. В них я словно вижу воочию, и с тысячи неожиданных сторон, Италию, которую Вы так хорошо знаете и умеете подать нам с разных сторон. Это счастье, особенно в наше время, читать рассуждения об искусстве — столь свободные и верные. Послав мне свою книгу, хотя я не имею чести быть знакомым с Вами лично, Вы догадались, вероятно, что меня живо интересует все, что выходит из-под Вашего пера, и в этом Вы совершенно правы». Астольф де Кюстин, которому Анри Бейль также

отослал свою книгу, тоже не остался в долгу: «Я не встречал более нигде такого глубокого знания нашего века в соединении со столькими качествами, которых недостает нашему веку и особенно — этой стране».

Анри посетил Бордо, Тулузу, Каркассон, Монпелье, Марсель и Лион; затем он сел на пароход. В Марселе, в ночь на 26 октября, у него возник замысел романа «Красное и черное», и он тут же сделал его первый набросок. Своим рождением этот замысел был обязан двум подлинным событиям, о которых были опубликованы сообщения в «Газетт де трибюн». Первое: осуждение судом присяжных в От-Пирене в марте 1829 года некоего Адриена Лафарга за убийство любовницы. Второе: осуждение двумя годами ранее судом присяжных Изера семинариста Антуана Берте за попытку убийства во время мессы женщины, которая доверила ему воспитание одного из своих детей и затем стала его любовницей.

В конце ноября Анри вернулся в Париж, где уже повсюду ходили разговоры о его «Прогулках по Риму». Он записал в своем «Журнале»: «Непишущие друзья автора более разгневаны поэтической формой, точнее — тем, что есть от поэтической формы в этом произведении, чем всем остальным. Отчасти это объясняется тем, что они в глазах света выглядели бы одураченными, если бы согласились с такой поэтической формой». Он сам прочел «Путешествие из Парижа в Иерусалим» Шатобриана и сурово раскритиковал его: «Я никогда не встречал самолюбования более отвратительного... Я никогда не встречал более отвратительного эгоизма, эгоцентризма, более плоской надутости и даже фанфаронства в описании воображаемых опасностей на море, чем в начале второго тома этого „Путешествия...“, который я открыл сегодня утром, чтобы убедиться в таланте г-на Шатобриана. Вместо того чтобы изучать страну, он везде говорит „я“, „мне“ и всячески демонстрирует маленькие находки своего стиля».

3 декабря Анри Бейль закончил свою «Ванина Ванини», новеллу, написанную в том же духе, что и «Прогулки по Риму», — это был подлинный прообраз его будущих шедевров. Он начал также «Мину де Вангель», которую предполагал развернуть в целый роман, и одновременно продолжает активно работать над «Красным и черным».

«Ла ревю де Пари», учрежденный в августе 1829 года Луи Дезире Вероном, в своем номере от 13 декабря напечатал «Ванину Ванини». 25 декабря Анри прочел Просперу Мериме начало новеллы «Сундук и привидение». «Мина де Вангель» оставлена как «малопригодная для французской публики»: он полагает, что жанр романа как таковой не соответствует духу времени. «Отсутствие вкуса является причиной того,

что вульгарная публика не интересуется романом — она его просто не чувствует. В 1829 году французскую литературу губит *грубость*. Шарлатаны от литературы предлагают сюжеты на потребу буржуа, которые, достигнув уровня доходов в 8000 франков, начинают понемногу уже „потреблять“ и книги, а соответственно, и высказывать свое мнение о литературе, хотя еще толком не имели времени выработать это мнение. Кроме того, как священники вредят настоящим философам, так всякие Оже вредят настоящим литераторам. Поэтому и читаются в основном книги таких Оже — вместо честно написанных книг».

Он еще раз возвращается к своему «Летелье», одновременно работает над романом «Красное и черное», новеллами «Сундук и привидение» и «Фильтр» — и в результате чувствует «нервное переутомление».

23 января 1830 года уже известный литератор Анри Бейль в первый раз встретился с Сент-Бёвом и Виктором Гюго у Проспера Мериме. Сент-Бёву он напишет, по прочтении его «Утешений»: «Я полагаю, что Ваше литературное призвание очень велико, но в Ваших стихах я нахожу некоторую излишнюю аффектацию. Мне бы хотелось, чтобы они более походили на стихи Лафонтена. Вы слишком много говорите о величии». Анри не научился и никогда не научится говорить пустые комплименты. Самолюбивый Сент-Бёв, автор известных «Бесед по понедельникам», еще припомнит ему это.

27 января «нервное переутомление» было развеяно: в жизнь Анри свежим ветром внезапно ворвалась любовь — оттуда, откуда он ее совсем не ждал. Она пришла в лице Джулии Риньери, которая сделала ему неожиданное признание в любви. «Но мой здравый смысл подсказал мне замечательный ответ: „Я люблю Вас через два месяца, когда буду *уверен* в Вашей любви“». События развивались стремительно, и по горячим следам он записал, что 3 февраля она повторила свое признание: «Стоя перед ним и обнимая его голову — „я сама хорошо знаю, что ты стар и уродлив“, — она поцеловала его». 22 марта они стали любовниками. В этом промежутке времени Анри получил известие о смерти своего дяди Ромена Ганьона, случившейся 29 января, и дописал свою «Мину де Вангель». Любовь Джулии оказалась для него благотворной: «Я был совершенно счастлив. Наверное, это слишком сильно сказано — во всяком случае, почти совершенно счастлив в 1830 году, когда писал свое „Красное и черное“».

25 февраля Анри присутствовал на первом представлении драмы Виктора Гюго «Эрнани». Гюго отказал Мериме в том, чтобы предоставить ложи на это представление его друзьям, и Мериме выкупил места на

балконе. Возле оркестровой ямы молодые романтики под предводительством Теофиля Готье взялись грудью отстаивать пьесу против нападков буржуазной публики, защищавшей классические традиции. Так завязалась знаменитая «битва» вокруг «Эрнани». Анри позднее даже поссорился с Виржини Ансело, обвиняя ее в том, что она заняла позицию против этой пьесы, хотя она это отрицала. Но он нигде не упомянул ни об этом легендарном для театра событии, ни о знаменитой театральной войне, которая каждый вечер выливалась в настоящее побоище. Он только написал своей приятельнице Жюли Гольте, просто Жюли, — одной из сестер Ружье де ла Бержери: «Шампанское и „Эрнани“ мне не пошли». Однако в своих дневниках он отметил в связи с этим: «Ханжество и скука высшего общества. Здесь не отказывают себе в удовольствиях, только если они удовлетворяют их тщеславие. Обычно думают, что скука — это беда, которая приходит из внешнего мира. Им не хватает ума понять, что скука происходит изнутри — от ограничений, навязываемых собственным крайним тщеславием. Эти люди большого света посещают по две оперы ежедневно, но прошло уже 18 представлений „Эрнани“, а они умудрились так и не посмотреть эту пьесу». Мир салонов нагоняет на него скуку, и он охвачен жестоким чувством бессилия перед его недоброжелательством: «Самые мягкие люди, будучи знакомы со мной полгода, не пожалели бы шести франков, чтобы увидеть, как я свалюсь в яму, полную грязи, перед тем как войти в их салон».

8 апреля Анри Бейль — Стендаль — подписал договор с книгоиздателем Альфонсом Левавассером о публикации романа «Красное и черное», которому он сначала предполагал дать название «Жюльен». «Ларевю де Пари» в своем майском выпуске напечатал новеллу «Сундук и привидение», в июне он же напечатал «Любовный напиток».

25 июля Карл X подписал четыре ордонанса, которые и ускорили его падение. Первый ордонанс ограничивал свободу прессы, второй объявлял роспуск палаты депутатов, третий объявлял созыв избирательных коллегий, четвертый вносил изменения в избирательную систему. Оппозиция сразу же сделала заявление о государственном перевороте, восстали журналисты с Адольфом Тьером и Шарлем де Ремюза во главе, а два дня спустя без разрешения вышли четыре оппозиционные газеты. Были конфискованы газетные выпуски, выданы многочисленные мандаты на аресты. Протест нарастал — это было начало восстания. В простонародных кварталах начали выворачивать из мостовых булыжники и строить баррикады. Толпа с трехцветными знаменами в руках захватила центр Парижа. Начались яростные стычки с войсками генерала Мармона. 29 июля город оказался в

руках восставших. Войска разошлись, Лафайет был поставлен во главе Национальной гвардии, вожди либеральной оппозиции Жак Лаффит и Казимир Перье расположились в Отель-де-Виль. На следующий день злополучные ордонансы были отменены.

Анри наблюдал эти события вблизи: «Я был в восторге от этих июльских дней. Я наблюдал перестрелку из-за колонн „Комеди Франсез“ — с этой стороны было вполне безопасно». Он комментировал в письме Саттону Шарпу: «...28 июля в уличной толпе на сотню человек без курток и чулок приходился лишь один прилично одетый человек. Последняя каналья чувствовала себя исполненной героизма и самого высокого благородства после сражения». «Три победных дня» положили конец Реставрации. 2 августа Карл X объявил о своем отречении. Со следующего же дня Анри начинает осаждать префектуру.

9 августа герцог Орлеанский из младшей ветви Бурбонов нарекает себя Луи Филиппом I, королем Франции. В историю входит Июльская монархия: это победа буржуазного сословия над «благородной» кастой и конец альянса трона с церковью. 11 августа было образовано новое правительство, и Анри сразу же обратился к графу Моле, который только что был назначен министром иностранных дел, с просьбой предоставить ему место генерального консула в Неаполе, Генуе или Ливорно. Его ходатайство поддерживали Сара Ньютон, супруга Виктора Дестута де Траси, сына философа, и его друг Доменико Фиори, близкий к министру. Падение режима Реставрации оказалось благоприятным для Анри Бейля: ордонансом от 25 сентября 1830 года он был назначен консулом в Триест. В письме графа Моле говорилось: «...Нужды службы требуют... чтобы Вы заступили на свой пост как можно быстрее, и я предписываю Вам отправиться туда немедленно. <...> Я посылаю извещение о Вашем назначении в посольство Франции в Вене. Г-н Швебель, уполномоченный нашего Короля в этой столице, получит экзекватуру австрийского правительства и передаст Вам этот документ непосредственно в Триесте». 6 ноября Анри сделал предложение Джулии Риньери, получил витиеватый отказ от Даниэлло Берлингьери, приемного отца молодой женщины, и после этого отбыл на австрийскую территорию.

13 ноября «Журналь де ла либери» сообщил о выходе в свет романа «Красное и черное. Хроники XIX века» г-на Стендаля. В сообщении было отмечено, что это психологический роман, но в то же время и политическая хроника и что он «претендует на описание Франции, какая она есть в 1830 году». Из-за «Красного и черного» прольется много чернил. Сюжет роман был построен на подлинной истории судебного процесса над Антуаном

Берте, но писатель позволил себе пойти гораздо дальше — он дал сатиру на учреждения и нравы своего времени, и это оскорбило читателей. Его стилистические приемы, весьма оригинальные для того времени, обескуражили многих читателей: слишком уж велик был ужас автора «перед длинными торжественными фразами властителей умов 1830 года», этим ужасом перед велеречивостью и объяснялись особенности стэндалевского стиля — «краткость, отрывистость, импульсивность, жесткость». Жюльен Сорель, это «дитя века», восстал против несправедливого общества, не отступив даже перед гильотиной, — и не понравился публике. Автора упрекали за открытость высказанных им суждений, за этот его хищный персонаж, циничный и аморальный, — репутация Сореля сразу установилась именно такой. И тогда же, в день выхода в свет «Красного и черного» Стэндаля, жизнь Анри Бейля сделала крутой поворот: он угодил в административную колею.

КОНСУЛЬСКИЕ ГОДЫ. 1830–1842

Изгнание из Триеста

Невезение новоявленного консула началось в Милане: его паспорт был задержан Генеральной дирекцией полиции, несмотря на то что он благоразумно не стал визировать его перед своим отбытием из Франции, чтобы лишний раз не привлекать к себе внимания. Хотя он и старался обойти стороной ломбардскую столицу, его приезд в Италию не остался незамеченным: Анри Бейль по-прежнему был персоной нон грата на австрийской территории. Официальные лица в Вене, которые еще хорошо помнили злокозненный характер его писаний, были настроены к нему крайне враждебно. Только вмешательство барона Денуа, генерального консула Франции в Милане, позволило этому «нежелательному лицу» продолжить свой путь, не будучи сразу категорически отвергнутым.

«Странное зрелище: небо над морем справа — какая-то невероятная глубина. Огни. Триест!» Это был главный город всей итальянской торговли — с девятью сотнями кораблей и внушительным каботажом. Анри отметил, что Триест — очень активный город и что в нем «уличные мостовые самые красивые в Европе».

25 ноября Анри Бейль был готов принять руководство своим консульством. Но он еще не получил официального разрешения приступить к своим обязанностям и должен был ждать подтверждения от австрийского правительства. И вот 4 декабря «Журналь де деба» сообщил о запретительной мере, которая была принята против кандидатуры Бейля князем Клеменсом де Меттернихом: ему было отказано в экзекватуре. В Париже раздались голоса протеста. До самого заинтересованного лица эта новость дошла только через десять дней. Его судьба отныне находилась в руках генерала Мэзона — нового посла Франции в Вене. Предполагаемому консулу следовало проявить терпение. Он ведет себя умеренно и осторожно, но умирает от холода и скуки: дует сильный борей, а город слишком тих для него. Большой театр и два салона, в которых он принят, удовлетворяют его тем менее, что он чувствует себя здесь проезжим. Ему оставалось довольствоваться лишь письменным общением — причем письма приходили с задержкой и вскрытыми. Солидные французские газеты сюда вообще не приходили, и он вынужден был черпать новости из бульварных листков. Поскольку читать было нечего, он сделал набросок

плутовского рассказа «Еврей», но ему отчаянно не хватало вдохновения — похоже, дух творчества, владевший им во время написания «Красного и черного», уже иссяк. Играло свою роль и то, что отныне он мог писать лишь для собственного удовольствия: ему не было нужды публиковаться, чтобы зарабатывать деньги на жизнь, и потому не было необходимости заканчивать рукописи, потому все последующие годы его консульства будут отмечены длинной чередой едва начатых набросков и неоконченных рассказов.

Первое время его жизнь за границей была полна разочарований: «На всей моей жизни лежит отпечаток моего обеда: мой высокий ранг предполагает, что я должен обедать в одиночестве. Это первая незадача. Вторая: мне подают двенадцать блюд. Это огромный каплун — его невозможно разрезать даже великолепным английским стальным ножом, который стоит здесь дешевле, чем в Лондоне. Это превосходная морская рыба, которую только забыли приготовить, — так принято в этой стране. Это бекас, застреленный накануне: его сочли бы сгнившим, если бы он пролежал два дня. Мой рисовый суп — это семь-восемь чесночных колбасок, которые *сварили с рисом*, и т. п. и т. д... Я отравлен до такой степени, что вынужден спасаться, употребляя яйца всмятку. Я сделал это полезное открытие восемь дней назад и очень им горжусь».

20 января, не выдержав, он отправился паровым пакетботом в Венецию и вернулся оттуда только 19 февраля. В Блистательной было полно просвещенных салонов, в которых вращалось немало его старинных знакомых; здесь он имел всего вдоволь, и Софи Дювосель рекомендовала его графине д'Альбрицци — у нее собирался весьма изысканный космополитический кружок. Все более подозрительный в глазах властей, кандидат в консулы здесь тоже оказался под пристальным наблюдением, и его малейшие перемещения отмечались полицией.

11 февраля министр иностранных дел решил судьбу Анри Бейля: «Желая обеспечить присутствие нашего консула в Чивитавеккье и будучи осведомлены об образованности, честности, усердии и верности своему долгу г-на Мари Анри Бейля, мы избрали его для исполнения вышеозначенных обязанностей». Его «голгофа» в Триесте завершилась, но эта начальственная милость кажется ему жестокостью: ведь Чивитавеккья — «это ужасная дыра». Ну что ж, если хочешь иметь верные доходы — надо расплачиваться своей свободой. Несмотря на то что сумма его жалованья теперь значительно уменьшена — перемена места назначения обернулась потерей пяти тысяч франков, — хлеб насущный ему теперь обеспечен. Он сразу написал графу д'Аргу: «По крайней мере, у консула,

живущего в Чивитавеккье, всегда есть возможность посетить Рим». Он не собирался обманывать или притворяться, прекрасно зная заранее, что в полном соответствии с собственной философией — «бейлизмом» — не сможет усидеть на месте всего в 14 лье от столицы Латиума и ее музеев. А пока он ждет в Триесте прибытия своего преемника — это лицо, близкое к Лафайету, тоже снискавшее немилость австрийского правительства за активное участие в июльских событиях. Покинув Триест 31 марта, Анри Бейль прибыл к месту назначения 17 апреля: явно не торопясь к месту службы, он «заглянул по дороге» в Венецию, Падую, Феррару, Болонью и Флоренцию.

Тем временем ненависть к австрийскому абсолютистскому режиму росла, и вскоре весь север Италии был охвачен волнениями. Анри использовал свой проезд по бунтующим территориям, чтобы регулярно отсылать начальству соответствующие доклады о настроениях в обществе. Надеялся ли он таким образом войти в милость к администрации Луи Филиппа? Его политические депеши произвели самое дурное впечатление в министерских кабинетах — до такой степени, что Софи Дювосель поторопилась призвать его к осторожности: «Во имя неба, будьте благоразумны и не пишите ничего о флорентийских делах, в которые Вам не положено совать нос. Вам достаточно указать, сколько флотов заходит в Чивитавеккью, сколько кораблей оттуда выходит, остальное Вас не касается! Вы намерены когда-нибудь исправиться? <...> Я хотела бы только — и это в Ваших интересах, — чтобы Вы были разумны, сдержанны, одним словом — более дипломатичны, хотя бы не со мной, если уж Вам так хочется, но с другими! Пишите только Вашим друзьям и занимайтесь только тем, что входит непосредственно в Ваши обязанности».

Мрамор Рима — вместо папской гавани

Вскоре Анри Бейль получил экзекватуру от кардинала Бернетти, который хотя и был сильно предубежден против него, но не желал дипломатических осложнений. Новый консул Чивитавеккьи тут же направил директивы тринадцати вице-консулам и их агентам, находящимся в его ведении, — он призывает их к максимальной точности в политических сообщениях: «В случае, если у вас есть для меня сообщения в этом роде, я обязываю вас четко подразделять их на три вида: 1) то, что вы видели сами 2) то, о чем говорится между разумными людьми 3) городские слухи, проще говоря — сплетни. Мы убедились во время

последних волнений, как искажаются сведения, переходя из уст в уста. Нужно, чтобы Е. С. [его сиятельство] г-н министр иностранных дел по поводу каждого события получал верное сообщение от того агента, который ближе всего к месту события». Анри Бейль использует навыки и привычку к дисциплине, усвоенные им в годы своего интендантства времен Империи. Полный решимости явить безупречную добросовестность, он выполняет свои обязанности со рвением.

На первое время он расположился в комнатах, которые были предоставлены ему в трактире «Кампана», но вскоре переселился на второй этаж дома Бенедетти на площади Кампо Орсино, с видом на море, и заказал пересылку сюда своих книг, рукописей и любимого кресла, обитого черной кожей.

Его вечернее времяпрепровождение в Чивитавеккье оказалось совсем не похожим на миланские развлечения. Это был маленький городок с семьёю с половиной тысячами жителей, из которых четыре тысячи были рыбаки и поденщики. Единственный порт папских земель, Чивитавеккья не имела ничего, даже отдаленно напоминавшего светское общество: «Эта дыра еще более уродлива, чем Сен-Клу. Возможно, потому, что папа, говорят, совсем разорен».

Анри подружился с антикваром Донато Буччи, который «занимается раскопками — извлекает из земли этрусские или греческие вазы и исследует погребения», а также с археологом Пьетро Манци — оба они откровенные либералы. Папская администрация, которая злобно косилась на занятие должности консула этим писателем, явным безбожником, сильно встревожилась по этому поводу. Враждебность к церкви, замеченная еще в давнишних писаниях этого подозрительного лица, побуждает святых отцов подозревать в нем опасного агента-provokatora: «...Сведения о подчеркнуто либеральных убеждениях Анри Бейля не являются пустыми измышлениями. Он высказывает их во всех своих речах и разговорах с известными людьми, чтобы приобщить их к новым веяниям...» Малейшие его слова и поступки оказываются под надзором, и он вынужден удвоить осторожность в своей переписке. В частности, его почерк неслучайно становится все менее разборчивым.

Анри уже успел съездить в Рим и найти там себе союзника в лице посла Франции Луи де Бопуаля, графа Сент-Олера, который принял его у себя во дворце Колонна вместе с директором Французской академии в Риме Орасом Верне. Проспер Мериме заверил своего друга Анри в благожелательности этого нового его покровителя, но при этом не скупился на советы: «...Во время обеда не пользуйтесь этой портативной

гильотиной, которой вы обычно колете сахар, перед тем как положить его кусочки в кофе». Время парижских свобод миновало, и теперь убежденный либерал Бейль должен был постоянно жить с оглядкой.

Публикация «Красного и черного» вызвала множество откликов, но автор снисходил до защиты своего произведения только в небольшом кругу близких друзей, среди которых Сара Ньютон де Траси, Софи Дювосель, Альберта де Рюампре, Марест и Мериме. В Чивитавеккье же вступать в споры было вообще не с кем. Альфонс Левавассер признался ему, что затрудняется свести воедино разнообразные отзывы о романе, критические и хвалебные, которые он слышит в Париже, но сообщил, «что язык „Красного и черного“ одобрен всеми без исключения — он приводит в восторг и отчаяние людей с претензиями на писательство; что все наблюдения верны и изложены так сильно и точно, что восхищают как литературных знаменитостей, так и людей самого грубого или пресыщенного вкуса. <...> К этому Ваш издатель присоединяет свое личное мнение: что успех был огромен, весь тираж распродан, что он просит Вас написать еще один роман и что *сама публика* — обратите на это внимание, месье, — говорит его устами». В других условиях «г-н Стендаль» сразу же взял бы в работу какую-нибудь начатую рукопись, но здесь, в Чивитавеккье, в одиночестве и подавленном настроении, он не откликнулся на этот призыв.

Прошел всего лишь месяц, а тоска, которой он так боялся, уже настигла его: мелочи торгового дела и вопросы навигации не могли надолго занять его ум: «Самая дрянная книжонка за пятнадцать су, которую бросают на набережной, была бы драгоценностью для меня в этом африканском углу». Тоскующий чиновник заболел. Ему были наложены нарывные пластыри: один на грудь, другой на бедро, и он некоторое время даже не мог ходить.

Когда Лизимак Тавернье, помощник хранителя печати в консульстве, к тому же либерал, предложил консулу свои услуги, тот сразу согласился, несмотря на предостережения барона де Во, своего предшественника. Надеясь на выгоду, которую он мог извлечь из данной ситуации — проще говоря, иметь возможность удирать отсюда, — он решил способствовать продвижению своего подчиненного. Между ними был заключен молчаливый союз. Типичный карьерист, надеющийся на быстрое повышение по службе, Лизимак Тавернье будет тянуть на себе ярмо консульских забот, тогда как его начальник займется более благородными делами. На тот момент у Анри Бейля оставалось только одно кредо: нет такого падения, за которым не следует подъем.

Он еще не долечился, но прописанный ему опиум снял боли, и он едет выздоравливать в Альбано, на берег озера. Он читает там Тита Ливия и находит, что тот чрезмерно превозносит сенат, но больше всего наслаждается свежестью и покоем.

30 июля, все еще слабый, Анри Бейль расположился на квартире в Риме, в районе площади Испании, вместе с женевским художником Абрахамом Константенем, с которым познакомился еще во времена Реставрации у барона Жерара. 9 августа он написал своему заместителю: «В четверг я еду в Сиену и проведу там двенадцать дней. Не говорите никому об этом маленьком путешествии». Анри Бейль, как и прежде, считает излишним просить разрешения на отсутствие у своего начальства. Три дня спустя он уже был в Сиене.

Все время с 17 августа по 11 сентября консул провел во Флоренции, где опять усердно посещал кабинет Вьессье. Он возвратился к своим обязанностям в Чивитавеккье во второй половине сентября, — но служба не помешала ему написать новеллу «Сан-Франческо-а-Рипа». Желая знать обо всем, что происходит во Франции, он жалуется на нерегулярность, с которой получает газеты: «Эти задержки, которые не столь важны для частного лица, весьма значительны для официального лица, которое должно быть в курсе того, что происходит у него на родине...»

Вскоре он опять едет в Рим и там вместе со своим другом Константенем любит красотами — античными и современными. Если он лишен здесь музыкальных удовольствий (Рим для него — немusical city), по крайней мере, здесь есть доступ к другим видам искусства. В декабре они вместе переезжают в центр города, в палаццо Кавальери, рядом с театром «Арджентина».

Таким образом, консул Бейль гораздо больше времени проводит за пределами Чивитавеккьи, чем на своем консульском месте. Его мало беспокоят подозрительное раболепие его «заместителя» и оплошности в работе, которые тот допускает, лишь бы сам он мог беспрепятственно наслаждаться своей вновь обретенной свободой.

Итак, консул продолжал путешествовать в свое удовольствие. 28 декабря он сопровождал Адриена Жюссье в Неаполь и наблюдал там поток лавы шириной восемь-десять футов, излившийся при извержении Везувия: «За минуту лава выливается на два туаза (старинная французская мера длины, 1 туаз = 1,949 метра. — *Прим. пер.*); за все извержение она выливается на шестьсот-семьсот туазов. Если бы так продолжалось постоянно, то она угрожала бы даже *Резине*, но выбросы всегда через некоторое время прекращаются. В кратере находится „сахарная голова“,

которая каждые пять минут выбрасывает раскаленные камни. Г-н де Жюссье захотел добраться туда и превеликолепно ободрал себе руки и лодыжки, пробираясь по ровному месту, усеянному твердыми кусками лавы, которые крошатся под ногами. Подъем ужасен — это тысяча футов пепла, и склон идет круто вверх — не менее чем под сорок пять градусов».

Он восхищается мозаикой «Битва Александра», которая несколько месяцев назад была найдена и расчищена в Помпеях, покупает мраморную голову — предположительно изображающую Тиберия, и находит Неаполь «более шумным и крикливым, чем всегда. Он являет собой ужасающий контраст с Толедо, более оживленным даже, чем улица Вивьен (здесь не столько *проходят*, сколько *стоят*), и с мрачным Римом».

В Рим консул вернулся 22 января 1832 года, а в свою Чивитавеккью — только 14 февраля. Кочевой образ жизни оказался приятным способом примириться с пребыванием в административном аду. Но он, похоже, забросил даже слабые попытки вернуться к литературному творчеству.

Свобода, милая свобода

За «холерой морбус», растекающейся по стране, и санитарными мерами, распространяющимися на все торговые перевозки, последовали очередные повстанческие волнения. Вслед за восстаниями в Романье и отправкой папских войск в Болонью венское правительство, по просьбе папы Григория XVI, вновь оккупировало город. Информированный о сложившейся политической ситуации и вторжении Австрии на итальянскую территорию, Казимир Перье в ответ 22 февраля 1832 года отправил французский экспедиционный корпус для занятия Анконы. «Вот уже пятнадцать дней как мы находимся в забавном положении, — писал Анри своему другу Доменико ди Фиори. — Каждую четверть часа все может поменяться». Консульство в Анконе приобрело особое значение, принимая во внимание последние события, граф де Сент-Олер временно перевел туда консула из Чивитавеккьи: «Административные и политические проблемы, которые обязательно возникнут здесь при введении французских войск, требуют деликатности и умеренности, а также принятия соответствующих мер и личного доверия, чему вряд ли может соответствовать случайно назначенное лицо. Никто не может лучше, чем Вы, месье, оценить обстановку и выполнить эту миссию, черпая силы в Вашем усердии на службе правительству».

Эпидемия холеры добралась до Парижа: там уже были отмечены

первые случаи заболевания. 6 мая Анри Бейль спешно отбыл к месту назначения. Но прошла всего неделя — и он уже обратился с просьбой освободить его от обязанностей, которые он был вынужден взять на себя ради блага службы:

«...Эти обязанности ставят меня в большое затруднение. Как помощник военного интенданта, я должен подтверждать своей подписью документы, в которых я ничего не понимаю. <...> И наконец, я нахожусь здесь среди местных чиновников и военных лиц, которых я не имею чести знать. Функции помощника интенданта и финансового лица понижают мое официальное положение в сравнении с консульским».

В конце мая ему было разрешено вернуться на свой пост, и он отправился в Рим до 5 июня.

Папская администрация оказалась неутомимой в мести, она не оставила попыток избавиться от недружественной ей персоны — консула Бейля. Консул Чивитавеккьи был обязан сохранением своей должности только порядочности графа Сент-Олера. Он писал графу Себастьяни: «... Меня прозондировали на предмет отставки г-на Бейля, консула Франции в Чивитавеккье. Я ответил, что, несмотря на желание соответствовать пожеланиям, я не пожертвую человеком, которого мне не в чем упрекнуть в части выполнения им его обязанностей. Действительно, я нахожу, что с учетом местных условий выбор г-на Бейля был неудачен, но с тех пор, как он находится на этой должности, им не было допущено никаких ошибок, насколько мне известно, и моя совесть требует, чтобы я принес вам это свидетельство в его пользу...»

Известия о парижской жизни Анри получал лишь из писем или французских газет. Он тосковал и даже отметил в «Журнале»: «Я не пишу в Париж, потому что хочу быть забытым и окончить жизнь в этом своем маленьком порту...» Его корреспонденция касалась лишь текущих дел, тем более что доставка писем была сильно затруднена из-за санитарных мер. 16 мая сам Казимир Перье умер от холеры. Ужас от быстрого распространения эпидемии дошел в столице до предела. Жюли Гольтье сообщала об этом Анри: «Можно быть более уверенным в своем добром здоровье, разве что находясь на поле битвы в самый разгар сражения...» Она же умоляла Анри вернуться к литературе: «Сделайте что-нибудь к моему вящему удовольствию. Вы создали романтизм, но Вы создали его чистым, естественным, очаровательным, забавным, наивным, интересным, а у нас его превратили в вопящее чудовище. Создайте же еще что-нибудь».

22 мая консул Бейль сделал запрос об отпуске под тем предлогом, что семейные дела требуют его присутствия в Гренобле. Отпуск в принципе

был ему предоставлен, но с отсрочкой, так как он еще не привел в порядок финансовую отчетность по Анконе для Морского министерства.

Тем временем, чтобы занять себя чем-то, 20 июня он принимается за свои «Воспоминания эготиста»: «Я развлекаюсь тем, что описываю хорошие моменты моей жизни. Затем я, возможно, поступлю как с блюдом вишен — опишу также и плохие моменты: свои оплошности и эту свою вечную беду — не нравиться тем, кому я особенно хотел нравиться...» Отдаваясь произвольному течению мысли, он начинает это второе из своих сугубо интимных произведений с описания конечной стадии своих отношений с Матильдой Дембовски и прерывается на описании первого визита к Этьену Делеклюзу — это целая череда портретов, размышлений и житейских историй: «Книга с таким сюжетом — как все прочие: если она скучна, ее быстро забудут. Я опасался, что, описывая счастливые моменты жизни, анатомируя их, я лишу их очарования. Чтобы этого не случилось, я их опушу. Дух поэзии умер — сегодня в мир пришел дух подозрения. Я глубоко убежден, что единственным противоядием для читателя от этих вечных „я“, которыми злоупотребляет автор, может быть только полная искренность».

Он утверждает в первых же строках, что ему не хватило бы смелости писать, если бы он не имел в мыслях, что эти страницы должны когда-нибудь быть напечатаны. Впрочем, такая открытость читателю не мешает ему предупредить книгоиздателя Дюпюи: «Я принял решение ничего не публиковать, пока я нахожусь на государственной службе. Мои писания имеют несчастное свойство опровергать тот вздор, который многие кружки в обществе хотели бы выдать за правду». Его государственная служба ему вовсе не нравится, но более всего ему не хотелось бы ее лишиться. К тому же его творческая сила — вроде огня, который гаснет при малейшем порыве ветра: 4 июля он прервал написание «Воспоминаний эготиста» и никогда более к ним не вернулся.

10 августа консул отправился в Порто-Эрколе, предварительно предложив кандидатуру Лизимака Тавернье (по его просьбе) на должность вице-консула без содержания. На следующий день он был уже в Сиене. Спустя шесть дней он остановился в «Швейцарском отеле» во Флоренции и вновь записался посетителем в кабинет Вьессье. Он прогуливается по улицам города, посещает бани и кафе и ведет беседы с поэтом Джакомо Леопарди. Полиция организовала за ним слежку почти не скрываясь, и он в конце концов это заметил. Совершив экскурсию в Лукку, он вернулся на свой пост 2 сентября.

Начиная с 19 сентября консул-литератор работает над романом

«Общественное положение», в котором выводит на сцену не только дипломатические круги Рима и их политические козни, но еще и жену французского посла, на которую он имел некоторые виды: «Жена моего шефа любит миниатюру, а я пишу маслом, поэтому я не слишком преуспел в ее глазах...» Впервые после «Красного и черного» он испытал то, что можно назвать, хотя бы с натяжкой, творческим порывом: он написал сразу целых 14 страниц.

25 сентября Анри Бейль снова сделал запрос о месячном отпуске. 6 октября он оставляет рукопись «Общественного положения» и едет на 13 дней в Альбруццо. Потом будет еще несколько попыток вернуться к роману и даже будут сделаны некоторые исправления, но вдохновение уже не вернется. Напрасно Альфонс Левавассер упрашивал его прислать роман или хотя бы сборник интересных наблюдений, Анри не поддался на уговоры: он принял нелегкое решение хранить молчание и не намерен был от него отступать. Он завещал рукопись «Воспоминаний эгоиста» Абрахаму Константену с указанием напечатать ее не менее чем через десять лет после его смерти; он также завещал ему роман «Общественное положение», уточнив: «с просьбой не публиковать его до 1880 года».

16 октября герцог Виктор де Брогли, только что заменивший генерала Себастьяни в Министерстве иностранных дел, предоставил консулу Бейлю «месячный отпуск, необходимый для улаживания семейных дел». Некоторое время у Анри заняли распоряжения по консульству; затем были короткая поездка в Рим и возвращение в Тоскану: сначала в Сиену, куда приехала Джулия Риньери со своим приемным отцом, а затем — во Флоренцию, где посещения литературного кабинета Вьессье уже стали для него необходимостью. Если бы он был совершенно свободен в своих передвижениях, то проделывал бы по 100 лье в месяц. В донесениях сыщиков было указано, что он посетил адвоката Винченца Сальваньоли д'Эмполи и что он принимал все меры к тому, чтобы избавиться от слежки.

Вернувшись в Рим 5 декабря, Анри познакомился там с историком и литератором Александром Тургеневым, с которым провел несколько лучших дней своей жизни.

10 и 11 декабря он составил другое завещание в пользу Абрахама Константена.

Год 1832-й, в который консул Бейль более всего блистал своим отсутствием в Чивитавеккье, завершился для него известием о трагической смерти Виктора Жакемона в Бомбее.

Когда любовь подает в отставку

«Г-н Бейль» решил не допускать более неосторожности, живя в обществе, столь мало способном к восприятию иных идей: «Я надеюсь, что со временем стану столь же глуп, сколь и мой предшественник», и по этой причине теперь был совершенно раздавлен скукой. Постепенно гасла и любовь: Джулия не подавала более признаков жизни. Его подозрения росли, он пытался угадать различные причины ее молчания, за исключением одной: что она может полюбить другого человека. Зато в Риме он обнаружил интересные старинные итальянские манускрипты и взялся за их перевод.

23 января, накануне своего пятидесятилетия, он отправился в Сиену — в третий и последний раз. 1 апреля Джулия наконец приоткрыла тайну того, что происходило в ее душе: «...Я познакомилась с человеком, любезным и дорогим моему сердцу, и чувствую, что он может стать опасен для меня, если я буду чаще с ним видеться... <...> Дорогой друг, не обижайтесь на меня за мою искренность, Вы сами часто говорили мне, что любите, когда я открываю Вам свое сердце: ну что ж, это сердце сейчас в большой опасности...» Понимая, что его-то самого она уже вытеснила из своего сердца, он ответил ей с деланным безразличием: «Ну что же, будем теперь лишь друзьями». Но боль от этого расставания сильно его обожгла.

Лишенный общения с Александром Тургеневым, который покинул Рим, литератор снова погружается в итальянские манускрипты. Теперь он счастлив только в работе, но в то же время, охваченный потребностью рассеяться, снова подумывает о побеге. Он и устроил его себе с 20 мая по 6 июня: сначала в Ливорно, потом во Флоренцию, где за ним по-прежнему следили.

16 июня близкий друг Анри Абрахам Константен также покинул Рим; спустя восемь дней Джулия вышла замуж — в общем, Рим стал могилой его чувств: «Мне более не дано услышать что-нибудь, что меня удивило бы. Я думал, что смогу жить прекрасным, и только им, — но это оказалось для меня невозможным. Два года такой жизни доведут меня до полного истощения». Он испытывает потребность в живых беседах, которые не уподобляются официальной церемонии, и сообщает Доменико Фиори, что всего лишь месяц пребывания в Париже на целый год вернул бы ему возможность свободно дышать: «Если я поеду в Париж, то проведу там всего лишь дней тридцать и двадцать пять раз схожу в театр. Я посещу лишь салон мадам де Траси и очень постараюсь не выставлять наружу весь

тот ум, о котором вы говорите, причем эти усилия не будут мне тяжелы: мысль о недоброжелательстве людей меня леденит. С другой стороны, жизнь не стоит на месте: я прожил уже полвека, так стоит ли умирать от скуки из-за избытка осторожности? Мне так немного осталось, что не стоит лишать себя удовольствия из-за такой маленькой, совсем пустячной опасности».

Проведя несколько дней в Неаполе, 25 августа Анри собрал чемоданы. Незадолго до его отъезда бесконечно преданная ему Сара Ньютон де Траси подтвердила, что провела настоящее расследование, чтобы убедиться, что никто в Париже ничего не предпримет против него. Уже 11 сентября, успокоенный, он вновь окунулся в столь знакомую ему парижскую жизнь.

Его парижские приключения затянулись на три месяца вместо одного — здесь он чувствовал себя свободным как ветер. Он остановился в отеле Валуа на улице Ришелье; у него не было времени читать, а тем более — писать. Он возобновил прежние знакомства и заводит новые. Он отдает себе отчет в тех изменениях, которые произошли в стране в результате Июльского переворота, но Мериме не может не отметить: «Я нахожу его точно таким, каким оставил, уезжая в Испанию. Но время ушло вперед — и он оказался позади. Он не чувствует более тонкостей французского языка и не оценил пока тех новшеств, которыми обогатился язык за время его отсутствия. Впрочем, я надеюсь в скором времени научить его всему, чего ему пока не хватает».

4 декабря Анри выехал обратно в Италию. Он увозит с собой рукопись «Лейтенанта» своей приятельницы Жюли Гольтье — он обещал ей дать честный отзыв об этом ее романе.

Проехав через Лион, он сел на пароход, следовавший в Авиньон, и оказался на нем в компании с Жорж Санд и Альфредом де Мюссе. Он произвел сильное впечатление на писательницу как глубокими мыслями, так и блестящим насмешливым умом и сардоническим темпераментом. «Я беседовала с ним полдня и нашла его очень интересным. Он посмеялся над моими итальянскими иллюзиями, уверяя, что я очень быстро от них избавлюсь и что художники, ищущие прекрасного в этой стране, — простофили. Я ему не поверила, видя, что он просто устал в этом своем итальянском изгнании и возвращается туда неохотно. Он высмеял, и очень забавно, тип итальянца, который он терпеть не может и к которому был совершенно несправедлив. Он предсказывал мне страдания, которых я как раз совершенно не боялась, утрату интересных собеседников и всего того, что, по его мнению, является жизнью интеллектуальной: книг, газет, новостей. Я поняла, чего не хватало этому очаровательному уму, такому

оригинальному и позерскому, — собеседников, которые могли бы его оценить и поддержать. Он особо подчеркивал презрение ко всяческому тщеславию и старался обнаружить в каждом собеседнике некую претензию, которую мог бы выжечь непрерывным огнем своих насмешек. Но я не думаю, чтобы он был злым, — слишком уж он старался им казаться».

Наступил вечер, и капитан корабля не решился проходить под мостом Сент-Эспри в темноте, поэтому они, как и другие пассажиры, остановились в не слишком привлекательном трактире и там поужинали. «Он был там страшно весел, прилично напился и, пустившись танцевать вокруг стола в своих толстых меховых ботах, выглядел немного гротескно и совсем не красиво», — вспоминала Жорж Санд.

В Авиньоне они сделали остановку и посетили старинную церковь, где Анри вздумалось придраться к старой деревянной крашеной статуе Христа в натуральную величину. «Он терпеть не мог эти отталкивающие подобию, которые так обожаемы жителями Средиземноморья, по его убеждению, за их варварское уродство и циничную наготу. У него было желание наброситься с кулаками на эту статую».

Затем Анри отправился в Геную по суше — и их трио распалось. Совместная часть их путешествия прошла, бесспорно, весело, но в конечном счете Жорж Санд устала и от его речей, и от его эксцентричного поведения: «...Если бы он тоже поехал дальше морем, то я пошла бы пешком через горы».

Неоконченный роман

«Возвращение из отпуска — грустный момент. Я мог бы написать целых три страницы, и даже неплохие, на эту тему. Спрашиваешь себя: „Я так и буду жить и стареть вдали от моей родины?“ Или просто „родины“, как более модно сейчас говорить».

Вернувшись в Италию 8 января 1834 года, Анри Бейль после короткого посещения Флоренции остается прикованным к Риму и Чивитавеккье. Разочарованный любовник более не ищет счастья в женщинах, и перевод итальянских рукописей (он предчувствует их коммерческий успех) занимает все его свободное время. Единственным событием, разнообразившим его житейскую рутину, стало странное убийство какой-то молодой девушки, которое случилось в двух шагах от его дома. Беседовать ему было не с кем, но он продолжал всячески

уклоняться от служебных обязанностей, находя прибежище для ума в чтении книг и рукописи «Лейтенанта» Жюли Гольтье.

1 мая 1834 года могло быть наконец отмечено в его жизни белым камешком: «...В Риме я сейчас работаю после долгого безделья. Я пишу „Левена“». Что это был за «Левен» и откуда он взялся у «г-на Стендаля»?

4 мая суровый критик послал Жюли свои замечания по поводу ее рукописи: «Язык, на мой вкус, ужасно благородный и возвышенный — я его жестоко исчеркал. Не надо лениться переделывать: ведь, в сущности, Вы пишете только для того, чтобы писать, для Вас это лишь развлечение. <...> Но как переслать Вам рукопись? Нужна оказия. Где ее взять? Буду искать». Несмотря на все недостатки этой рукописи, «Лейтенант» явно подогрел его воображение — до того, что он даже записал в своем «Журнале»: «Первая мысль — не посылать его вообще мадам Жюли, но самому сделать из него *опус*. Иначе подобный роман, имея автором эту даму, сразу попадет в раздел „невостребованное“ в литературных кабинетах для горничных». Подталкиваемый внезапной жаждой писательства, Анри вновь стал каждый день садиться за работу. Он действительно не отослал рукопись заинтересованному лицу и теперь перерабатывает ее в собственный роман, позаботившись лишь о том, чтобы придумать главного героя и немного изменить завязку. «Опус» приобретает «стендалевскую» форму и становится «Люсьеном Левеном» — весьма полемичной хроникой первых лет Июльской монархии. Написание его продлится менее года. Этот его роман, самый длинный из всех, формально останется неоконченным. Пока же малоизвестный в Италии литератор Стендаль посвящает ему все свое время.

Это новое занятие поглотило его до такой степени, что, когда начальству вздумалось вернуть его к служебным обязанностям (речь шла о расходах его канцелярии и гонорарах Лизимака Тавернье), — это вывело его из себя. Консул перенес свой гнев на этого подчиненного, которого он, кстати, сам же 26 апреля и предложил к назначению на должность графу Риньи — суровому заместителю герцога де Брогли в министерстве иностранных дел. Он написал Лизимаку Тавернье: «Это опять Вам, месье, я обязан очередным выговором со стороны министра. Вы занимались всем, что касается канцелярии, и делали это плохо. Я не могу доверять Вам даже в самой малости. <...> Я устал от Вашего поведения и был бы счастлив иметь другого сотрудника».

Лизимак Тавернье счел себя несправедливо обиженным за свое усердие и преданность консулу, отличительной чертой которого было самоустранение от дел. Он подал в отставку, но сделал встречный выпад.

Дело дошло до маркиза де Латур-Мобура, королевского посла при Святом престоле, и он незамедлительно направил ответ консулу Бейлю: «Доверие, которое он [Лизимак Тавернье] вызвал к себе и которое вряд ли заслужит сразу кто-либо другой, является верной гарантией и Вашего присутствия в Риме. Вы могли бы принять решение оставаться в Чивитавеккье, но надо смотреть правде в глаза: Вы не смогли бы его осуществить». Итак, консул Бейль был предупрежден: этот инцидент не только мог стоить ему отстранения от должности, но он еще и должен продолжать сотрудничать с тем, кто стал его открытым врагом. Отношения между коллегами по-прежнему сводятся к переписке, только на смену доверительности пришло подозрение. Анри понял, что попал в полосу серьезных неприятностей, так как граф де Риньи потребовал от него положить конец своим отлучкам с должностного поста: «Долгие отсутствия г-на Бейля на своем посту и являются бесспорной причиной того беспорядка в делах консульства, который не раз был замечен в моем министерстве, и этому необходимо положить конец...»

Опальный консул понимает, что нарушения служебного распорядка отныне не будут сходить ему с рук, и старается не привлекать к себе внимания начальства, но упорно продолжает трудиться над «Люсьеном Левеном»: «Работаю приступами, без четких мыслей. Я, как предатель, подстерегаю их приход». Правка, переделка, перечитка следуют одна за другой. Иногда Анри позволяет себе передышку — в театре «Валь де Ром» или со своими друзьями-либералами, но испытывает сильную усталость и начинает ощущать груз лет. Он много читает и пишет допоздна при свечах — и его зрение слабеет. Но он по-прежнему придает большое значение стилю: «Я не могу писать: „Он наслаждался этими нежными приливами материнской нежности и советами, столь сладостными для него, потому что они исходили из сердца матери“, как это бывает в вульгарных романах. Я даю сами слова, диалог, и остерегаюсь топить *суть дела* в разнеживающих фразах». Труженик живет одиноко в своей комнате — он сравнивает ее с ласточкиным гнездом, и его единственное удовольствие — созерцать море из окна. Слишком часто его должностные обязанности вырывают его из живого мира творчества и ввергают в скучный мир служебных дел, но он продолжает писать без оглядки на помехи, и год 1834-й заканчивается его фразой: «Вот это называется решительно плевать на все. O happy state!» (Счастливое состояние! — *англ.*).

25 января 1835 года консул Анри Бейль получил звание кавалера ордена Почетного легиона — почесть, о которой он неоднократно запрашивал Франсуа Гизо. Но уже 5 февраля граф де Риньи категорически

запретил кавалеру ордена и консулу Бейлю любые отлучки без ведома начальства, и это все сильнее раздражает его: «Они достаточно давят на меня в реальной жизни, чтобы еще позволить им портить мне удовольствие писать, когда я занимаю себя этим времяпрепровождением». Неужели он намертво прикован к этому портовому городку? Он знает, что при первой же вылазке его подчиненный сочтет своим долгом донести на него. По счастью, он «основательно укрепился на своем принципе РПНВ (решительно плевать на все)» и потому часто выезжает в Альбано и участвует в раскопках этрусского некрополя — это всего в трех лье от его дома. Наконец опальный консул с облегчением узнал, что герцог де Брогли вновь стал обладателем портфеля министра иностранных дел вместо неблагосклонного к нему де Риньи, но служебные донесения о нем сделали свое дело, и теперь ему стало труднее пренебрегать служебным распорядком, чем это было в прежние времена.

12 апреля Бейль-Стендаль окончил своего «Люсьена Левена» — он полагает, что ему осталось только почистить стиль. В связи с этим он замечает: «За четыре года здесь, в Риме, мне и двух раз не приходилось слышать интересную и непринужденную беседу. Итак, подправить в Париже все диалоги в этой книге. В ней пока дана лишь их основа. Какой салон здесь мог бы заменить мне салон *там*?»

16 мая он серьезно заболел и дней сорок был прикован к постели лихорадкой, подагрой и камнями в почках; у него отсутствовал аппетит. Унылое существование тяготило его более, чем когда-либо: «Я, конечно, в порядке, но помираю от скуки. Настоящее занятие для такого больного животного, как я, — забиться на чердак и писать там роман, так как я предпочитаю удовольствие писать всякую чушь — удовольствию носить расшитый мундир стоимостью в восемьсот франков. Я езжу в Рим когда захочу, но по официальному предписанию должен постоянно находиться на своем посту. А что делать на этом посту? Я глупею с каждым днем: здесь нет никого, с кем бы я мог обменяться теми летучими репликами, которые служат упражнением для ума. Я опустился до такой степени, что, когда пытаюсь создать на бумаге правдоподобные характеры, впадаю в абсурд. В этой ужасающей мыслительной пустоте, в которой я прозябаю, я могу лишь пережевывать одно и то же». Маленькая комнатка где-нибудь на шестом этаже в Париже и несколько франков, заработанных собственным потом за какой-нибудь роман, кажутся ему теперь наивысшим счастьем.

10 июля под предлогом дурного состояния здоровья и повторяющихся приступов лихорадки тоскующий консул попросил заменить ему пост в Чивитавеккье на соответствующую должность в Испании.

28 июля (в этот день на бульваре Тампль в Париже было совершено покушение на Луи Филиппа, но тому удалось уцелеть) Бейль-Стендаль начал работу над чистовым вариантом рукописи «Люсьена Левена». Поскольку она стала почти нечитаемой из-за множества поправок, а также из-за ухудшившегося почерка, ее нельзя было просто доверить переписчику, и Анри вынужден был ее диктовать. 3 сентября из-за постоянно слабеющего зрения он впервые был вынужден вооружиться очками: «Привет, очки, — прощайте, девочки!» Вообще возраст принес ему с собой много проблем. К тому же 9 сентября во Франции были приняты законы, которые рассматривались 13, 20 и 29 августа, и законом от 29 августа, в частности, запрещалось обсуждение в печати личности короля, правительства и законов. У Бейля-Стендаля не остается надежды: его «Люсьен Левен», слишком обличительный, слишком сатирический, в таких условиях не сможет быть опубликован. 23 сентября он окончательно прекратил сеансы диктовки. Роман был оставлен.

В октябре консул Бейль вновь разрешил себе отлучку и посетил Равенну и Болонью. Карантин на морские перевозки из Франции, Генуи и Ливорно по-прежнему действовал, но сухопутные передвижения не были запрещены. В Равенне полиция также преследовала его по пятам.

21 ноября Анри сообщил Альфонсу Левавассеру о своем желании опубликовать собрание исторических анекдотов, взятых из старинных манускриптов, которые были обнаружены им в Риме в 1833 году. Он предполагал назвать книгу «Короткие римские рассказы». И еще он доверительно поведал издателю: «Я пишу сейчас книгу, которая может оказаться большой глупостью. Это „Моя исповедь“, в стиле Жана Жака Руссо, но только искреннее». Эта книга, к которой он приступил два дня спустя, станет «Жизнью Анри Брюлара». Как и в «Воспоминаниях эгоиста», вопросы стиля остаются для него наиважнейшими: «Какое ужасающее количество „я“ и „меня“! Есть от чего впасть в раздражение даже самому доброжелательному читателю. Эти „я“ и „меня“, если прибавить к ним еще и талант, будут в точности как у г-на Шатобриана, этого короля эгоистов. <...> Конечно, можно было бы писать от третьего лица: он сделал, он сказал. Но как тогда передать глубокие душевные движения?»

В семи завещаниях, которыми он передал право на эту рукопись разным людям, было четко выражено условие: не публиковать ее ранее его смерти, при этом изменить все женские имена, но не менять мужские.

Не оставляя работу над «Жизнью Анри Брюлара», Анри беспрестанно мечется между Чивитавеккьей и Римом: здесь он опять влюбился, на сей

раз — в графиню Чини, которую он обозначает псевдонимом Сандра. Резиденция Чини всегда открыта для него; почти ежедневно он встречается здесь с обществом, которое не лишено для него привлекательности и к тому же охотно расступается перед этим отчаянным поклонником графини. Консульство, куда он возвращается с большой неохотой, для него — как ядро на ноге каторжника. Он страдает от холода зимой, от жары — летом и постоянно болеет. «Быть вынужденным дрожать за сохранение места, на котором подышаешь от скуки!» Он задавлен этими годами одиночества, которые вынужден проводить «с учеными воронами, которые отвечают вам не иначе как поразмыслив с четверть часа».

15 февраля 1836 года, ссылаясь на повторяющиеся приступы лихорадки, Анри Бейль запрашивает у герцога де Брогли отпуск от шести недель до двух месяцев. Деша от 12 марта, которой этот отпуск ему был предоставлен, положила конец его исповеди о своей жизни — так что «Жизнь Анри Брюлара» так и не двинется дальше его первой встречи с Миланом. После короткой поездки в Неаполь он передал управление консульством Чивитавеккьи своему помощнику Галлони д'Истриа. 11 мая он отплыл на «Фарамоне» — наконец-то Римские территории остались позади.

Друзья Анри в Париже опасались «этих вспышек свободы, которые могут взорвать ему мозг», как писал Проспер Мериме его родственнику Ромену Коломбу. Они спешно готовят почву, чтобы помочь ему избежать неприятностей. Проспер Мериме, до которого дошли слухи о недовольстве Адольфа Тьера повторяющимися отлучками консула, старается обеспечить ему защиту с помощью Огюста Минье — друга детства Тьера. Он также поручает Ипполиту Ройе-Коллару, члену Медицинской академии, призвать Анри к здравомыслию, если в том возникнет необходимость. Сара Ньютон де Траси, со своей стороны, продолжает воздействовать на Эмиля Дезажа, политического директора в министерстве иностранных дел. Опыт научил их, что, имея дело с бунтарским характером Бейля, лучше принять не одну, а несколько мер предосторожности.

Вдогонку за утраченным временем

24 мая 1836 года Анри Бейль приехал в Париж — в отпуск всего на несколько недель, а пробыл здесь три года и один месяц. Он был обязан такой длительной отсрочкой отставке Адольфа Тьера, случившейся 12 августа 1836 года. И уж истинным Промыслом Божьим стало для него

занятие графом де Моле высоких должностей — как главы Совета, так и в министерстве иностранных дел — с 6 сентября. Затянувшийся отпуск консула Бейля, таким образом, продолжался до 8 марта 1839 года: в этот день Луи Филипп принял отставку графа де Моле. Пока же Анри Бейль нашел в его лице самого надежного своего покровителя и мог теперь смело вести свойственный ему образ жизни: забыться и заняться литературой вдали от докучных консульских обязанностей. Другими словами, он мог снова стать самим собой.

К своим прежним дружеским связям, которые оставались неизменными, он считал нужным прибавить лишь Альфреда де Мюссе и испанскую графиню де Монтихо — ее двух дочерей-подростков Евгению и Паку он совершенно очаровал своими рассказами. Даже многие годы спустя младшая из них, Евгения, став супругой Наполеона III, будет с радостью вспоминать об этом. Анри получает удовольствие от светских вечеров, на которых искусство вести разговор возведено в культ; он охотно обедает в модных кафе и в полной мере наслаждается Итальянским театром. В этой идиллической картине есть лишь один темный штрих: любовь бежит от него, и все его попытки догнать ее пока тщетны. Но зачем тогда жить, если ты не влюблен и нелюбим?

Возобновление знакомства с графиней де Куриаль не прошло бесследно: сердце Анри сжалось, как прежде, но телесный огонь, вновь вспыхнувший в нем, вынудил ее вежливо ему отказать. Тогда он перестал видеться с ней: «...Находиться рядом с Менти, не касаясь ее прекрасных рук, — это повергло бы меня в неприятное оцепенение...» Ее же отношение к нему остается неизменным — ей нужна душевная близость: «Вы мне необходимы — без Вас мне не захотелось бы жить, потому что только на Вас я могу опереться, чтобы немного поддержать свои силы».

В лихорадочных поисках родственной души Анри объявляет о своих чувствах даже давней своей приятельнице Жюли Гольтье — так же безуспешно. Она питает к нему лишь самую искреннюю дружбу и утешает его: «Не сожалейте об этом дне: он был одним из лучших в Вашей жизни, а для меня — поистине славным! Я испытываю радость от нашего общего успеха: я была хорошо атакована, хорошо защищалась, никакого компромисса, никакого поражения — победа в обоих лагерях! Вы не станете отрицать, что в глубине Вашего сердца таится уважение к тому чувству, которое мы, прочие люди, называем совестью. Да, я сегодня счастлива, и все же я люблю Вас, но любить — это значит хотеть того же, чего хочет любимый человек. Вы не хотите того, чего Вы хотите, — своим духовным чувством я догадалась об этой Вашей добродетели. Бейль, Вы

можете назвать меня грубым животным, холодной самкой, трусливой, глупой, чем угодно, но все эти оскорбления не коснутся счастья наших божественно прекрасных бесед: именно это я называю уважением к своему сердцу, к своему разуму; это и есть оставаться на высоте своего благородного чувства. Бейль, поверьте мне. Вы стоите в сто тысяч раз больше, чем о Вас думают, чем Вы думаете о себе сами и чем думала я сама — каких-нибудь пару часов назад!»

Жюли, а также Клементина и Сара Ньютон де Траси навсегда останутся его самыми преданными союзницами.

Музыка, живопись и литература заняли прежнее место в его жизни, но Франция Луи Филиппа уже не была той, какой была в эпоху Реставрации: живой ум, царивший в прежних салонах, теперь трудно было найти посреди буржуазного меркантилизма. Дестут де Траси, Жорж Кювье, Франсуа Жерар умерли; Вильям Фредерик Эдвардс уехал из Парижа в Версаль; вообще стало невозможным побеседовать с кем-либо, не назначив встречу заранее. Вероятно, уже тогда его посещали мысли, которые немного позже выскажет ему Виржини Ансело: «Сегодня у нас во Франции есть люди государственные и люди гениальные. Кто нам вернет просто умных людей?» Круг его общения основательно сузился: «Я живу не в обществе (я нахожу его слишком лицемерным и брюзгливым), а в его окрестностях, в полуодиночестве».

Эти условия жизни снова пробудили в уставшем литераторе желание работать. Сначала он продал журналу «Ревю де дё монд» по контракту шесть или семь новелл, почерпнутых им из итальянских манускриптов: 1 марта 1837 года была опубликована «Виктория Аккарамбони» и 1 июля — «Ченчи»; обе вышли без подписи автора. Одновременно он задумал амбициозный проект — «Мемуары о Наполеоне», но уже в апреле оставил его. Теперь он полностью отдался написанию нового романа — «Розовое и зеленое», но оторвался от работы 24 мая, это было накануне запланированной им поездки на запад Франции.

Возможно, он надеялся, оказавшись в Нанте, найти в себе то вдохновение, которое подвигло его на написание «Красного и черного», и новый замысел действительно возник, но не там, а в Гавре 23 июня — это будут «Мемуары туриста». В них он описывал свои вольные странствия, давал картины жизни французской провинции при Июльской монархии, и в них постоянно проглядывает критика этого режима. «Мемуары туриста» станут первой его книгой, опубликованной после «Красного и черного». Он закончил ее в декабре 1837 года, в следующем месяце просмотрел корректуру и уже в марте 1838 года, вновь охваченный неодолимой

страстью к перемене мест, опять отправился в путешествие на четыре с половиной месяца.

Эта страсть ведет его через Ангулем, Бордо, Ажен, Тулузу, опять Бордо, Дакс, Байонну, Фонтараби, Ортез, По, Тарб, Тулузу, Каркассон, Нарбонн, Монпелье, Марсель, Тулон, Драгиньян, Грасс, Канны, Марсель, Арль, Авиньон, Валенс, Гренобль (он видел его в последний раз), Шамбери, Женеву. В Берне у него приключился приступ подагры. В Бале болезнь обострилась. В Страсбурге он уже при ходьбе опирался на трость. Тяга к странствиям в нем угасает, но он держится молодцом: посетит еще Колонь, Роттердам, Амстердам, Анвер и Брюссель.

22 июля путешественник вернулся наконец в Париж и узнал, что еще 30 июня поступили в продажу его «Мемуары туриста». Они удостоились похвал Астольфа де Кюстина: «Я имею давно сложившееся мнение о том, что Вы пишете. Но ничто не похоже на Вас самого больше, чем именно эта книга. Независимость ума, жажда правды стоит в ней над всем; кроме того, сама свобода выражения способна привлечь интерес читателя, даже если бы книга не была столь правдивой. Поэтому эта книга являет собой чтение, которое никогда не заканчивается: дойдя до конца, тут же снова возвращаешься к началу. Подбор историй в ней восхитителен, а Ваше перо, при всей его легкости, превратилось в дубину, бьющую по предрассудкам. В общем, ничто не вызывает такого желания побеседовать с Вами, как чтение Ваших книг. Аристократизм ума и свобода чувств выделяют Вас из всех, кто сегодня занимается писательством».

3 августа 1838 года Анри сумел вернуть себе благосклонность Джулии Риньери — перед ее возвращением в Италию...

15 августа «Ревю де дё монд» напечатал его «Герцогиню де Паллиано» — за подписью Ф. де Лаженева. Анри Бейль вновь почувствовал вдохновение. Прочтя итальянский рассказ «Происхождение и величие семейства Фарнезе», он пометил на полях книги 16 августа: «Сделать из этого наброска маленький роман». Так возник замысел «Пармской обители» — теперь ему оставалось только созреть.

Вместе с писателем в Анри Бейле ожил и критик: он высказывает замечания по поводу «Сен-Марса» Альфреда де Виньи: «Г-н де В[иньи] тяжел не только в языке — он тяжел в обрисовке характера»; записывает свои мысли по поводу Корнеля (они были вызваны комментариями Вольтера на произведения этого драматурга): «Я всегда скорее чувствовал, чем понимал, что нужно писать как Корнель, а не как Расин. У Корнеля настоящий французский стиль, другим остается только его воспроизводить». В результате всех этих литературных размышлений он

создал свою «Аббатису де Кастро».

Однажды ему довелось присутствовать на обеденной церемонии академиков: «Великий Боже! Какая сухость, какой педантизм, какое самообожание, какая фальшь! Моя душа удручена и высушена. Боже! Что за люди! Бьет полдень, но я еще работаю — чтобы немного прочистить голову. Боже! Что за люди! Я думаю, что три четверти членов Французской академии таковы. Боже, какие болваны!» Он ощущает потребность развеяться. Будучи убежден, что «жизнь не такая уж важная штука, особенно когда она близится к концу», Анри вновь пустился в дорогу и с 12 октября по 2 ноября посетил Нант, Онфлёр и Руан.

Сразу по возвращении, с 4 ноября по 26 декабря 1838 года, то есть всего за 52 дня, он пишет «Пармскую обитель» — второй свой шедевр: «Я импровизировал прямо на ходу; я не знал, диктуя одну главу, что произойдет в следующей». Александр Фарнезе стал у него Фабрицио дель Донго; книга начинается с описания битвы при Ватерлоо. «Пармская обитель» получилась настолько же светлой, насколько мрачным было «Красное и черное». Этот роман совмещает в себе занимательное действие, картины нравов и хронику жизни современной Италии; в нем перемешаны вымысел и автобиографические моменты. 19 января 1839 года Анри Бейль подписал контракт на публикацию этого романа с книгоиздателем Амбруазом Дюпоном.

6 апреля 1839 года «Журналь де ла либрери» сообщил о выходе романа из печати. Собрат по перу Оноре де Бальзак, хотя и упрекнул Бейля за некоторые длинноты, отозвался о романе одобрительно: «„Обитель“ — большая и красивая книга. Я говорю это Вам без лести и без зависти, так как сам не способен на такое, но можно ведь вполне искренне хвалить то, что не является твоим собственным ремеслом. Я пишу лишь фрески, а Вы создали итальянские статуи. Имеется явный прогресс в том, чем мы Вам обязаны. Вы помните, что я Вам говорил по поводу „Красного и черного“. Так вот, здесь все ново и оригинально! Моя похвала — безоговорочная и искренняя. Мне тем более приятно писать Вам все это, что многие другие, имеющие у нас репутацию интеллектуалов, пришли в состояние полной литературной дряхлости».

Астольф де Кюстин также остался его горячим поклонником: «Никто из писателей не смог так привязать меня к себе — при этом опровергая многие из моих убеждений! Но любовь к правде — самая мощная из всех религий; именно она и связывает меня с Вами».

В продолжение этого творческого порыва Анри Бейль создает «Suora Scolastica», «Излишек милости убивает», задумывает «Ламьеля», пишет

новеллы «Кавалер де Сен-Измьер» и «Федер».

12 мая 1839 года после отставки графа де Моле главенство в Совете и портфель министра иностранных дел взял на себя маршал Суль. Отсрочка для консула Чивитавеккьи закончилась: его попросили вернуться на свой пост.

24 июня писатель Стендаль, вновь ставший консулом Бейлем, покинул Париж и только 10 августа прибыл в Чивитавеккью: семь недель он не торопясь добирался туда хитроумными окольными путями.

Отныне облачаться в консульский мундир ему стало еще тяжелее, чем прежде.

Последние годы в Италии

Перед своим отъездом из Парижа Бейль отправил на адрес консульства четыре ящика книг, но, прибыв на место, узнал неприятную новость: его книги были задержаны, ящики вскрыты, распотрошены и теперь ожидали его в полиции. Когда он после многих протестов получил их обратно, посланец церкви счел нужным сделать ему предупреждение, о чем и сообщил потом в письме кардиналу: «...Учитывая, что там есть книги, находящиеся под святейшим запретом, он должен, в согласии со своей совестью, оставить их только для своего личного пользования, и именно он ответствен за то, чтобы уменьшить их вредное воздействие, так как они продолжают принадлежать ему». Ватикан, как оказалось, был встревожен возможностью распространения таких «адских» текстов, как «Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов» Вальтера Скотта, произведения Шекспира и Монтескье, «Дон Кихот», «Опасные связи», «Принцесса Киевская», сюда же попали каталоги картин и музейные справочники; отныне за консулом Бейлем будут следить еще тщательнее. «Теплый» прием со стороны епископата и открытая война, которую ведет против него Лизимак Тавернье, обеспечили ему — он это чувствует — долгий путь на голгофу. Работа над «Ламьелем» и побеги из Чивитавеккьи станут для него единственной отдушиной.

Несколько дней, с 11 по 20 октября, Анри Бейль провел в Риме, где вновь обрел дружескую благожелательность Чини и встретил Абрахама Константена — с ним он снял квартиру на виа деи Кондотти. Вскоре страсть к перемене мест вновь овладела им. С 21 октября по 9 ноября любитель путешествий уже гуляет по Неаполю вместе с Проспером Мериме — впрочем, ужасное тщеславие приятеля омрачило ему это

удовольствие. С 5 по 31 декабря он опять совершает прогулки по Риму. В самом начале января писатель Стендаль, оживший в консуле Бейле, надиктовал сразу 310 страниц «Ламьеля».

Год 1840-й преподнес ему в подарок и последние любовные тревобления — он ухаживает за той, которую везде называет «Эрлина». Влюбленный еще не имел с ней откровенного разговора, и потому у нее нет пока оснований сказать «нет». Анри переживает это свое последнее увлечение с той же страстью, какую испытывал к Александрине Дарю: «Как настоящее чувство любви сразу порождает рафаэлическую страсть (но „рафаэлическая“ — это горячее, чем Рафаэль) во всем теле!» Он подстерегает в Эрлине доказательства ее любви, анализирует ее молчание и объясняет его как попытку бороться с зарождающейся любовью — в общем, дает волю своему воображению, так как его мысли заняты только ею и продолжать писать он уже не в состоянии.

Однако благоприятное для признания время было упущено. Устав от бесполезных волнений, он вновь принялся за работу — пишет «Привилегии», но окончательно избавиться от грустных воспоминаний сумеет лишь в начале 1841 года. А пока, с 1 по 18 июля, он живет во Флоренции.

По возвращении из Флоренции Анри узнал о смерти — 14 июня — своей давней возлюбленной Клементины Куриаль...

11 августа во Флоренции вышла книга «Взгляд из Италии на некоторые знаменитые картины» Абрахама Константена, в написании которой, как друг, принимал участие Анри Бейль. Неделей позже он снова отправился в столицу Тосканы и оставался в ней до 15 сентября. С 29 сентября по 23 октября 1840 года он жил в Риме на виа деи Кондотти и там же отдыхал от своего консульства с 1 по 11 января 1841 года. Проведя десяток дней в Чивитавеккье, он снова сбежал в Рим — до 1 марта. Ему не с кем обменяться мыслями, он погибает от скуки, его нервная система истощена.

Утром 11 февраля с ним случился первый апоплексический удар. Ему была дана большая доза брома, брионии и арники. 15 марта, после нового приступа, ему было сделано несколько кровопусканий. Его здоровье сильно пошатнулось, но он не позволяет себе слабости: «Я вступил в драку с небытием». Он даже записал, что ощущал во время приступа: «Я вдруг забыл все французские слова. Я не мог сказать „дайте мне стакан воды“. Я с любопытством наблюдал за собой. Дар речи пропал, при мне оставались только естественные способности животного организма. Это длилось 8–10 минут, затем постепенно словесная память вернулась, но оставалось

ощущение сильной усталости».

Приступ прошел, но отныне он не в состоянии составить письмо из трех строчек — сразу начинается головокружение, он задыхается. Сильная головная боль повторяется периодически в течение шести месяцев; время от времени тяжелеет язык, и в такие моменты он способен лишь нечленораздельно бормотать. Он живет то в Риме, то в Альбано, с грустью отмечая, что ему уже некого любить. Совершенно больной консул Бейль просит отпуск с 9 августа в связи с ухудшением состояния здоровья. С 15 сентября ему был предоставлен отпуск. 21 октября Анри Бейль окончательно покидает Чивитавеккью.

8 ноября он вернулся в Париж. Из десяти лет своего консульства он общим счетом четыре года провел вне Чивитавеккьи.

Умереть — значит вернуться в Париж

«В нынешнем 1842 году моя репутация здесь невысока. Кроме большого ума, который всем бросается в глаза и за который меня часто упрекают мои друзья, я обнаруживаю существование некоего главного разума, который руководит мною помимо моей воли... Литературная жизнь — в том виде, в каком она существует здесь с 1840 года, — это жалкая жизнь. Она пробуждает самые низменные инстинкты в нашей природе, но именно они способны приносить нам более всего мелких несчастий», — записал он в своем «Журнале». Его главное дело теперь — «без конца писать комедии». Он продолжает работать над «Ламьелем» и планирует новые публикации в «Ревю де дё монд».

Вечером 22 марта 1842 года Анри Бейль потерял сознание на улице Нев-де-Капуцин — это был еще один апоплексический удар. «...Я не вижу ничего смешного в том, чтобы умереть на улице, — если не делаешь этого нарочно» — так он написал еще годом ранее своему другу Доменико Фиори.

Его перенесли в его дом 78 по улице Нев-де-Пети-Шан; он умер 23 марта в два часа утра, не приходя в сознание. Ему было 59 лет.

Убежденный антиклерикал Анри Бейль умирал в беспамятстве, в отличие от его критика Сент-Бёва, и потому не мог заявить, что отказывается от присутствия священника и религиозной церемонии. Желая соблюсти приличия, которые, впрочем, не были обязательны, его племянник Ромен Коломб заказал на следующий день службу в церкви Успения. На похоронах присутствовали только Проспер Мериме и Абрахам

Константен.

Анри Бейль, известный под псевдонимом Стендаль, похоронен на кладбище Монмартр. Он покоится там в тридцатом отделении, на аллее Креста.

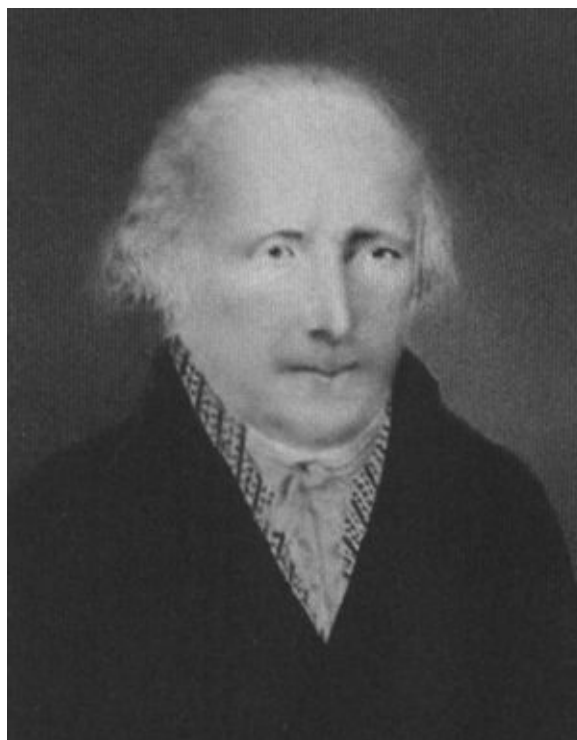
ARRIGO BEYLE, Milanese
Scrisse. Amo. Visse

(Арриго Бейль, миланец
Писал. Любил. Жил)

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Мари Анри Бейль 1807 г.

Шерубен Бейль, отец писателя

Площадь Гренетт в Гренобле

Анри Бейль во время учебы в Центральной школе Гренобля

Сестра Зинаида

Полина Элеонора, любимая сестра писателя

Викторина Мунье, одна из первых возлюбленных писателя

Вильгельмина фон Гресхейм

Пьер Дарю

V. A. A. M. M. A. A. A. M. C. G. A. j'ai oublié
1 2 3 4 5 6 d'oublier
oublier
oublier

V. An. Ad. M. Ml. Al. Alue. Apg. Mle. C. G. Aur (Mme Azur dont
 1 2 3 2 4 5 6 j'ai oublié le nom
 de baptême).

Донжуанский список Анри Бейля

Александрина Дарю. Портрет работы Ж. Давида

Анжела Пьетрагруа

Наполеон. Картина Ж. Давида

Вступление французских войск в Парму

Пожар Москвы. Картина А. Смирнова

Бегство из России. Картина Т. Жерико

Мемориальная доска на доме в Вильнюсе, где останавливался Стендаль в 1812 году

Вид Парижа начала XIX века

Париж, колоннада Луврского дворца

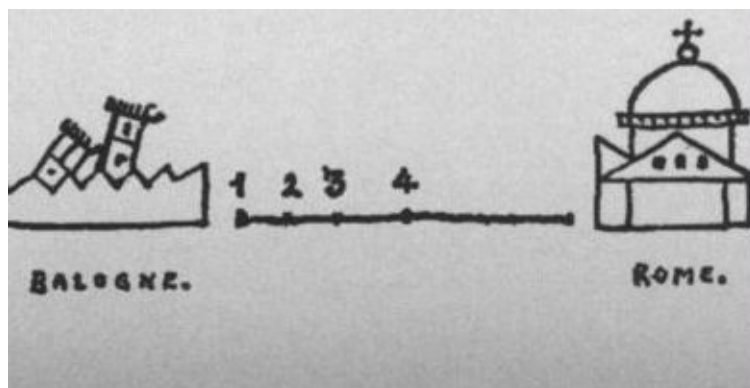
Матильда Дембовски

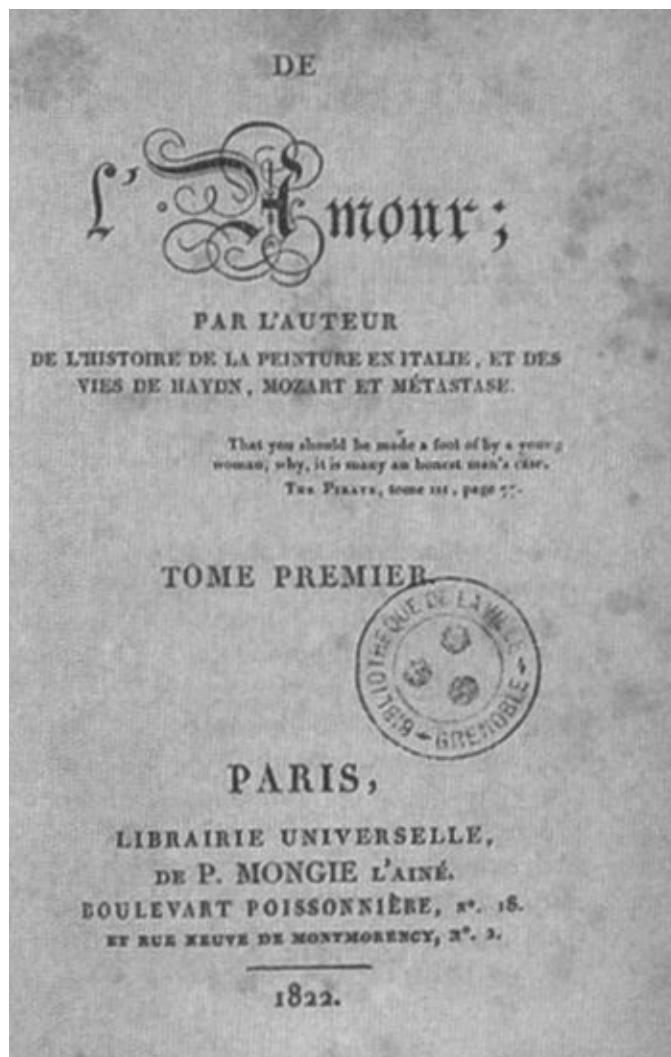
Театр «Ла Скала» во времена Стендаля

Анри Бейль

Изображение кристаллизации любви

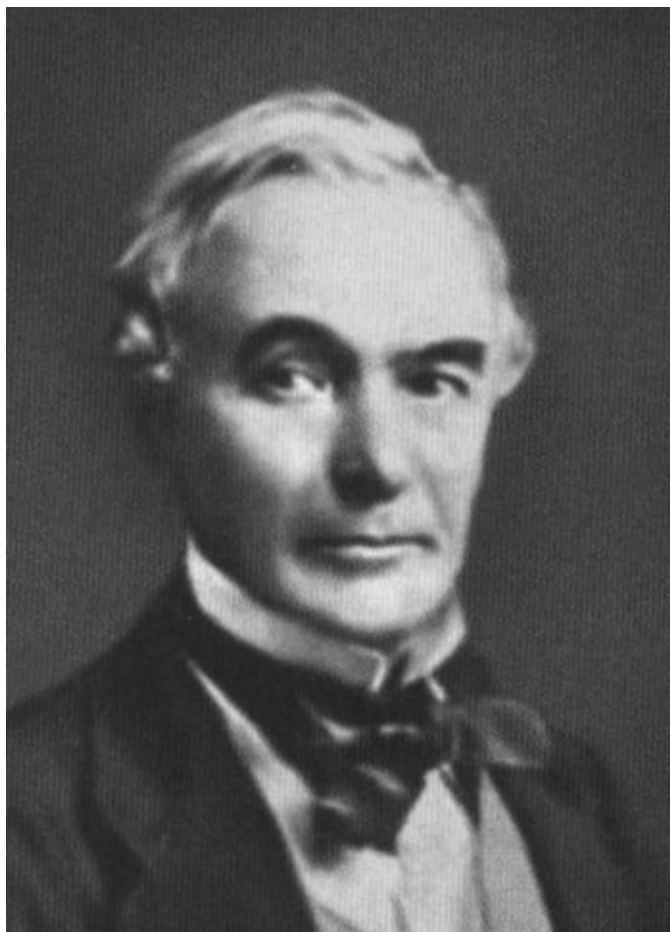
Титульный лист книги «О любви». 1822 г.

Джулия Риньери

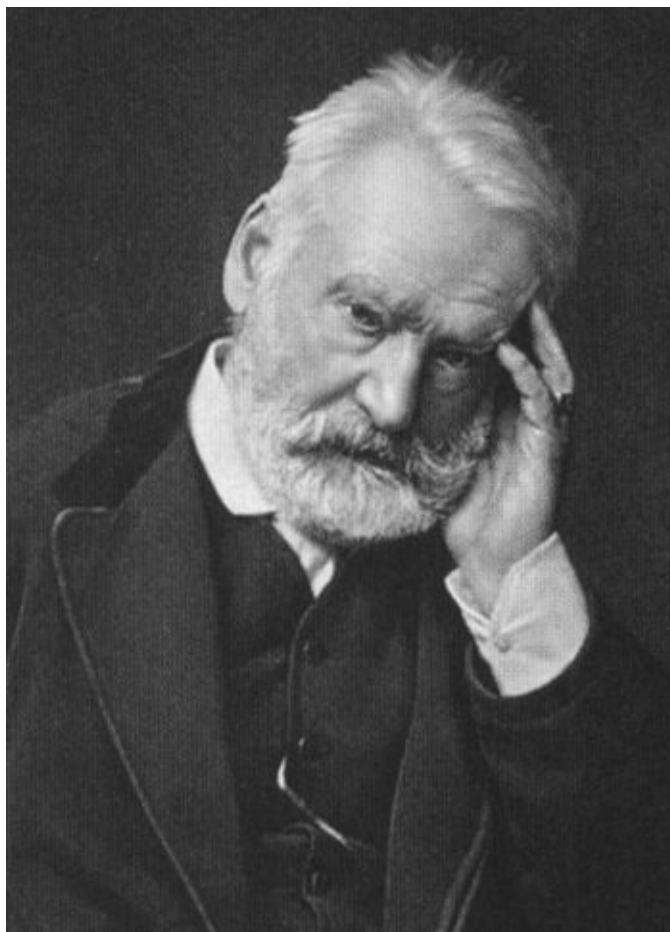
Альберта де Рюбампре

Проспер Мери́ме

Иллюстрация к французскому изданию романа «Арманс» 1827 г.

Виктор Гюго

*Иллюстрация к французскому изданию романа «Пармская обитель».
1846 г.*

Могила Стендаля на кладбище Монмартр

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА СТЕНДАЛЯ

1783, 23 января — рождение в Гренобле Мари Анри Бейля, первенца Шерубена Жозефа Бейля (1747–1819) и Анриетты Аделаиды Шарлотты Ганьон (1757–1790).

1786 — рождение Полины Элеоноры, любимой сестры и будущей наперсницы Анри.

1788 — рождение сестры Зинаиды Каролины.

7 июня — «День черепиц» в Гренобле.

1789 — начало Великой французской революции.

1790 — смерть матери Анри — Анриетты Ганьон.

1792–1794 — учение Анри под руководством аббата Франсуа Райана.

1793, 21 января — казнь Людовика XVI.

1796, 21 ноября — Анри поступил в Центральную школу Гренобля. Любимым предметом становится математика — как единственное средство, дававшее возможность избавиться от семейной опеки и покинуть родной город.

1799, 15 сентября — ученик Бейль получил первую премию на выпускном экзамене по математике.

30 октября — Анри уехал в Париж под предлогом сдачи вступительных экзаменов в Политехническую школу.

9 ноября — государственный переворот 18 брюмера.

10 ноября — прибытие Анри в Париж.

1800, конец января — Анри отказался от сдачи вступительных экзаменов в Политехническую школу. Двоюродный брат деда Ноэль Дарю отправляет юного Анри работать под началом своего сына Пьера в Военное министерство.

7 мая — Анри Бейль покинул Париж вслед за резервной армией Наполеона.

Конец мая — переход с армией через перевал Гран-Сен-Бернар.

Начало июня — Анри присутствовал на представлении в Новаре оперы Доменико Чимарозы «Тайный брак». Италия становится его «землей обетованной».

9 июня — Анри Бейль прибыл в Милан. Успешно трудится под

началом Пьера Дарю и Клода Петие.

14 июня — победа Наполеона в битве при Маренго.

23 сентября — генерал-аншеф Луи Брюн присваивает Анри Бейлю звание младшего лейтенанта (предварительно).

1801, 23 февраля — Анри Бейль отбыл в гарнизон Бреччия и Бергамо с 6-м драгунским полком.

18 апреля — начал вести «Журнал» — первые автобиографические записи.

14 июня — Анри Бейль утвержден в звании младшего лейтенанта Первым Консулом — Бонапартом.

1802, начало января — Анри Бейль получил отпуск по состоянию здоровья и проводит его в родном Гренобле.

26 января — Анри возвращается в Париж, предается интеллектуальным занятиям и посвящает себя литературной работе.

25 марта — подписание Бонапартом Амьенского мирного договора.

20 июля — Анри Бейль подал в отставку с должности младшего лейтенанта.

2 августа — Бонапарт присваивает себе звание Первого Консула пожизненно.

Конец, августа — Анри вступает в любовную связь с Мадленой Ребюффель, кузиной Ноэля Дарю и доктора Ганьона.

1803, 23 мая — Англия объявляет войну Франции.

24 июня — пребывание Анри в Гренобле и Клэ.

1804, 20 марта — Анри возвращается в Париж. Чтение и занятие литературным творчеством становятся делом всей его жизни.

21 марта — принятие Гражданского кодекса Наполеона.

18 мая — Наполеон назначен «Наследственным императором французов».

30 июня — смерть Ноэля Дарю.

2 августа — коронация Наполеона Бонапарта.

Август — Анри вместе с кузеном Марсиалем Дарю берет уроки декламации у актера Ла Рива.

Декабрь — берет уроки декламации у актера Дюгазона. Здесь же познакомился с Мелани Гильбер (сценический псевдоним — Луазон).

1805, 8 мая — Анри отправился вслед за Мелани в Марсель, где молодая актриса получила ангажемент в «Гран-Театр».

Середина мая — по пути в Марсель Анри остановился в Гренобле и тщетно пытался добиться у отца финансовой помощи для осуществления своей коммерческой карьеры.

25 июля — прибытие в Марсель. Анри получил должность коммивояжера в компании Шарля Менье по ввозу колониальных товаров.

21 октября — поражение французского флота в битве против англичан при мысе Трафальгар. Коммерческая блокада Франции.

2 декабря — победа Наполеона в битве под Аустерлицем.

1806, 1 марта — Мелани вернулась в Париж одна.

Апрель — коммерческие дела Анри приходят в упадок. Он пытается вновь завоевать благосклонность родственника Пьера Дарю.

10 июля — Анри возвращается в Париж и предпринимает попытки добиться расположения кузенов Дарю.

Начало августа — по протекции своего кузена Марсиаля Дарю Анри принят членом в масонскую ложу Святой Каролины.

26 сентября — прусский король Фридрих Вильгельм III объявил ультиматум Наполеону.

30 сентября — женитьба Марсиаля Дарю.

14 октября — победа Наполеона в битве под Йеной.

16 октября — Анри Бейль вместе с кузеном Марсиалем отбыл в Германию.

27 октября — в свите Наполеона входит в Берлин вслед за императорской гвардией.

29 октября — по протекции Пьера Дарю назначен временным помощником военных комиссаров.

Ноябрь — Анри Бейль становится на квартиру в Брунсвике. Он безуспешно пытается приобщиться к чуждой ему германской культуре, но при этом испытывает подлинную страсть к аристократке Вильгельмине фон Гресхейм.

Декабрь — получив служебное поручение в Париж, Анри Бейль обрел тем самым месячный отпуск от скучных служебных обязанностей.

1807, 5 февраля — Анри Бейль вернулся в Брунsvик.

8 февраля — битва наполеоновских войск под Эйлау.

7 июля — подписание Наполеоном Тильзитского мирного договора.

11 июля — Анри Бейль приказом назначен на штатную должность

помощника военных комиссаров.

1808, 1 февраля — Пьер Дарю назначил Анри Бейля уполномоченным по делам департамента Оккер.

6 апреля — смерть бабушки Элизабет Ганьон.

25 мая — свадьба Полины Бейль и Франсуа Даниэля Перье-Лагранжа.

11 ноября — несмотря на просьбы Анри Бейля отправить его в Испанию, он отозван в Париж.

1 декабря — возвращение в Париж. Начало любовного увлечения супругой Пьера Дарю Александриной.

1809, 28 марта — Анри Бейль получил приказ отправиться в Страсбург.

4 мая — Анри Бейль потрясен зрелищем разрушенного Эберсберга.

12 мая — вход Наполеона в Вену.

Середина мая — Анри Бейль работает в Вене под началом Марсиаля Дарю.

22 мая — битва наполеоновских войск под Эсслингом.

15 июня — Анри присутствовал в шотландской церкви на исполнении «Реквиема» Моцарта в память композитора Йозефа Гайдна.

6 июля — победа Наполеона под Ваграмом.

21 октября — 20 ноября — пребывание в Вене графини Дарю.

15 декабря — Анри Бейль на службе в Линце.

1810, 2 января — Анри Бейль обратился с просьбой к министру Военной администрации генералу Дежеану с просьбой о переводе его в Испанию. Покинул Австрию, не дожидаясь ответа министра.

Середина января — возвратившись в Париж, ухаживает за графиней Дарю.

10 мая — получил приказ отправиться к новому месту назначения — в Лион, но предпочел выждать время.

1 августа — по протекции Пьера Дарю официально назначен аудитором Государственного совета.

22 августа — назначен инспектором Службы движимого и недвижимого имущества Короны.

11 октября — военный министр согласился сохранить за Анри Бейлем его прежние звание и должность. Анри предполагает получить сверх своего жалованья в должности аудитора также жалованье отставного помощника военных комиссаров.

17 октября — Анри Бейль приказом назначен инспектором Главного интендантства Императорского дома.

1811, 29 января — Анри вступает в связь с певицей Анжелиной Берейтер.

17 марта — впервые в записях Бейля появляются термины «бейлизм» и «бейлист».

20 марта — рождение наследника императора Наполеона — короля Рима.

17 апреля — Пьер Дарю назначен государственным секретарем.

31 мая — Александрина Дарю дала определенный отказ Анри в ответ на его откровенное признание в своих чувствах к ней.

17 августа — получив разрешение на отпуск, Анри Бейль решает отправиться в Милан, не предупредив никого о месте своего пребывания.

29 августа — отъезд в Милан.

7–22 сентября — пребывание в Милане. Анри удалось завоевать благосклонность графини Анжелы Пьетраграу.

22 сентября — 22 октября — посещение Болоньи, Флоренции, Рима, Неаполя и Анконы.

22 октября — 13 ноября — снова в Милане.

27 ноября — вернувшись в Париж, провинившийся аудитор с рвением приступает к исполнению своих служебных обязанностей.

1812 — Наполеон объявляет войну России.

23 июля — Анри Бейль в качестве императорского курьера выезжает из Парижа в Россию. Присоединяется к Пьеру Дарю на подступах к Москве.

7 сентября — битва за Москву.

14 сентября — 16 октября — пребывание в Москве. Стал свидетелем пожаров, полыхавших в городе 15–20 сентября.

6 октября — генерал Матье Дюма, главный интендант Великой армии, назначил Анри Бейля главным распорядителем резервного снабжения.

7 ноября — Анри Бейль прибыл в Смоленск.

Ноябрь — переправился через Березину накануне подхода французских войск.

27 ноября — переправа через Березину отступающей Великой армии.

30 декабря — Анри Бейль переехал из Кёнигсберга в Данциг и направился в Берлин.

1813, 31 января — Анри Бейль выехал в Париж.
22 февраля — Пруссия порывает союз с Францией.
17 марта — Пруссия объявляет войну Франции.
14 апреля — Австрия порывает союз с Империей.
19 апреля — Анри выехал из Парижа в Майенс.
6 июня — Пьер Дарю назначил Бейля интендантом в Саган (Силезия).
7 июня — **26 июля** — служил интендантом в Сагане. Seriously заболел.

28 июля — прибыл в Дрезден на лечение.
12 августа — Австрия объявляет войну Франции.
25 августа — Анри Бейль вернулся в Париж.
7 сентября — **14 ноября** — пребывание в Милане.
20 сентября — смерть бабушки Ганьона.
30 ноября — Анри снова в Париже.

1814, 5 января — Анри Бейль вынужден прибыть в Гренобль в распоряжение департамента Изер. Поступил под начало графа де Сен-Валье.

27 марта — после тяжелого приступа лихорадки получил разрешение вернуться в Париж.

30 марта — сражение за Париж.

1 апреля — Генеральный совет департамента Сены объявил о реставрации власти Бурбонов в лице Людовика XVIII.

6 апреля — Наполеон объявляет о своем отречении без всяких условий.

28 апреля — Наполеон отплывает на остров Эльба.

10 мая — Анри приступает к составлению сборника очерков «Жизнеописание Гайдна, Моцарта и Метастазии».

20 июля — отбыл из Парижа.

10 августа — прибыл в Милан.

29 августа — **13 октября** — отвергнутый Анжелой Пьетрагруа, совершил путешествие в Геную, Ливорно, Пизу, Флоренцию, Болонью и Парму.

Октябрь — **декабрь** — работал над книгой «История итальянской живописи».

26 декабря — смерть Александрины Дарю.

1815, 28 января — вышла в свет книга Анри Бейля «Жизнеописание

Гайдна, Моцарта и Метастазио».

1 марта — Наполеон высадился в Гольф-Жуане («Сто дней»).

30 мая — свадьба Зинаиды Каролины Бейль и Александра Маллеина.

18 июня — битва при Ватерлоо.

3 июля — капитуляция Парижа.

8 июля — Людовик XVIII возвращен на трон.

Июль — август — пребывание Анри Бейля в Падуе и Венеции.

Август — по возвращении в Милан продолжил работу над «Историей итальянской живописи».

1 декабря — окончательный разрыв с Анжелой Пьетраграу.

1816, 5 апреля — 19 июня — пребывание Анри в Гренобле по семейным делам.

4 мая — 10 июня — восстание в Гренобле под предводительством Поля Дидье.

24 июня — возвращение Анри в Милан. Посетив ложу Лодовико ди Бремо в театре «Ла Скала», Анри Бейль знакомится с лордом Байроном.

14 декабря — смерть Франсуа Даниэля Перье-Лагранжа, мужа Полины Бейль.

13–31 декабря — Анри посетил Рим с целью завершить работу над «Историей итальянской живописи».

1817, 28 января — февраль — пребывание в Неаполе.

4 марта — возвращение в Милан. Анри Бейль встречается с лордом Байроном и Джоном Кэмом Хобхаусом, которые знакомят его с прогрессивным направлением журнала «Эдинбург ревью».

Май — июнь — Анри прибыл в Париж после краткой остановки в Гренобле.

2 августа — «Журналь де ла либрери» объявил о выходе в свет книги «История итальянской живописи» автора Г. Б. Б. А. (Господина Бейля, бывшего аудитора) в двух томах.

3–14 августа — Анри Бейль совершил путешествие в Лондон в компании Жана Жозефа Мари Шмита и Эдуарда Эдвардса.

16 августа — конец сентября — пребывание в Париже. Знакомство с Дестутом де Траси.

11 сентября — «Библиографи де ла Франс» объявила о выходе в свет книги «Рим, Неаполь и Флоренция в 1817 году» автора г-на Стендаля, кавалерийского офицера, — первое произведение Анри Бейля, напечатанное под этим псевдонимом.

Октябрь — ноябрь — пребывание в Гренобле и Тюэллене.

21 ноября — прибытие в Милан вместе с сестрой Полиной.

1818, 4 марта — Анри представлен Матильде Дембовски, в которую сразу же безоглядно влюбился.

9 апреля — 5 мая — пребывание в Гренобле в связи с судебным процессом, касавшимся интересов сестры Полины.

11 мая — возвращение в Милан, Матильда продолжает оставаться равнодушной к его ухаживаниям.

25 августа — отвергнутый Матильдой, Анри совершает недельную экскурсию в Брианцу.

1819, 1 января — 24 мая — оставаясь в Милане, Стендаль полностью отдается литературной работе.

3–10 июня — по-прежнему безнадежно влюбленный, преследует Матильду в Вольтерре (Тоскана).

11 июня — июль — ищет убежища от тоски во Флоренции и Болонье.

20 июня — смерть Шерубена Бейля — отца Стендаля.

10 августа — прибыв в Гренобль, Стендаль узнал о незначительности отцовского наследства, на которое преждевременно рассчитывал.

11 сентября — на выборах, состоявшихся 11 сентября, отдал свой голос аббату Грегуару, поддерживавшему либералов.

18 сентября — 14 октября — Стендаль в Париже.

22 октября — возвращение в Милан. Матильда принимает Стендаля только два раза в месяц, ставя при этом определенные условия.

6 декабря — избрание аббата Грегуара аннулировано палатой депутатов.

29 декабря — безответная страсть к Матильде порождает идею создания трактата «О любви».

1820, 11 января — военный министр предоставляет Стендалю необходимые условия для получения задержанных выплат, соответствующих его бывшему воинскому званию.

13 февраля — убийство в Париже герцога де Берри противниками режима.

20–29 марта — пребывание в Болонье и Мантуе.

3 июня — окончание работы над первой редакцией трактата «О любви».

2–9 июня — освободительное восстание в Неаполитанском

королевстве.

Июль — Стендаль попадает под подозрение либеральных кругов как агент французского правительства. Австрийское правительство также подозревает его, но уже в связях с карбонариями. Оклеветанный, он изгнан из общества, мнением которого дорожит.

19 августа — неудавшееся восстание либералов в Париже — так называемый «заговор Базара».

25 сентября — рукопись трактата «О любви» отправлена другу Адольфу де Маресту.

1821, февраль — Стендаль узнал, что рукопись трактата не дошла до адресата. Его отчаяние безгранично.

5 мая — смерть Наполеона на острове Святой Елены.

Конец мая — начало июня — Стендаль десять дней отдыхает на озере Ком.

11 июня — окончательно распрощался с Миланом.

21 июня — прибытие в Париж.

18 октября — 20 ноября — пребывание в Лондоне. Стендаль открывает для себя великого актера шекспировских страстей Эдмунда Кина.

24 ноября — возвращается в Париж. Найдена и передана автору рукопись трактата «О любви». Стендаль становится завсегдатаем светских салонов.

1822, январь — начало сотрудничества Стендаля с английским «Paris Monthly Magazine».

17 августа — опубликован трактат «О любви».

1 ноября — начало сотрудничества с английским «New Monthly Magazine».

1823, 8 марта — «Ле Журналь де Лемпримери» сообщил о выходе в свет книги «Расин и Шекспир» г-на Стендаля.

18 октября — отъезд в Италию. Посещение Генуи, Ливорно, Флоренции и Рима.

15 ноября — «Ла Библиографи де ла Франс» сообщила о выходе в свет книги «Жизнь Россини» в двух томах. Это был первый настоящий литературный успех Стендаля.

1824, январь — 3 февраля — пребывание в Риме.

Начало марта — возвращение в Париж. Стендаль перерабатывает свою книгу «Рим, Неаполь и Флоренция в 1817 году» и пишет второй памфлет «Расин и Шекспир № 2».

22 мая — вступает в любовную связь с графиней Клементиной Куриаль.

29 августа — для «Журналь де Пари» написан первый из семнадцати фельетонов, посвященных Салону 1824 года.

9 сентября — публикация в «Журналь де Пари» первого фельетона об Итальянском театре.

16 сентября — смерть Людовика XVIII.

27 сентября — торжественный въезд в Париж графа д'Артуа, провозглашенного Карлом X.

1825, 19 марта — вышел в свет памфлет «Расин и Шекспир № 2, или Ответ на манифест против романтизма, произнесенный г-ном Оже на торжественном заседании Университета».

3 декабря — опубликован памфлет «О новом заговоре против промышленников».

1826, январь — первые наброски романа «Арманс».

Январь — июнь — окончена работа над новой редакцией книги «Рим, Неаполь и Флоренция».

Конец мая — разрыв с Клементиной Куриаль.

Конец июня — 16 сентября — Стендаль в Англии.

27 сентября — 10 октября — возвратившись в Париж, продолжил и закончил работу над первым романом «Арманс, или Сцены из жизни парижского салона 1827 года».

1827, 24 февраля — «Библиографи де ла Франс» объявила о выходе в свет нового издания книги «Рим, Неаполь и Флоренция».

18 июля — смерть кузена Марсиаля Дарю.

20 июля — Стендаль уезжает в Италию, делает продолжительные остановки в Генуе, Ливорно, Неаполе, Риме, Флоренции, Болонье и Ферраре.

18 августа — «Журналь де ла либрери» сообщил о выходе в свет романа «Арманс, или Сцены из жизни парижского салона 1827 года».

31 декабря — ночью прибыл в Милан.

1828, 1 января — Стендаль получил уведомление о высылке.

Объявленный нежелательным лицом на австрийской территории, он должен покинуть город в течение 12 часов.

1829, 29 января — Стендаль возвращается в Париж.

6 февраля — Альберта де Рюампре на полгода становится его любовницей.

5 сентября — публикация «Прогулок по Риму» и смерть Пьера Дарю.

8 сентября — конец ноября — путешествует по югу Франции. Посетил Бордо, Тулузу, Каркассон, Монпелье, Марсель и Лион. В Марселе возникает замысел романа «Красное и черное».

13 декабря — публикация в «Ревю де Пари» новеллы «Ванина Ванини».

1830, 23 января — встреча с Шарлем Огюстеном Сент-Бёвом и Виктором Гюго у Проспера Мериме.

29 января — смерть дяди Ромена Ганьона.

25 февраля — премьера драмы «Эрнани» Виктора Гюго и начало театральной «битвы» вокруг нее.

22 марта — Стендаль становится любовником Джулии Риньери де Роччи.

Май — в «Ревю де Пари» опубликованы новеллы «Сундук» и «Призрак».

Июнь — в «Ревю де Пари» опубликована новелла «Фильтр».

27–29 июля — «Три героических дня» — восстание в Париже.

2 августа — отречение Карла X.

9 августа — герцог Орлеанский принимает титул Луи Филиппа I, короля французов. Начало Июльской монархии.

25 сентября — Стендаль назначен консулом в Триест.

6 ноября — сделал предложение руки и сердца Джулии Риньери, получил отказ от ее приемного отца и покинул Париж.

13 ноября — «Журналь де ла либрери» сообщил о выходе в свет романа «Красное и черное. Хроники XIX века» г-на Стендаля.

25 ноября — Стендаль прибыл в Триест.

4 декабря — австрийские власти отказывают ему в экзекватуре.

1831, 20 января — 19 февраля — Стендаль в Венеции.

11 февраля — официально назначен консулом в Чивитавеккью, при этом теряет часть своего жалованья.

17 апреля — вступает в должность, но большую часть времени

проводит в Риме.

12 августа — 11 сентября — Стендаль в Сиене и Флоренции.

13 сентября — возвратившись в Чивитавеккью и Рим, пишет новеллу «Сан-Франческо-а-Рипа».

26 декабря — отъезд в Неаполь с Адриеном Жюссье.

1832, 22 января — возвращается в Рим.

14 февраля — возвращается в Чивитавеккью.

6–31 марта — в связи с прибытием французского экспедиционного корпуса в Анкону консул Бейль отозван туда для исполнения обязанностей помощника военного интенданта.

1 апреля — 4 июля — возвращается в Рим и Чивитавеккью.

20 июня — приступил к написанию «Воспоминаний эгоиста».

10 августа — начало сентября — путешествие по провинции Тоскана: Сиена, Флоренция, Лука. **Сентябрь — 6 октября** — возвращается в Рим и Чивитавеккью. Приступает к написанию «Общественного положения».

7–19 октября — отлучается в Аbruццо.

20 октября — 5 ноября — пребывание в Риме.

6 ноября — 2 декабря — поездка в Сиену, чтобы встретиться там с Джулией Риньери, а затем пребывание во Флоренции.

5 декабря — возвращается в Рим.

1833, 22 января — 11 февраля — последняя поездка в Сиену, чтобы встретиться с Джулией Риньери.

14 февраля — пребывание в Риме и Чивитавеккье.

Март — Стендаль открывает для себя старинные итальянские манускрипты и погружается в их изучение.

1 апреля — разрыв с Джулией Риньери.

20 мая — 6 июня — пребывание во Флоренции.

7 июня — возвращение в Рим и Чивитавеккью.

Конец июля — краткое пребывание в Неаполе.

25 августа — собирается в Париж.

11 сентября — 3 декабря — Стендаль в Париже.

4 декабря — отъезд из Парижа, путешествует из Лиона до Авиньона паромом в компании Жорж Санд и Альфреда де Мюссе.

26–31 декабря — пребывание во Флоренции.

1834, 3 января — покинул Флоренцию.

8 января — возвращается в Рим и Чивитавеккью. **Начало марта** — читает рукопись романа «Лейтенант» своего близкого друга Жюли Гольтье и вдохновляется на написание романа «Люсьен Левен».

Начало июня — начало конфликта консула Бейля с подчиненным Лизимаком Тавернье, который едва не добился его отставки. Отныне его частые отлучки из консульства не будут более терпимы новым министром иностранных дел.

1835, 25 января — Стендаль получил звание кавалера ордена Почетного легиона.

28 июля — неудавшееся покушение на Луи Филиппа в Париже.

9 сентября — принятие законов от 13, 20 и 29 августа. Законом от 29 августа запрещено осуждать и обсуждать в прессе личность короля, хартию и правительство.

23 сентября — роман «Люсьен Левен» оставлен неоконченным.

Октябрь — путешествие в Равенну и Болонью.

23 ноября — приступил к написанию романа «Жизнь Анри Брюлара».

1836, 15 февраля — испытывая проблемы со здоровьем, консул Бейль просит об отпуске.

12 марта — отпуск предоставлен. Работа над «Анри Брюларом» прервана и более не будет возобновлена.

11 мая — отъезд в Париж.

24 мая — прибытие в Париж. Продажа издательству «Ревю де дё монд» рукописей новелл, написанных на основе старинных итальянских манускриптов. Сделаны наброски «Мемуаров о Наполеоне» и романа «Розовое и зеленое».

12 августа — отставка правительства Тьера.

6 сентября — формирование правительства Моле.

1837, 1 марта — публикация «Виктории Аккарамбони» в «Ревю де дё монд».

Апрель — прекратил работу над «Мемуарами о Наполеоне».

24 мая — прекратил работу над «Розовым и зеленым».

25 мая — начало июля — путешествие по западному побережью Франции и начало работы над «Мемуарами туриста».

1 июля — в «Ревю де дё монд» опубликована новелла «Ченчи».

1838, 8 марта — на четыре с половиной месяца отправляется в

путешествие по Франции и за ее пределами.

30 июня — вышли в свет «Мемуары туриста».

15 августа — в «Ревю де дё монд» опубликована «Герцогиня де Паллиано».

16 августа — задуман роман «Пармская обитель».

Сентябрь — написание «Аббатисы де Кастро».

4 ноября — 26 декабря — надиктовывает роман «Пармская обитель».

1839, 19 января — продает права на издание «Пармской обители» издателю Амбруазу Дюпону.

8 марта — отставка правительства Моле.

6 апреля — «Журналь де ла либрери» сообщил о поступлении в продажу романа «Пармская обитель».

13 апреля — начинает работу над «Ламьелем», работает над «Suora Scolastica» и «Излишек милости убивает», заканчивает новеллы «Кавалер де Сент-Измьер» и «Федер, или Денежный супруг».

12 мая — формирование правительства Суля.

24 июня — Стендаль покидает Париж.

10 августа — прибывает в Чивитавеккью. Продолжает работу над «Ламьелем», пишет «Привилегии» и совершает бесконечные переезды из Чивитавеккьи в Рим и обратно.

11–20 октября — пребывание в Риме.

21 октября — 9 ноября — поездка в Неаполь с Проспером Мериме.

5–31 декабря — пребывание в Риме.

1840, 1 января — 28 июня — между переездами из Чивитавеккьи в Рим работает над «Ламьелем». Любовное увлечение таинственной «Эрлиной».

14 июня — смерть Клементины Куриаль.

1–18 июля — пребывание во Флоренции.

11 августа — опубликована книга «Взгляд из Италии на некоторые знаменитые картины» Абрахама Константена, соавтором которой был Стендаль.

19 августа — 15 сентября — пребывание во Флоренции.

29 сентября — 23 октября — пребывание в Риме.

1841, 1–11 января — возвращение в Рим.

23 января — 1 марта — вновь в Риме.

11 февраля — первый апоплексический удар.

15 марта — повторный приступ.

31 марта — 10 июня — пребывание в Риме и Альбано.

15 сентября — получил отпуск по состоянию здоровья.

21 октября — окончательный отъезд из Чивитавеккьи.

8 ноября — прибытие в Париж.

1842, 22 марта — Стендаль потерял сознание на углу улицы Нев-де-Капуцин, сраженный апоплексическим ударом.

23 марта — Стендаль умер в два часа утра в своей квартире на улице Нев-де-Пети-Шан, 78, в возрасте 59 лет.

24 марта — отпевание в церкви Успения. Похоронен на кладбище Монмартр.

notes

Примечания

До Великой французской революции — королевский суд. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

Комическая сила (*фр.*).